

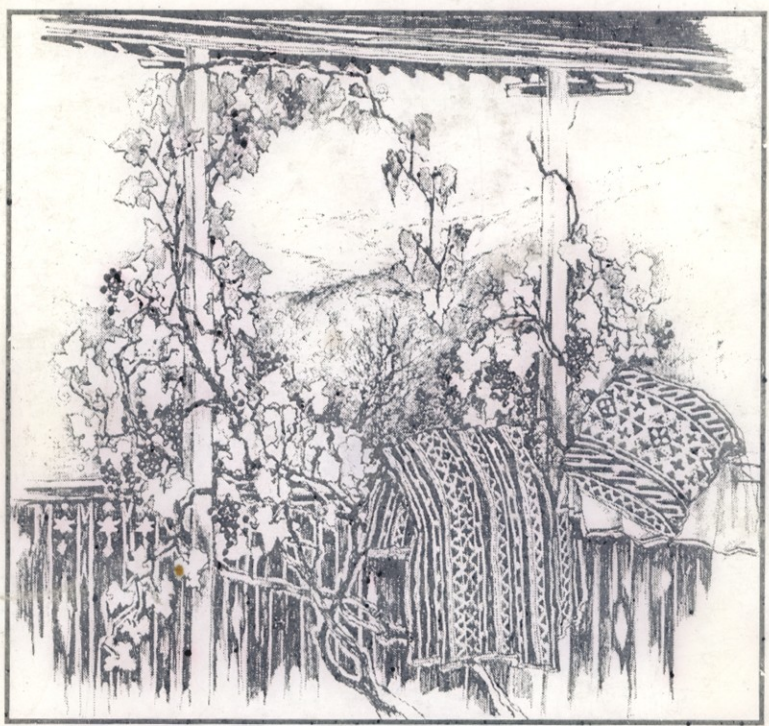
10335/2

2001

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

Литературная Грузия

1-6

2001

Литературная Грузия

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей Грузии
Институт грузинской литературы им. Ш. Руставели
Издательство "Литературная Грузия"

1-6

2001

СО Д Е Р Ж А Н И Е

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ – 160

ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ. “Натура Акакия” 5

П О Э З И Я

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ. “Поэт”

Перевод Бориса Пастернака 4

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Стихи.

Переводы Владимира Саришвили и Елены Николаевской 7

БЕСИК ХАРАНАУЛИ. Стихи.

Перевод Гины Челидзе 16

ГЕОРГИЙ ЧАРКВИАНИ. Стихи.

Перевод Владимира Саришвили 22

ИЯ СУЛАБЕРИДЗЕ. Стихи.

Перевод Владимира Саришвили 26

П Р О З А

ДЖЕМАЛ КАРЧХАДЗЕ.

Цветок магнолии или кончина бабушки Анны.

Перевод Гурама Гвинчидзе 33

ЛАША ИМЕДАШВИЛИ. “Дело Иисуса”

Перевод Лианы Татишвили 80

ЗУРАБ МЕСХИ. “Спазмы”

Перевод Вл. Кикилашвили 128

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

НЕСТАН СУЛАВА. “Ямбы...” 57

“НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ”

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ. Стихи. 65

ДАВИД КАЛАНДИЯ. Стихи. 68

ВАЛЕРИЙ БРОЕВ. Рассказы.

Перевод с грузинского Георгия Чарквиани 73

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ЛИНА ХИХАДЗЕ. “Метафизика гибельного полета” 155
МАНАНА НИНИДЗЕ. “Достоевский в Грузии” 163

Т Е А Т Р

- НАТЕЛА УРУШАДЗЕ. Жизнь, посвященная театру. 172

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

- ШАЛВА КАРМЕЛИ. Стихи.
Переводы Сергея Гандлевского и Зураба Габуния 181
ГЕОРГИЙ АБЗИАНИДЗЕ. Шалва Кармели. 186

Н А У К А

- АЛЕКСАНДР МАЛОВИЧКО.
Где была прародина этрусков? 190

ПУБЛИЦИСТИКА

- ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Открытое письмо английскому
ученому г-ну Джорджу Хьюиту. 214
ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ. НОМО BELLATOR 226

ИСКУССТВО

- МАРИНА МЕДЗМАРИАШВИЛИ.
Сны и явь волшебницы Гаянэ. 249
ГУРАНДА РОБАКИДЗЕ.
Иллюстратор грузинских сказок. 252

РЕЦЕНЗИЯ

- ЛИАНА ТАТИШВИЛИ. “Возьмемся за руки, друзья” 258

ОТ РЕДАКЦИИ

- зо прощания 272

Акакий ЦЕРТЕЛИ

ПОЭТ

**То я мудрец, то – сумасброд,
Я ни глубокий, ни плосок.
Дитя глубин и сын высот.
Я жизни отголосок.**

**Глубокомыслю не дивись,
На простоту не сетуй:
Все чувства мощные слились
В отзывчивости этой.**

**Способность замечать дала
Мне в дерзкий дар природа,
И я ловлю, как зеркала,
Все, что мелькнет у входа.**

**Но слышу и передаю
Лишь то, что в полной мере
В придачу к своему чутью
На опыте проверю.**

**Итак, не то, что в первый миг
Предполагают люди,
Я жизни чистый проводник
И истины орудье.**

1886

Перевод Бориса Пастернака

Григол РОБАКИДЗЕ

НАТУРА АКАКИЯ

Натура Акакия весьма сложна: в ней таинственным образом переплелись личность и творчество. Правда, личность Акакия и его творчество – не одно и то же, но то, что отделить одно от другого невозможно, это несомненно.

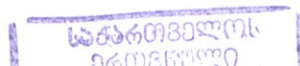
Натура Акакия – осколок судьбы грузинского народа. Каждая нация являет собой определенную духовную реальность: идея Платона, монада Лейбница. Она обретает плоть, а значит развивается, совершенствуется, создает свою историю. В процессе этого она прозревает, начинает мыслить, говорить. Это – первое рождение нации, но она может и уснуть на время: тогда взгляд ее туманится, сознание теряется, речь становится нечленораздельной. После продолжительного сна нация пробуждается: вновь раскрываются глаза, сознание становится ясным, речь понятной – это ее второе рождение.

Невозможно объяснить натуру Акакия. Проведем интересную параллель: Акакий и Пушкин.

Пушкин – дитя первого рождения русской нации; Акакий – плод второго рождения грузинской нации.

Пушкин явился России тогда, когда русский дух окутывала утренняя дымка; Акакий был явлен Грузии, когда она погрузилась в вечерние сумерки.

До Пушкина русский дух не зрел солнца, но ждал его

4187m

скорого появления, – Пушкин и сам в ожидании его блистательного восхода; грузинский дух до Акакия видел солнце, Акакий и сам с грустью ждет его второго восхода.

До Пушкина мощь русских была сродни варварской, лишь с Пушкиным она обратилась к культуре; мощь грузин уже до Акакия вобрала в себя культуру, отныне ей лишь следует продолжить этот путь.

Пушкин – первое слово только что родившегося народа; Акакий – второе слово проснувшегося народа.

Пушкин с радостью смотрит в будущее; Акакий с грустью оглядывается назад.

Звуки лиры Пушкина звонки и радостны; свирель Акакия причитает и плачет.

Пушкинская муза воздушна: ее многое радует – она многокрыла; муза Акакия – печальна: что-то гнетет ее – у нее одно крыло.

На этом параллель обрывается. Именно то, что гнетет Акакия, и объясняет его натуру. Грузинская нация в пору своего второго рождения переживает трагизм, и ее родной сын Акакий – яркий выразитель этого трагизма. Боевой дух грузин нашел воплощение в натуре Акакия, ибо его личность была принесена в жертву грузинскому образу. В этом и заключена тайна личности Акакия и его творчества: Акакий – истинная личность лишь тогда, когда творит. Тайну эту раскроет лишь будущее.

Мы празднуем юбилей Акакия не только потому, что он поэт (как думает большинство), но и потому, что Акакий – олицетворение таинственного и в то же время яркого образа грузинского народа.

Будущая судьба Грузии зависит и от распознавания этого образа.

Михаил КВЛИВИДЗЕ

СТИХИ 90-Х ГОДОВ**В ДОМЕ-МУЗЕЕ НЕИЗВЕСТНОГО ПОЭТА**

Вот стол поэта, письменный. А это
его кровать и шкафчик у стены,
где он хранил “интимные” сонеты
подальше от ревнивых глаз жены!..

А в этом кресле он отчалил к богу!..
Да нет, пожалуй: трезвым был почти,
и даже не болел!.. Ну да, немного
не дотянул до шестидесяти!..

Сюда пройдите!.. Вот последний сборник.
А здесь – “Автопортрет”... Конечно, спорный,
где он изобразил себя шутом!

Не удивляйтесь: просто, дело в том,
что странности дружили с ним всегда –
и в зрелости, и в юные года!..

(Ведь он и футуристом был когда-то,
как тот Бурлюк – заумных виршей автор,
не понятых никем!..)... Алло, алло!

Не напирайте локтем на стекло!..

А вот и стенд с любовной перепиской
на русском языке, и на грузинском, –
свидетельство внимания к нему

прекрасной половины!.. Не пойму,
что тут смешного?.. Здесь же, вот,
представлен “репрессивный период”
и факты биографии поэта
тех лет... Он сам, как видите, одетый
в пижаму арестантскую (на “ты”
с ним говорили “зеки” Воркуты!)...
На фотографиях и вышки, и бараки,
бюст Сталина, служебные собаки,
над воротами – транспарант и флаг...

А вот и пресса: “Враг народа...”, “Враг!..”,
“Наймит фашизма!”, “Уничтожим гада!”,
и подписи коллег. И подпись брата!..

А здесь он – возвратившийся домой.
Сидит за чаем со второй женой.
Она из бывших лагерниц, москвичка.
Мария... Тут не курят, бросьте спичку!..

Стенд похорон: венки, коллеги, гроб...
Обзор закончен! Не спешите, стоп!..
Пожалуйста, по лестнице спуститесь,
направо будет выход... Не толпитесь!

ЭПИТАФИЯ

Гули Матабели

Он жил с душою нараспашку,
пока небесный наш отец
не облачил его в рубашку

последнюю... И все. Конец.

Любовью был опасно болен,
но никогда не пил лекарств.

Он, как Цотнэ, был горд и волен
обид не помнить и мытарств.

Он для себя со страшным риском,
в том сердце – хвором и простом,
всех согревал – чужих и близких,
всем был “дорогой и мостом”.

И пил вино, не помня меры:

“Пьет целый мир – и я с ним пью”!

Свою лелеял в жизни веру
и правду пестовал свою.

И бился головой об стену,

хоть той стены не одолел...

Он знал “болезням” жизни цену

и – лучшими из них – “болел”!

СЕБЕ – В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Счет годам! – сей труд напрасен, не печалься, брат Михо!

Все, что было – то прекрасно. Маловато лишь стихов.

Потому – начни сначала. Что и как – ты знаешь сам.

Ждет корабль у причала, и врата открыты в храм.

И держи прямее спину! Пусть себе года летят!

Для поэта все едино – “пятьдесят” иль “шестьдесят”!

Провидение отмерит ровно сколько заслужил...

Я годам своим не верю, я еще почти не жил!

ПЕТУХ – БЕЖЕНЕЦ

Недавно с 15-го этажа гостиницы
“ИВЕРИЯ”, где сейчас живут
беженцы из Абхазии, я услышал...
крик петуха!

автор

На проспекте Руставели странный звук тревожит слух:
Из гостиницы высотной поутру орет петух.

Ежедневно здесь; в столице, в предрассветные часы,
Голосит петух сухумский, убежавший от лисы!

На параде мнит себя он иль на митинге каком?
Что он людям возвещает, потрясая гребешком?

То ли гневно проклиная бедных беженцев судьбу,
То ли снова призывает нас, тбилисцев, на войну?

Эх, горластый, зря орешь ты у тбилисских светлых врат:
Воскресить ничто не в силах спящих вечным сном ребят, —
Там, в окрестностях Сухуми, под землей лежат они...
Кто излечит наши раны? Что украсит наши дни?

Если без году неделя, свой покинув огород,
Ты в Тбилиси появился, вряд ли слезы вдов, сирот
Довелось тебе увидеть. И парламентских мужей,
Рьяно колющих друг друга, словно скопище ежей!

Ты не знаешь, как жиреет на чужой беде купец,
Не держал в когтях “купона”, что бесплоден, как скопец.
Громогласной лжи потоки не смущают твой задор,
А ведь дело в том, что скоро всех нас ждет голодный мор,

И тогда мы и на бойне не согонимся мяснику,
Ты ж в неведение блаженном все вопишь “ку-ка-ре-ку!”
И, расправив крылья, снова призываешь воевать,
Хоть гостиничных покоев не желаешь покидать!..

Но, смотри, не обольщайся, слишком уж беспечен ты,
Уцелевший под обстрелом, не сжигай домой мосты.
В жизни никогда не знаешь – где теряешь, где найдешь:
В нашем городе голодном скоро в суп ты попадешь!

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

* * *

Пытаюсь, хоть с трудом,
Понять на склоне лет:
Не грешен ли я в том,
Что родился на свет?

Не грех ли жизнь сама,
Все не возьму я в толк:
В ней есть и свет, и тьма,
Она – и дар, и долг...

Мы про себя и вслух
Твердим, что жизнь бедна!
Наш ненасытен дух,
Он, как кувшин без дна.

Но есть закон для всех
(Как не смириться с ним?)

Успех или неуспех –

Конец неотвратим...

Нам жизни волшебство

Явило пестрый лик.

А Смерть? Она всего

Лишь и скупленья миг!

РАЗРУШИТЕЛЯМ ПАМЯТНИКОВ

Когда спешим в граните, в бронзе
повергнуть ниц былых вождей,
спешим их с постаментов сбросить, –
мне кажется, всего важней,
всего важней, всему основа
не статуя, а пьедестал:
его разрушь, чтоб кто-то снова
на старый пьедестал не встал!

О, ЕСЛИ Б МЫ ПРОЗРЕЛИ!

С недавних пор – что происходит с нами? –
Как бы отравлены дурными снами,
Мы занялись занятьем нам не свойственным:
Как будто у безумья на краю
Кровь пролили – чужую и свою –
На поле брани, да и в доме собственном!..

Немало с той поры произошло

Того, чему не сыщешь объясненья...

• Но если бы когда-нибудь прозренье

К случайно уцелевшим нам пришло, –

О, если б мы прозрели!.. Без суда,
Я думаю, сгорели б от стыда!

9 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА

Ни одному вождю или пророку
Не верим: все распалось на куски,
Все потеряло цену и жестоко
Былых надежд растоптаны ростки.

Сраженные в бесчеловечной злобе,
Лежат здесь жертвы, встать им не дано...
Дом ПЛАЧА здесь. НАДЕЖЫ здесь надгробье.
ТЕРПЕНЬЕ наше здесь погребено.

РАССКАЗ УЧАСТНИКА БОЕВ В АБХАЗИИ

“Вовек мне не забудется сраженье
вблизи реки, родившейся в горах,
когда противник взял нас в окруженье
и – что скрывать! – разделал в пух и прах...
И непонятно мне, как в урагане,
под градом пуль, в том памятном бою,
я, как ребенка, что смертельно ранен,
из боя душу выволок свою.
Но было поздно, слишком поздно было,
ее, беднягу, покидали силы
и, не придя в сознание ни на миг,
она скончалась на руках моих!”

ОБРАЩЕНИЕ

посвящается Отару Хатиашвили

Вы развеите тоску мою, сверстники! Снова и снова
 Говорю: не под силу мне памяти тяжесть влачить!
 Попытайтесь, прошу: отнимите меня у Былого, –
 Болен ПАМЯТЬЮ я – и от этого не излечить!
 Я извелся вконец. Все брожу по дорогам былого,
 Вспоминаю ушедших, их вижу, их слышу, зову...
 Память!.. Пусть в словарях медицинских нет этого
 слова, –

“Память” – это недуг, что терзает меня наяву;
 Он во сне меня держит всей силою чар и наитий,
 И я знаю, что трепетный факел не будет задут...
 Разыщите меня, возвратите в Сегодня, спасите
 От тяжелой болезни, что “Памятью” люди зовут!

ТБИЛИССКАЯ ЭЛЕГИЯ

Т. Чиргадзе

На Мтацминде туман забелел. И дождю уж не литься,
 Вот и сходит на нет он – посланец заоблачных сфер...
 По проспекту проходит почтеннейший Гоги Квливидзе,
 Уважаемый всеми, известный в былом инженер.

Мостовые в потеках дождя. Неприютно и сыро.
 В старомодном пальто, в картузе, что прикрыл седину,
 Озирается он, – гость, забредший в чужую квартиру, –
 Одиночества боль никому не вменяя в вину.

Он писал мне в Москву: “Я не смог пониманья

добиться,

В этих новшествах, сын мой, понять ничего не сумел.
Я измучен в боренье со злом – старый Гоги Квливидзе, –
И уже ощутил, что всему наступает предел...

Я в Тбилиси мечтаю о жизни, бурлившей когда-то,
И понять не могу: кто есть кто, и я сам – кто такой?
На проспекте вчера проторчал целый день до заката,
И никто не кивнул мне, никто не махнул мне рукой!..

Я последним заложником стал... Приезжай

подивиться.

Мое время прошло – когда был я в чести, на виду.
И никто уж не скажет: “Да это же Гоги Квливидзе!”,
Если вдруг ненароком на улице я упаду.

Безвозвратно и люди ушли, и дома постарели,
Уважаемый всеми забыт и заслуги не в счет...”

Я, подобно отцу, на проспекте стою Руставели,
Жду – быть может, случайно знакомый пройдет.

Перевод Елены НИКОЛАЕВСКОЙ

ПОЭТ

Ни на глоток,
ни на грош,
ни на один стебелек,
ни силой,
и ни умом:
— одной слезинкой всего лишь
я больше вас!

КОНЧИНА МОЕЙ БАБУШКИ

1. Лета, река забвения

Когда моя бабушка
переходила Лету,
когда еще не успела ступить ногой в волны
и еще не очнулась,
зацепившись подолом платья
за прибрежный камень,
она покачнулась.
Но по старой привычке
ступать ровно, как и при жизни,
удержалась на ногах
и, выпрямившись,
вошла в реку.

Вода была прохладной,
река — мелководной,
а на другом берегу начинался лес,

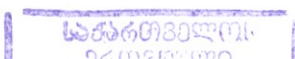
и все было так знакомо,
что ей подумалось:
не Иори ли нашу перехожу я,
не корову ль свою иду искать
в заречном лесу.
На меня она не оглянулась —
мне глаза застилали слезы,
и не смог я увидеть,
как она перешла на тот берег
и как скрылась в тумане.

2. В мире ином

Когда моя бабушка сошла в мир иной,
ее встретили души близких.
Пришли к ней сраженные пулей,
умершие от болезней,
убитые, кто предательски,
а кто ядом любви.

И только вдова Нато
не вышла навстречу бабушке,
поскольку ей и теперь,
как при жизни,
было не до торжеств,
поскольку и теперь,
как при жизни,
она отправилась в лес
за хворостом
для своих сирот.

147217

ЛЮБОВЬ

Я был у тебя прошлой ночью,
но не застал тебя дома...
И дома твоего не было нигде в городе...
И того города
не было нигде на земле.

БАБОЧКИ

Любовь началась у нас, как у бабочек,
о которых
только то и известно,
что сочтены у них дни.
Поэтому нас прощали и не травили.

Мы и сами были напуганы,
опасались
первых дней, первых встреч,
и всюду,
куда б не впорхнули,
ощущали себя чужими,
помня всегда, что мы бабочки,
о которых
только то и известно,
что сочтены у них дни.

Но время,
наверное, было за нас.
Прошли и весна... И лето...
И как-то холодным вечером,
когда мы заглянули в полюбившееся нам кафе,

женщина, подававшая кофе, встретила нас
приветливо
и доверительно улыбнулась.

Спасибо, бабочки!
Вы улетели,
вы забрали с собой
свои хрупкие ломкие крылья,
свою тленность и недолговечность.
И на память оставили нам
бесконечное трепетание.

* * *

Скажи ты, мама,
этим полям и холмам,
деревням и городам,
женщинам и мужчинам,
чтобы сына тебе вернули.

Вырви его у них по частям,
собери эти части в подол,
унеси далеко-далеко.
Присядь где-нибудь под деревом,
на зеленом лугу, на речном берегу,
и нанижи меня заново.

* * *

Хлопнули дверью,
ушли
и в дверях защемили мой взор,
устремленный им вслед.

Перерезали луч.
И оставили здесь
грустное лицо человека,
обрамленное далекими воспоминаниями.
Забрали бы уж и его.
Опустошенное,
к чему оно мне теперь!

* * *

О, если бы только смочь
остаться вновь одному.
Для чего свои стены
я заполнил этими лицами!
...не хозяин я в доме своем.

ПРАВДА

К моей ладони пристало твое дыхание,
когда в отчаянии я зажимал тебе рот,
чтобы не слышать тех слов,
что ты мне кричала.
Страшных слов, что потом ужасали меня всю
жизнь...
Я же напуганный и уничтоженный,
не уши себе затыкал,
а с силой зажимал тебе рот...
Ну и вот,
что натворил я!
Твое дыхание
пристало к моей ладони.

ИЗ МЕЧТЫ

Благословит тебя Бог,
солнца утренний луч.
Путь твой ко мне был так долог,
что в дороге
изодрались твои башмаки.
И стоишь ты теперь босой
На моем подоконнике.

БЕССОННИЦА В ДЕРЕВНЕ

Не спится,
ну и пусть...
мою развеет грусть
лай деревенских псов
и крики петухов,
и стрёкоты ночные,
наверное, сверчков.
Поскольку в Вечном крае
не слышно будет, знаю,
мне этих голосов.

Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

СКИТАНИЯ

Там и сям слонялись, пели,
В ресторан? Охоты нету...
Под скульптурой Руставели
Пили водку мы, поэты...
Не писал безделок – виршей,
И карьерою не вышел.
Вспоминаете, ребята,
Вы мою пустую хату?
На тяжелые постройки
Свет косой луна пролила,
Не рождались в хате строки,
Не до строк тогда мне было...
Это Лейла, Мариэтта,
Кто-то курит сигарету,
Кто-то рюмку опрокинул,
Огурец из банки вынул.
По мосту пройдем к бывшему,
Невозвратному, шальному,
Там и правда, и обманы,
Половые там романы...
Были ливни, были мели
Да скитания по свету.
Под скульптурой Руставели
Снова выпьем мы, поэты.

ФОТО

Сбросит желтое платице
На закате лоза.
С фото мне улыбаются
Озорные глаза.
Все в муку перемелется,
Мук себе не готовь.
Я-то думал – безделица,
Оказалось – любовь.
В кабаке бы попьанствовать,
В этом знаю я толк.
Ты ждала меня, страстная,
Разодетая в шелк.
Но за тостами быстрыми
Крест пропал мой во мгле.
Ах, зачем сохранилось ты,
Фото в старом столе...

ВАЛУН

У залива – цвета волчьего
Возвышается валун.
Сломит шею всякий конченный
Забулдыга-говорун.
Книжный шкаф томами давится,
Лорд английский у окна,
Над камнями возвышаются
Ребра сфинкса – валуна.
Вот река, во мгле рычащая, –
Вот он черно-желтый лев...
Женщина была – блестящая,
Был пропойцей – кавалер.

БЕДА

Удел твой как-то скукислся,
И сад твой поиссох,
Все куришь – не накуришься,
И пепел – как песок.
Нет на тебя похожего –
Один ты на Земле.
Стакан вина негожего –
Как ястреб на столе.
А вместо хлеба – отруби,
В окне закат погас.
И крыша цвета проруби
Обрушится сейчас.

ШЕМАЯ

Мну снежок в ладони, стоя
В телефонной будке с двушкой.
Было время – я с тобою
О любви болтал, подружка.
Как букет вина украшен –
Многоцветием блистая,
Манит он. Направо, в хашной
Варят свежую шемаю.
Денди с мужиком ухарски
Провожают гнет похмелья.
Да, на площади Татарской
Без тебя мне – не веселье.
Ночь любви нам не дарила
Счастье утреннего вздоха.
Ты мне голову вскружила,
И меня спалила похоть.

Вспышка памяти – осталась
Навсегда со мной ты рядом,
Хоть и жёлчью пропитались
Хлеб насущный, вин отрада.
Снег опять озорничает,
На снегу – фиалок стая.
Хашный дух вино венчает,
Варится в котле шемая.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

Ия СУЛАБЕРИДЗЕ

*Публикуемый нами цикл стихотворений
Ии Сулаберидзе удостоен высшей
награды на конкурсе молодых поэтов – "Аллегорейн",
который проводился в Риме летом нынешнего года.*

ЛЕВ

Ты – мое укрытие, убежище,
Что тебе сказать – стою, не знаю я,
В мушкетерском впору мне ходить плаще,
А не клушей быть, домохозяйкою.

Не люблю я беготни – нос по ветру,
Не люблю дуэлей я отложенных,
Рождена я в месяц Льва – и попросту
Быть такую свыше мне положено.

Смех и слезы – кормчий в море мертвенном
А удача – не кума, не крестная,
И Господь ошибся бы, наверное,
Уродись я строгой и серьезною.

Я нужна тебе -- как хлеб – застолюю
Или мехи – придорожной кузнице.
Мушкетерский плащ к лицу мне более,
Чем передник кухонной прислужницы.

Я И ТЫ

Я – тоненькая женщина-поэт.
Ты – великан, мою вобравший силу.
Не думай, что меня избрал ты, нет,
Сам избран мною, пересмешник милый.

Сквозь розовые не смотрю очки,
Я знаю, ты – уж точно не волшебник,
Приди – плечами – всю меня почти –
Накрой в своих объятиях блаженных.

Я – боль Вселенной и слеза цветка,
Я – рядом, здесь, и все же далеко я,
О, будь мостом – сквозь эти облака
Между моей зимою и весною.

Я – тоненькая женщина-поэт,
Ты – всемогущ, но терпишь поражение,
Не думай, что меня избрал ты, нет,
Сам избран мною для грехопаденья.

НЕУЖТО Я ТВОЯ

Я просто с тобою, но я не твоя.
Хоть львы не привыкли делиться
Я – вольная птица, не пленница я,
И с этим ты должен смириться.

Чуть свет – и умчусь я, куда захочу
Целуй же, но прочь упованья.
За девять вершин ледяных улечу,
Ведь мне нипочем расстоянья.

Как часто себе удивляюсь сама,
Свихнулась я, что ль – не иначе.
От нежности этой лишенный ума
Откажется – и не заплачет.

И ласки мне любви и нежная речь,
Ты холишь меня и лелеешь
Ты часто любовь мою можешь зажечь,
Но вечностью ты не владеешь.

И что для любви выси гор ледяных?
Крылами взмахнувши широко,
Домчусь до тебя из галактик иных
В одно лишь мгновение ока.

Что время? В безбрежности лет световых
По первому зову желанья
Домчусь до тебя из галактик иных,
Ведь мне нипочем расстоянья.

И что мне за дело – ты тонешь в делах
Или от безделья томишься.
Когда я возжажду тебя, вертопрах,
Не скроешься, не утаишься.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Как часто я не помню,
Что сама –
Владычица сокровищницы царской.
А помнила бы –
Так сошла б с ума,
За свет забвенья, Боже, благодарствуй!

За то, что я
Не помню о глазах,
Дарующих и зренье и прозренье,
О слухе,
Различающем впотьмах
презренья голос и благословенья,

И что забыт
Язык мой без костей,
Что мысли держит взаперти, а речи
На свет выводит —
Развлекать гостей.
Язык, молчать готовый
И перечить.

Не помню я
О легких,
Дышат — пусть
Себе и дышат. И о мозге тоже,
Что поглощает горе,
Радость, грусть,
Спокойно бытие мое итожа.

Но стоит мне
В коляске увидеть
Увечного, недвижимого калеку,
Я вспоминаю — что за Благодать —
Плыть, бегать, прыгать,
Как же человеку
Немного надо.

Драгоценный дар –
Вот две руки, две ножки – просто прелесть
(Похвастаюсь).

Пускай любовный жар
Мужчин снедает...
Бросьте, не надейтесь.

Не возропшу тогда,
Что не ношусь
Как прочие – галопом по Европам,
Что в свой “Пежо”
Вальяжно не сажусь,
Не возропшу до старости, до гроба.

Как часто я не помню,
Что сама –
Владычица сокровищницы царской.
А помнила бы –
Так сошла б с ума,
За свет забвенья – вечный – благодарствуй.

* * *

Глаза – то пламенем, то льдинками
Скользят по платью откровенному
Изрешеченной, как дробинками,
Стою – мишенью сокровенною.
Не повредят мне эти выстрелы.
Моей любви тебе, властителю,
Не достает, как правде – вымысла,
Как знаменателю – числителя.

ВЫЗОВ

На этом пальце безымянном
На украшение – кандалы,
Твои глаза блестят обманом,
Как пистолетные стволы.

Ну что же, к флирту не утерян
Давнишний вкус, и в этот раз
С улыбкой нежною тебе я
Бросаю вызов – мой отказ.

На этом пальце безымянном
Оковы тверже, чем алмаз.
Твой хищный взгляд горит обманом –
Прими же пулю между глаз.

РОДИНЕ

Не разгону толпы твоих воришек-холуев,
Не хватит сил поднять мне меч на вражескую рать,
Какая польза в том тебе, о лучший из краев,
Что не могу я без тебя ни жить, ни умирать.

ФОТОГРАФИЯ ЛЮБИМОГО ПОЭТА

Шаг по крошке-кабинету
Взад-вперед. А в мыслях – склоки.
Взгляд случайный – и с портрета
Вы мне подсказали строки.

Словно жар золы вечерней
Излучает ясный разум
Взгляд поэта. Как я мерзла,
А теперь согрелась разом.

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

Джемал КАРЧХАДЗЕ

ЦВЕТОК МАГНОЛИИ ИЛИ КОНЧИНА БАБУШКИ АННЫ

Эта история вызвала тогда немало толков и породила достаточно версий, более или менее здраво объяснявших происшедшее. Иные в своей буйной фантазии дошли до того, что все случившееся объясняли массовым гипнозом, что, естественно, было абсурдом и в длинном пестром ряду предположений занимало едва ли не последнее место. Впрочем, довольно об этом — я расскажу все подробно и по возможности связно, а уж выводы вы делаете сами.

Бабушка Анна была истинной бабушкой, почти совершенной, и это подтверждается тем обстоятельством, что на протяжении последних десяти лет решительно все — старый или молодой, далекий или близкий, посторонний или знакомый — звали ее “бабушкой”, что соответствовало в этой сфере высшему званию (как, скажем, генералиссимус в сфере военной). В мире, где все относительно и дуалистично, а именно таковым наш мир и является, “все”, разумеется, не означает — поголовно все; наше родство, к примеру, такое, что, если разместить всех вместе без тесноты, понадобилось бы средних размеров село. У такой массы людей (я не говорю уже о некровных родственниках, соседях, друзьях или недругах) едва ли отыщется некое общее для всех без исключения свойство. С этой точки зрения, естественно, обращение “бабушка Анна” не могло иметь

претензии на всеохватность, более того, несколько подруг ее детства, я точно знаю, звали ее попросту “гого”*, но у подобных исключений есть своя функция и не стоит принимать их в расчет, тем более, что в селе Эцера, где бабушка Анна прожила большую часть своей жизни, действительно все без исключения звали ее “бабушкой Анной”, в том числе и дед Дэви*, которого, согласно метрике и другим официальным записям, в самом деле звали Дэви, поскольку, если верить разговорам, он родился большим и волосатым, однако никто его не звал ни “дэвом”, ни дедом, во всяком случае, я ни разу не слышал, чтобы к нему обращались иначе, как к Спиридону. Да он и не был похож на дэва, я его помню тощим, низкорослым, с большими поникшими ушами, густыми рыжими бровями, редкой рыжей шевелюрой, с постоянно заросшим рыжими волосами лицом и жалким совершенно необъяснимым рыжим же взглядом.

Но это все пустяки, главное, что произошло тем летом – смерть бабушки Анны.

Бабушка Анна скончалась четырнадцатого июня, во вторник, прохладным вечером, когда клонящееся к западу пурпурное солнце, только-только перевалив за Олений хребет, нырнуло вниз. В том что случилось не было, разумеется, ничего неожиданного и исключительного. Кто рождается – обычно умирает. Кто-то раньше, кто-то позже. Если принять во внимание, что бабушке Анне ровно за неделю до смерти исполнилось восемьдесят шесть, можно смело сказать, что она не ахти как замешкалась на этом свете – некоторые с такой легкостью разменивают сто лет, что и глазом не моргнут,

---

* Гого (груз.) – девочка.

* Дэви (груз.) – сказочный великан.

но и не очень-то поспешила покинуть его, просто отда-лась течению жизни; и потому медленно, методично, в соответствии с природой вещей, тело ее теряло тепло, что в последнее время ежегодно компенсировалось ею дополнительным слоем одежды. Но пришел день, когда дарованное свыше тепло иссякло, слои одежды полностью исчерпали свои скромные возможности, и бабушка Анна по-доброму и, насколько известно, мирно завершила свою земную юдоль и отошла.

В конце мая - к началу июня наш старый дом в Эцера – огромный, невзрачный, любимый – обычно полнился ребятней. Дело в том, что школы – эти просветительские филиалы преисподней, к тому времени закрывались на каникулы, и родители в реабилитационных целях отсы-лали маленьких грешников, истощенных и обалдевших от учебы, в деревню. Не всех, разумеется, мальчишек-старшекласников, к примеру, сердцем, разумом и еще чем-то, чего не выразить словами, исподволь влекло к морю, где обнаженные бедра и почти обнаженные магнетические бездны верхних регионов бесследно поглощали их мировоззренческие устои – философские, религиозные и религиозно-философские – и при этом у них так посверкивали глаза, что глядя на них, родители, из чьей памяти, кто знает, еще не окончательно стерлись воспоминания о собственной молодости, порой бывали вынуждены идти на определенные уступки. Да, такое случалось, но нас было много – двенадцать внуков и четверо правнуков, так что отсутствие нескольких жалких дезертиров никак не отражалось на нашей численности. У бабушки Анны было пятеро детей (что, разумеется, немислимо без участия Спиридона, и если я обычно упоминаю только бабушку Анну, то только потому, что следую семейной традиции, поскольку

ничего другого мне не остается): дядя Анде, мой отец, дядя Акакий и две мамиды* – Нато и Гуранда. Дядя Анде уже тогда был отцом троих детей и дедушкой трех внуков, и, если не считать Дали, именно в тот год заканчивавшей медицинский институт, со всей своей семьей проживал в деревне. К концу весны и к началу лета к ним присоединялись мы – девять человек, включая двух мамид. Эта простая арифметика, я думаю, дает ясное представление, каким шумным бывал июнь в нашем старом и невзрачном доме.

Дом наш, в соответствии с законами природы, старел постепенно, с течением времени, а невзрачным, по-видимому, был с самого начала. Слишком узкий и несоразмерно длинный (представьте еще обмазанный известкой первый этаж), он смахивал скорее на громадный хлев, чем на жилой дом, где проживала весьма уважаемая и некогда почитаемая всем селом семья. Второй этаж, построенный из древесины каштана, выглядел несколько благообразнее, впрочем, всего лишь несколько, и то лишь потому, что вдоль всего южного фасада тянулся широкий балкон, на котором в дождливые дни, когда во дворе была непролазная грязь, можно было устраивать два футбольных матча одновременно. Вокруг дома был участок земли в полгектара. Повыше, на пологом солнечном склоне – старый виноградник, который почти уже не плодоносил, внизу же, где земля поровнее – кукурузник, фруктовый сад и огород. Справа, между домом и виноградником (скорее ближе к дому, чем к винограднику), росла магнолия. Кто, когда и с какой целью посадил ее, сейчас уже никому не ведомо. Помимо балкона, этот драгоценный дом имел еще одно достоинство – бесчисленное число комнат, что придавало

---

* Мамида (груз.) – сестра отца.

игре в прятки максимально напряженный, сложный, захватывающий (а после наступления темноты для нас, горожан, чарующе зловещий) характер. Все недвижимое имущество досталось Спиридону по наследству. Его братья и сестры (их было семеро) в свое время отделились от родителей, получив каждый свою долю наследства. Спиридон же достался бабушке Анне и в результате этого небесно-земного союза мы появились на этом свете в таком количестве, что пожелай мы поделить имущество, на душу, верно, пришлось бы по паре досок и паре колышек для укрепления виноградной лозы, не более того. К счастью, дело до раздела не дошло. По взаимному согласию заинтересованных сторон все отошло к дяде Анде, что, несомненно, было мудрым решением, и я убедился в этом в прошлом году, когда после многолетней разлуки мне вновь удалось побывать в Эцера. Дядя Анде разрушил старый дом и построил новый, вырубил старый виноградник и заложил на его месте новый, и вообще так преобразил памятные с детства места, что нельзя было на них налюбоваться, кабы не тоска, сжимавшая сердце.

Но это в прошлом году, а тогда, в то сладостно вспоминаемое время, все было так, как я рассказываю, и мы время от времени все еще собирались вместе в родовом коровнике.

Только вот тем летом бабушка Анна умерла.

Смотреть за домом при таком числе его обитателей, притом за таким домом, становилось все труднее и труднее. Поэтому в последнее время потребительский акцент был полностью перенесен на первый этаж, и к тому времени, о котором я веду речь, именно этот этаж был так или иначе приспособлен для жизни и соответственно для смерти. Там в маленькой комнатухе,

примыкающей к обширной кухне, и умерла бабушка Анна, когда все взрослые, включая Спиридона и дядю Анде, находились дома. Дома была и вся малышня, мы же, четверо более-менее взрослых ребят (Ладо, сын дяди Анде, я, Датуна, сын дяди Акакия и Гио, сын мамиды Гуранды) поднялись на горку поиграть.

Горкой мы называли небольшую возвышенность, поросшую густым лесом и имеющую форму усеченного конуса. Усеченная часть представляла собой довольно большую лужайку, покрытую цветами, красивую и удобную для любых игр. Впрочем, я любил ее скорее всего по другой причине: мир как бы ковром расстилался у моих ног, и если какое-то время я молча взирал на него отсюда, меня пробирала некая, ниспосланная свыше, амбициозная приятная дрожь.

Только мы услышали крик, как Ладо тут же сказал: бабушка Анна умерла, и никто не усомнился в его словах, поскольку Ладо всегда все знал, и, кроме того, последние три дня бабушка Анна не вставала с постели, вопреки обычному тихо постанывала. Мы сразу же прекратили игру и спустились в село. Предположение Ладо оправдалось: крики неслись из нашего дома. Мы уже различали голоса. Причитали поочередно. То мамида Нато, то мамида Гуранда, а то бицола* Саломэ, жена дяди Анде. Это были причитания информационного характера, и действительно, когда мы подошли к дому, все, кому предназначались эти сигналы высокой частоты, т.е. ближайшие родственники и соседи, были уже на месте.

Вскоре причитания стихли. Однако кончина в узком понимании — всего лишь звено в той цепи больших и сложных вселенских событий, которые подразумеваются

---

* Бицола (груз.) — жена дяди.

под этим понятием. Когда стихли крики и причитания, и село, так сказать, приняло к сведению факт кончины бабушки, наступил следующий этап.

В тот вечер нас, детей, погнали спать пораньше, взрослые же до утра бдели у ложа бабушки Анны. А наутро начались те праздничные хлопоты, по характеру которых легко можно догадаться, что речь идет о смерти. Уследить за каждым было невозможно, поэтому в точности не скажу, кто что делал, но могу поклясться, все были чем-то заняты и делали свое дело честно и добросовестно; хотя, чего уж скрывать, иные выглядели излишне деловыми и добросовестными, словно до конца не доверяли сами себе, что, на мой взгляд, несколько приземляло возвышенную и глубоко естественную атмосферу смерти. Вообще, основная тяжесть выпала на этот второй день. Прежде всего, в самой большой комнате нижнего этажа устроили штаб, который возглавил дядя Анде. Действительными членами штаба были избраны только мужчины. Один из них — уважаемый Арчил, учитель математики местной школы постоянно сидел во главе обеденного стола, перед ним лежала канцелярская книга, в которую заносились все решения, принимаемые штабом; принятое решение затем записывалось в трех специальных графах, коими были: 1. Наименование задания; 2. Имя и фамилия исполнителя; 3. Срок исполнения. С выполнением задания соответствующие графы аккуратно перечеркивались и в конце ставился знак “+”. Это было необходимо для того, чтобы в суматохе, столь естественной в подобных случаях, ничего не было упущено, за что потом пришлось бы краснеть.

После завтрака меня и Ладю послали к однорукому Михако за деревянным топчаном. В селе не сыскалось

бы семьи, у которой не было деревянного топчана, хотя бы одного – это и Ладо подтвердил (у нас их было три), но почему-то все использовали под покойников деревянный топчан однорукого Михако. Он стоял прислоненный в углу в небольшом сарайчике, ни на что другое более не пригодном, за домом Михако, и сдавался за весьма умеренную плату. После очередного погребения топчан возвращали владельцу, тот вносил его в сарайчик, ставил на место до поры, пока в селе не объявится новый покойник. На Ладо задание не произвело никакого впечатления: к такого рода делам в деревнях привычны с малых лет. Я же воспринял поручение, как серьезное признание моей значимости, и почувствовал возросшее уважение к самому себе.

Однорукий Михако жил неподалеку, топчан был нетяжелым, и с заданием мы справились быстро и успешно, хотя, признаться, поначалу я здорово перетрусил. Когда Михако вынес из сарайчика топчан и поставил его перед нами, я вдруг совершенно отчетливо увидел всех покойников, которые когда-либо покоились на нем (а их число, как сказал мне Ладо, было довольно внушительное). В животе у меня неожиданно что-то задрожало, и я едва сдержал непреодолимое желание дать стрекача. Слава Богу, мне удалось в конце концов перебороть страх и избежать позора. Ладо, как хозяин и как старший (на три месяца!), предложил на выбор: либо идти впереди, либо за ним. Я предпочел первое. Пойди я сзади, всю дорогу у меня перед глазами торчал бы полный покойников топчан и, кто знает, выдержал бы я это испытание или нет, а так страх проникал сквозь ладони и копошился в пальцах, которыми я ухватился за край топчана за спиной, что было более или менее терпимо.

Короче, мы добрались до дома без приключений, и после того, как женщины тщательнейшим образом вымыли и высушили топчан, мы подняли его в столь же тщательнейшим образом натертую до блеска и полностью освобожденную от мебели залу. Здесь почетный груз перешел в руки старших. Старшие поставили топчан посреди залы и покрыли его большим толстым коричневым ковром, а на ковер положили тело бабушки Анны, которое несколько мужчин на носилках быстро подняли на второй этаж; женщины накрыли тело саваном ослепительной белизны, сложили руки покойницы поверх савана под грудь, а в изголовье зажгли большую толстую свечу. Такого размера свечи я еще не видел. Потом внесли стулья, расставили их вдоль стен и сели. Сели в основном женщины; мужчины лишь присаживались на короткое время, произносили дежурные фразы о тщете всего сущего и отправлялись по своим делам.

К этому времени далеко не все были одеты соответствующим образом. Но зато на другой день поголовно все оделись в траур, и тело бабушки Анны оказалось окруженным черной каймой. Правда, иные женщины явились в одолженных туалетах, так неловко сидевших на них. наших это не касалось: обе мамиды и бицола Саломэ справили себе новые платья. Правда, у мамиды Нато был потрясающий траурный наряд – в прошлом году у нее умер свекор, и на его похоронах она выглядела так, что и султан, наверное, не остался бы равнодушным, но то платье осталось в городе (могла ли она подумать, что оно так скоро понадобится!), и мамида предпочла сшить новое, чем везти из города старое.

Как уже было сказано, второй день был самый напряженный. Утром двое соседней, повязав галстуки,

чего, насколько мне известно, они никогда не делали, сели на машину и уехали, а к полудню возвратились вместе с доктором, во всяком случае, тот, кого они привезли, был в белом халате и смахивал на доктора, хотя, с другой стороны, и этот вопрос я сразу же задал себе, зачем мертвому врач?! Доктор, или кто бы он ни был, выпроводил родственников покойницы из залы и почти целый час оставался один на один с трупом. Что он там делал, я не понял, да и Ладо не смог сказать что-либо вразумительное, но интуитивно мы почему-то связали его работу со странным, непонятным и почему-то очень неприятным словом “бальзамирование”, которое мы тогда впервые услышали.

Все неотложные дела, из-за которых в дальнейшем могли возникнуть малейшие препятствия, должны были быть закончены в тот день. В частности, принесли справку из ЗАГСа (это Ладо сказал – из ЗАГСа, хотя что это такое объяснить не смог), которая окончательно и совершенно официально – непреклонной силою печати – удостоверяла, что бабушка Анна действительно скончалась.

Заказали “домовину” (так называют в Эцера гроб).

Составили трафаретный текст: “Уваж Скончалась бабушка Анна. Похороны в воскресенье, 19 июня, в 5 ч.” Посадили трех девушек, но не в штабе, а в отдельной комнате, которые весь день заполняли пригласительные.

На приготовление еды для близких родственников усопшей были мобилизованы соседи (которые сами, не дожидаясь директив из штаба, установили очередность, распределили обязанности и превосходно справились с ними).

Постепенно дела заладились. Правда, в связи с музы-

кальным оформлением панихид мнения разделились и возник легкий спор, приглашать ли музыкантов или ограничиться магнитофонными записями, но дядя Анде и мой отец, который вместе с моей матерью прибыл в то утро, взяли ответственность на себя и решили вопрос в пользу магнитофона.

Наняли могильщиков, договорились с поварами, и в субботу начался завоз продуктов и всех необходимых для трапезы предметов (котлов, тарелок, подносов, блюд, бутылок, стаканов, ножей, вилок, столов, стульев, скатертей, салфеток...),

Автобусы не понадобились, поскольку кладбище было в двух шагах от дома.

И вот наступил последний день пребывания бабушки Анны на этом свете. Если до сих пор движущей силой времени было содержание – напряженная, неустанная, непрерывная работа, то теперь на передний план выступила форма, и воскресное утро сразу приняло торжественный вид. После завтрака все, кто был вовлечен в обслуживающую деятельность или какие-либо ритуалы, приоделись, а с двенадцати часов народ массово стал стекаться к нашему дому. До сих пор на панихиды являлись исключительно местные, а также жители окрестных сел, сегодня же начали прибывать на поездах, автобусах и собственных машинах из отдаленных регионов, и к трем часам пополудни почти все, кто считал своим долгом проводить, как говорится, бабушку Анну в последний путь, были на месте.

Полгектара земли – площадь немалая. Не скажу, что иголку некуда было воткнуть, это звучало бы как преувеличение, но народу действительно собралось видимо-невидимо, столько людей вместе можно увидеть разве только на ярмарках или, скажем, на хорошо

организованных митингах. Чтобы у читателя при этих словах не возникло неприятного вкуса во рту, тут же добавлю: в отличие от ярмарок и митингов, где атмосфера пропитана, в первом случае, ярко выраженной алчностью, во втором случае – ярко выраженной агрессией, а в обоих – резким зловонием, здесь, прежде всего, бросались в глаза степенность, покойные лица, чистота, пестрые галстуки, белые сорочки, крахмальные воротнички, кружева, банты, очки, белоснежные носовые платки, пестрые зонтики, шляпы, модные кепи и теплые искры добра, которое сердечные улыбки поднимали из душевных глубин, распространяя вокруг импульсы дружелюбия.

Разумеется, мы несем на себе печать эпохи, и сегодняшняя наша бесперспективная жизнь в какой-то мере определена свистящими ветрами времени, о чем, между прочим, свидетельствует и то убийственное обстоятельство, что многие из прежних владык ходят в тех же костюмах, что и раньше, только прежде те костюмы блистали новизной, а ныне лоснятся от ветхости, однако время – лишь одна из причин этой великой разницы, и было бы безрассудством закрывать глаза на другие причины.

Я хочу этим сказать, что на фоне жизненных ухабов социальные ступени обычно четко различимы. Наше родство и в духовном, и в материальном плане принадлежало к сравнительно высокой социальной прослойке и весьма гордилось этим (между прочим, несмотря на комичную, своего рода, несообразность, многие и сегодня в своих прежних костюмах ведут себя так, словно им пальца в рот не клади). К примеру, среди этих людей – я имею в виду лишь кровных родственников, столь единодушно собравшихся в честь бабушки Анны,

было не менее двенадцати (а возможно, четырнадцатипятнадцати) докторов наук (в том числе, замечу вскользь, мой отец и мамида Гуранда). Они степенно прогуливались по нашему просторному двору – чистые, аккуратно причесанные, невозмутимые, полные оптимизма – сердечно (припав губами к руке или пожимая ее) здоровались с вновь прибывшими, взяв под руку, чинно прохаживались, беседовали, улыбались, порой даже смеялись, но смеялись как-то так, что это было проявлением не неуважения к бабушке Анне, а напротив, глубокого почитания, в меру шутили и в знак любви гладили друг друга по плечу, а над их головами ореолом стоял ароматный голубой дым от импортных сигарет.

Вечером общество ожидало большое застолье.

На первый взгляд – особенно если находиться наверху, на склоне, трудно было представить, что такое количество людей вообще можно накормить, но наша семья по тем временам обреталась на таких высотах самолюбия – а для той микроэпохи главным было именно чувство собственного достоинства, но никак не экономические возможности – что приди к нам практически все, кто нас знал, (что так и было на самом деле) она не уронила бы себя в их глазах. С другой стороны, трапеза и в содержательном отношении обещала быть очень приятной.

Это прежде всего чувствовалось по ароматам. Запахи исходили из-за дома и, благодаря легкому ветерку, распространялись по всей территории двора. Там, за домом, было разведено четыре костра. На высоких чугунных треножниках в огромных котлах что-то клочкотало, издавая разные звуки и испуская различные ароматы. Власть над котлами и ароматами находилась в руках пятерых поваров-волшебников, из коих двое были

опытными мастерами, здоровыми и пузатыми, остальные трое, исполнявшие обязанности подручных, – более молодыми и не столь пузатыми. Там же, за домом, но повыше – чтобы дым не мешал участникам трапезы, была натянута огромная палатка, в которой вокруг длинных столов хлопотали облаченные в белые передники молодые миловидные женщины.

Если подумать, долгая жизнь, прожитая человеком, имеет еще одно преимущество – общество, пришедшее на его похороны, освобождается от некоторых оков условности и чувствует себя в какой-то степени вольготно (хотя, надо сказать, степень этой свободы должна оставаться разумной). Ведь атмосфера, царящая на каждых конкретных похоронах, в значительной мере обусловлена возрастом покойника. Когда провожаешь в последний путь усопшего, который получил по жизненному векселю все или почти все, прошел путь до конца и мирно воссоединился с вечностью, ты также преисполнен мира, расслаблен, совершенно свободен от соболезнающего цоканья языком и прочих фальшивых возгласов, можно не хмуриться, активно включиться в разговор с близкими и выпить на несколько стаканов больше, чем рассчитывал. Я говорю это потому, что в те времена на похоронах еще встречались друг с другом годами не видевшиеся родственники.

Приближался момент погребения. В пригласительных билетах было отмечено – пять часов – но это, совершенно очевидно, не имело никакого значения; в пригласительном билете непременно должно быть что-то отмечено, помимо всего прочего, этого требует наше подсознательное стремление к формальному совершенству, да и пять часов вечера в июне – наилучшее время для похорон. Но реальное, действительное время

погребения – я говорю о селе, а не о городе, где точность почему-то имеет большее значение – определяет в значительной мере тот факт, собрались ли на месте все те, чье присутствие необходимо или, в крайнем случае, очень желательно. В нашем случае с этой точки зрения все было в порядке – кого-либо из особо избранных уже не ждали и соответственно не было никакой необходимости нарушать указанное в пригласительных билетах время похорон.

До пяти часов оставались минуты, когда нас, нескольких ребят, и в первую очередь меня и Ладо, вызвали на балкон. На этот раз наша обязанность заключалась в том, чтобы мы с венками и корзинами цветов участвовали в процессии, причем на самом почетном месте: между гробом и ближайшими, самыми важными родственниками усопшей. Разумеется, после транспортировки топчана подобное поручение было сущим пустяком, тем более, что то же задание получила и ребятня младше нас, но тогда это приятно щекотало мое детское самолюбие.

Мы поднялись на балкон и стали в ряд в ожидании распоряжений.

И вот – внимание!

Только появился главный распорядитель – дядя Гоброн, небритый мужчина, сложением напоминавший гориллу, лицом – рецидивиста, а сердцем – ангела, который в сопровождении таких же косматых мужчин вошел в залу для того, чтобы перед последним, таинственно мистическим языческо-христианским ритуалом выпроводить оттуда ближайших родственников, как мы с Ладо толкнули друг друга локтями.

Двор наш представлял собой прямоугольник, длина которого приблизительно в три раза превышала ширину.

Дом стоял в конце этого длинного прямоугольника, и до калитки расстояние было немалое. За двором, почти у самой калитки начинался спуск. Дорога шла вдоль склона и полого спускалась вниз, к колхозной конторе; поэтому, если кто поднимался по склону, отсюда – с первого ли, со второго этажа (одно только, с первого этажа вы замечали прохожего чуть позже), сперва можно было увидеть голову пешехода, возникающую из непросматриваемой зоны, а затем постепенно все остальное, вообще-то это движение – вертикальное и горизонтальное – подчинялось строгому геометрическому закону, который я и Ладо – мы неоднократно наблюдали его под этим углом – точно рассчитали. И вот неожиданно правило нарушилось. То, что кто-то поднимался по подъему, было очевидно, поскольку показалась шапка. Правда, нечто, представшее нашему взору, довольно трудно было назвать шапкой, поскольку оно не соответствовало ни одному известному нам типу головного убора, но, с другой стороны, что же это должно было быть?! И шапка эта двигалась как-то асимметрично, попирая с такой точностью выверенный нами закон соотношения горизонтали и вертикали.

Впрочем, все вскоре прояснилось, однако это ничуть не охладило нашего удивления, напротив, еще больше распалило его: человек, к этому времени одолевший подъем, оказался не простым пешеходом, а всадником на белом коне. Несмотря на то, что он был далеко от нас, мы четко увидели – и было в этой картине что-то жутковатое – он одет в чоху, а голова покрыта башлыком.

Пока я, где-то на грани сознания, пытался понять, действительно ли вижу то, что вижу, всадника заметили все остальные, и легкий, сдержанный, в меру оживленный говорок, который как-то подходил последнему дню

бабушки Анны, стих. В безмятежную атмосферу врывается диссонанс. Мгновение, и бесчисленное количество глаз с изумлением уставилось на странного всадника, который спокойным размеренным шагом приближался к нашему двору.

На деревенских похоронах (в городе – реже) всегда можно увидеть, по крайней мере, несколько человек, к полудню уже находящихся под хмельком. Это преимущественно те люди, которые в силу различных причин (в основном из-за неудобного транспортного расписания) прибывают на похороны намного раньше, чем следовало бы. Оставлять их до вечера голодными не годится, поэтому для них накрывают стол задолго до официального келехи*, ну а если иные из них чересчур налегают на вино, то, согласитесь, в этом нет ничего удивительного: человеческая натура слаба и неустойчива, такими уж создал нас Бог. Я считаю себя трезвомыслящим человеком (если ошибаюсь, поправьте) и весьма далек от мысли, будто возможна объективация наших субъективных видений, но поскольку мы, главным образом, знаем то, что ничего не знаем, я предпочитаю упомянуть и об этих гостях, тем более, что именно им, насколько мне помнится, принадлежала фантастическая версия, будто бы причиной всему случившемуся был коллективный гипноз.

Длинноногий абсолютно белый конь высоко держал маленькую голову и приближался к нам легким, размеренным шагом. Всадник был тоже белый, во всяком случае, белая чоха, белый башлык, белая борода – вся эта позолоченная лучами заходящего солнца белизна затмевала черный цвет азиатских сапог. Голову он тоже

---

* Келехи (груз.) – поминки.

держал высоко. А взиравшее на него общество, все до единого, уподобились бабушке Анне, я имею в виду то, что все оцепенели, и лишь неодушевленные предметы продолжали движение, такие как, скажем, пламя костров или сигаретный дым. Среди нас, за прискорбным исключением некоторых, абсолютных невежд не было, все мы прекрасно знали, что человек – это одно, а конь – другое, и если мы таращились на всадника, как в свое время американские индейцы – на диковинку, то всему виной оторопь и изумление, овладевшие нами. И, на мой взгляд, реакция была естественной: столь неожиданный анахронизм в такой короткий срок невозможно воспринять, осознать и определить ему место в порядке вещей.

Между тем конь подошел к воротам, но несмотря на то, что они были распахнуты, во двор не вошел. Всадник натянул узду. Конь остановился, и всадник соскочил с него. Легко соскочил. Я отмечаю это потому, что по мере его приближения мы с Ладо отметили множество деталей – тогда у нас были ястребиные глаза – и видели, что всадник далеко не молод. Трудно сказать точно, сколько ему было лет, но выражение лица и другие, казалось бы, незначительные мелочи выдавали тот возраст, когда человек должен воздерживаться от одиночного путешествия верхом. Так или иначе, всадник соскочил с коня, взял его под уздцы и отвел от ворот на несколько шагов (очевидно для того, чтобы не мешать входящим и выходящим), не спеша связал конец уздечки петлей и накинул ее на кол изгороди. Затем все так же не спеша расправил полы чохи, чуть подвернул рукава, провел ладонями по бакенбардам, выпрямился и направился в нашу сторону таким же неторопливым покойным шагом, каким только что шел его конь.

В тот же миг мой младший брат и близняшки дяди Акакия – Тика и Нинуца, которые играли возле родника, так как еще не доросли до того, чтобы нести венки в похоронной процессии, вдруг сорвались с места и с диким ржаньем бросились к привязанному у ограды коню (живая лошадь была для них в диковинку, и потом в течение длительного времени они только о ней и говорили).

Неизвестный, между тем, уже вошел во двор и неумолимо приближался к нам. На мгновение мне показалось, сам рок надвигается на нас, хотя я понимал, что это сравнение весьма неточно.

День стоял такой, какие обычно стоят в это время года в Эцера: небо непостижимо то хмурилось, то прояснялось, природа, казалось, в течение целого дня все никак не могла решить – то ли ей пролиться дождем, то ли воздержаться. В конце концов она выбрала сушь, но порядком надоела нам своими метаниями. Разметанные по небу клочки облаков, большие и малые, с утра не давали покоя солнцу – то проскальзывали под ним, на мгновение затеняя его, то задерживались возле, а то так плотно окружали со всех сторон, будто должны были сопроводить его в укромное место для справления малой нужды, но в следующее же мгновение бросались враспынную, оставляя его в совершенно натуральном виде. Так продолжалось в течение всего дня. Но как только незнакомец вошел во двор и направился к дому, облака прекратили свои игры и рванули вдаль, к окоему, возможно для того, чтобы спокойно наблюдать, да и солнцу дать возможность не упустить из виду то, что произойдет на нашем дворе.

Незнакомец был высок и сухопар, длинная чоха покрывала ему голени. Шла ли она ему, не знаю, но

помню, я подумал, не жарко ли ему?

Он вошел во двор, и общество, пребывавшее до поры в оцепенении, ожило. Причем ожили не все, а те, кто стоял на пути к дому, и лишь потому, чтобы уступить дорогу незнакомцу. Странно (и удивительно) было то, что люди уступали дорогу гораздо быстрее, чем шел незнакомец, в результате создавалось впечатление, что перед ним катилась некая незримая волна, и волна эта вынуждала людей пятиться назад. Во всяком случае, когда незнакомец достиг середины двора, дорога к дому была полностью свободна.

Незнакомец шел, глядя прямо перед собой, не знаю, может он не замечал этих людей, среди которых, как было сказано выше, было не менее двенадцати, а вероятнее всего четырнадцать или пятнадцать докторов наук, а может, просто не обращал на них внимания. У него было длинное лицо, крупный горбатый нос, который придавал ему какой-то героический вид, и — мы это заметили тогда, когда он подошел поближе — светломедовые, почти прозрачные глаза.

Он подошел к балкону и, поднимаясь по лестнице (вокруг царила могильная тишина), бросил мимолетный взгляд на магнолию. Здесь я считаю должным добавить, что под словом “взгляд” ничего другого в виду не имею. Дело в том, что первые три ступени нашей лестницы идут параллельно балкону и заканчиваются небольшой площадкой, а потом лестница резко поворачивается и идет уже перпендикулярно вверх. Эти первые три ступени направлены прямо на магнолию, поэтому совершенно естественно, что она оказывается в поле зрения человека, поднимающегося по ним, если, к тому же, голова его вскинута так, как у нашего незнакомца. Правда, мне показалось, будто по лицу его мгновенно

что-то пробежало – то ли тень, а то ли свет, но в подобных обстоятельствах (особенно если учесть мой тогдашний возраст) что только не покажется человеку! Во всяком случае, незнакомец, одолев первые три ступеньки, совершенно равнодушно оторвал взгляд от магнолии, спокойно поднялся по оставшейся части лестницы, пересек балкон и вступил в залу, где в надежном окружении ближайших родственников лежала бабушка Анна. Основное ядро мужчин группировалось справа у входа в следующем порядке: Спиридон, дядя Анде, мой отец, дядя Акакий и зятя – Гиви Осепашвили и Патрик ван дер Лайн (более молодые принимали соболезнование внизу у лестницы). Отец и дядя (за исключением ван дер Лайна) старались ничем не выдать своего удивления, ибо, будучи людьми образованными и состоятельными (высшее учебное заведение закончил даже дядя Анде, правда заочно), прекрасно понимали не только то, что выказывать изумление в такой момент неудобно, но и то, что изумившийся человек качественно ниже неизумившегося. Что касается Спиридона, то его румяное лицо выражало беспокойство и какой-то испуг, впрочем, это выражение было у него и до появления незнакомца, даже до кончины бабушки Анны, и не исключено, что он вообще родился с ним (что, между прочим, хотя и внушало страх незнакомым, в принципе ни в чем ему не мешало). Все мужчины, кроме Спиридона, были при галстуках. Незнакомец, слегка кивнув им, прошел в залу. Здесь сидели женщины, среди них и молодые. Женщины, в отличие от мужчин, не пытались скрыть своего удивления, а бисола Саломэ, когда незнакомец кивнул и им, ответила – “Благодарю вас” или что-то вроде этого голосом, прямо-таки дрожащим от любопытства.

Незнакомец же прошел в конец залы, обошел гроб

и, когда, согласно заведенному обычаю, должен был повернуть назад, вдруг остановился, повернулся к бабушке Анне, подошел вплотную и, скрестив руки на груди, замер на месте. Если можно говорить об эволюции молчания, то оно в этот момент достигло своего пика. Лично я, к примеру, ничего, кроме собственного дыхания, не слышал.

Он простоял так несколько секунд. Затем разнял руки, левую опустил вниз, правую же сунул за пазуху. Мгновение и – не знаю как умудрился он не повредить его – вытащил оттуда один цветок. Один цветок магнолии – белый, большой, пышный. Слегка наклонился, вложил цветок в руки бабушки Анны и вновь выпрямился. Я тотчас припомнил его взгляд, брошенный на магнолию, и то, как мне показалось, что по лицу его в этот момент что-то пробежало – то ли тень, то ли свет, тем не менее как человек, исповедующий трезвый реализм, я все приписал простому совпадению (между прочим, и сегодня остаюсь при своем мнении). Незнакомец постоял несколько мгновений, затем вновь склонился над гробом, нежно прикоснулся руками к вискам бабушки Анны и запечатлел на ее лбу поцелуй. Я намеренно употребил это выражение, потому что хочу выразить всю ту разницу, что существует, на мой взгляд, между словами “поцеловать” и “запечатлеть поцелуй”. Бабушка Анна не шелохнулась, никак не отреагировала на смелый поступок незнакомца. Да и как она могла отреагировать! Куда исчезли из ее хладного тела механизмы, ответственные за румянец на щеках, изгиб бровей, пробуждение забытых воспоминаний, потаенную улыбку и другие ностальгические эмоции, но, кто знает, может быть и без них бабушка Анна уже пребывала в блаженстве.

Незнакомец вновь выпрямился, повернулся и так же не спеша покинул залу.

Тут я невольно бросил взгляд на Спиридона. К выражению беспокойства и испуга на его лице, в котором, к сожалению, не было ничего героического, теперь примешалась тревога. Тревога и еще некая сумеречная тень то ли стыда, то ли страха, то ли ревности, не знаю... Впрочем, это последнее, само по себе пропитанное бесчисленными ядами слово, разрушающее человека, дробящее его на части, в данном случае, думаю, ничего не выражало, было неуместным и возможно даже комичным.

Я стоял у входа в залу, как раз с той стороны, откуда вышел незнакомец. Он прошел буквально в нескольких сантиметрах от меня и, помню, я подумал, не коснуться ли мне его рукой – меня интересовало всамделишный ли он, но пока я колебался и боролся со своей всегдашней болезнью – нерешительностью, он уже прошел мимо меня.

Пересек балкон, спустился по лестнице (в сторону магнолии и не взглянул) и неторопливо прошел тем же путем, который освободили ему недавно и который все еще оставался свободным. В царящем вокруг глубоком тревожном молчании (что, видимо, мало волновало незнакомца) он миновал двор, вышел за ворота, свернул направо, где ждал его привязанный к забору конь, отвязал его, вскочил на него, вскочил легко, как-то даже подозрительно легко и тронул коня; стал спускаться по склону, постепенно скрываясь из глаз – сперва исчез конь, потом чоха, а под конец и башлык.

И тут разметавшиеся по окоему облака немедленно устремились к солнцу, окружили его плотными слоями, и через некоторое время, когда процессия двинулась к

кладбищу, пошел летний теплый торопливый звонкий дождь.

...Толки и пересуды, вызванные этой странной историей, какое-то время энергично вынюхивающие трещины и щели в немалой конструкции, именуемой нашей семьей, то в виде ядовитой иронии или безобидной шутки, то степенного рассуждения или романтических измышлений, то печали или просто скрытой зависти, в конце концов, как и следовало ожидать, стихли, и жизнь вошла в свою колею. А светлая чистая душа бабушки Анны – я в этом не сомневаюсь и не сомневался никогда – царит и будет царить во веки веков в Божественном сиянии, в наилучшем месте. Аминь!

Перевод Гурама ГВИНЧИДЗЕ

Нестан СУЛАВА

ЯМБЫ ЦАРИЦЫ ТАМАР

В грузинских литературных и исторических памятниках, в научной литературе авторство нескольких ямбических стихов связывается с именем царицы Тамар. По мнению П. Ингорква, Тамар принадлежат шесть ямбов, которые сохранились в разных рукописях, а один из них, по преданию, был, якобы, написан на триптихе иконы Хахульской Богоматери.

Одна из историй о царице Тамар – “Истории и восхваления венценосцев” включает “Пять ямбов в двадцать пять стихов”. По словам анонимного автора исторического сочинения, они принадлежат царице Тамар. Здесь же сообщается, что поводом для написания одного из ямбов послужила одержанная в 1195 году победа в Шамхорской битве. Наиболее значительным, исключительным и, разумеется, символическим трофеем было знамя халифа, захваченное полководцем Шалвой Ахалцихели. По словам того же автора, Тамар повела себя “подобно деду отца”. Давид Агмашенебели пожертвовал в свое время отнятое у врага драгоценное ожерелье иконе Хахульской Богоматери. Захваченное в Шамхорской битве знамя царица Тамар также пожертвовала иконе Хахульской Богоматери и посвятила ей ямб.

Мы посчитали необходимым провести историко-филологический, теолого-философский и художественный анализ каждого отдельного ямбического стиха, так

как несмотря на совпадение идеологических, теологических и литературно-художественных воззрений и аксессуаров, установление авторства сочинения, даты его написания, уточнение данных рукописей требуют индивидуального подхода.

Ямбическое стихотворение “Небесам небесным”, включенное в историю о царице Тамар, сохранилось в каждой из тех рукописей, которые содержат текст этого исторического сочинения. Выдержка из этого ямба встречается в Гелатской рукописи 1481 года К-564, являющейся самой древней из содержащих ямб рукописей, однако автор в ней не указан.

Для подтверждения авторства Тамар можно привлечь несколько аргументов. Прежде всего, следует принять во внимание данные самого ямбического стиха, согласно которым автором является царица Тамар, потомок библейского Давида: “Меня, Тамар, прах твой, в прах имеющая обратиться, удостоила помазания и родства с тобою”. Как видим, речь идет от первого лица и ясно, что Тамар обращается к Девственной Богородице. К этому надо добавить и то, что наша страна всегда имела просвещенных и склонных к творчеству царей. Дела управления страной редко оставляли им время для творчества, но одно-два несравненных произведения они создавали по внушению Святого Духа для удовлетворения своих поэтических и духовных потребностей и не только для этого. Не надо идти далеко за примером — вполне достаточно упомянуть прямых предков царицы Тамар. Прадед Тамар, Давид Агмашенебели к концу своей жизни написал “Песнь покаяния”, дед Тамар, царь Димитри, которого мы знаем также под именем Деметре-Дамиане, создал замечательные ямбические стихи. Если заглянуть в более древние времена, можно вспомнить

Басила Мтацминдели, гимнографа XI века, сына Баграта Третьего, и царицу Борену. Исходя из сказанного, можно заключить, что создание поэтических творений было своего рода традицией грузинских царских семей. Автор “Историй и восхвалений венценосцев” сообщает, что Тамар в честь одержанной на войне победы написала посвященное Богоматери благодарственное песнопение и цитирует упомянутое ямбическое стихотворение “Небесам небесным”. Заметим, что в историческом сочинении помещено посвященное Георгию III однострочное стихотворение, написанное шестнадцатисложным шаири, автор которого не назван. Если бы ко времени создания сочинения имя автора было известно, летописец, как и в случае с именем автора “Небес небесных”, непременно назвал бы его.

Насколько правомерно считать сведение историка не соответствующим истине, есть ли этому какие-либо основания? Ведь в таком случае недоверие должны были бы вызвать не только сведения об авторстве Тамар, но и сами исторические факты, о которых идет речь. А ведь известно, каким источником для истории Грузии являются “Истории и восхваления венценосцев”. С учетом изложенного мы считаем ямбическое стихотворение “Небесам небесным” плодом творчества царицы Тамар.

Второе ямбическое стихотворение в рукописях приписывается то царице Тамар, то Руставели. Согласно сведению некоторых рукописей, оно написано на створке иконы Хахульской Богоматери. Р.Кения установила, что на иконе помещен ямб иного содержания*. Судя по самому ямбу, его автором является царица Тамар. “Ме-

* Р.Кения. Чеканка триптиха Хахульской иконы Богоматери. – Тбилиси, 1972, с.27-31 (на груз. языке).

ня, Тамар, происходящую из рода Давидова, признай. В грузинской научной литературе эта точка зрения впервые высказана П. Ингороква*.

Идеология, стиль, фразеология и поэтика стиха проявляют большое сходство с ямбом “Небесам небесным”. Оба ямба написаны с соблюдением принципов классического ямбического стихотворения, в обоих высказана мессианистская идея, оба посвящены иконе Хахульской Богоматери.

Основой ямбов царицы Тамар послужила гимнографическая традиция. В них речь идет об основных проблемах христианского богословия: Триединство в одном лице, создание Вселенной, сонм небесных сил, освобождение от первородного греха через страдания Христа. В песнопениях отразились и исторические явления, и характерное для эпохи Тамар основное идеологическое направление – антимусульманская тенденция.

Ямбы имеют две стороны: одна – конкретная и связанная с ней эстетическая ценность, вторая, первейшая и высшая, – мистическое содержание. Целью ямба Тамар “Небесам небесным” является выражение извечности Бога, которая главенствует в нем. Композиционно песнопение – логически крепко спаянное художественное произведение, каждая строфа которого находится в смысловой связи с другой. Первая строфа ямба отображает библейскую космогонию, вторая содержит библейско-евангелические факты и символы, последующие три – насыщены информацией исторического значения. Впрочем, первые две стопы третьей строфы вновь и вновь основываются на библейско-еванге-

---

* П. Ингороква. Ямбические стихи царицы Тамар. – “Мнатоби”, 1941, № 3, с. 115-153 (на груз. языке).

лических символах. Поэтому эта строфа носит и библейско-евангелический, и исторический характер. Нами проведен детальный анализ каждой строфы, каждого символа, каждого теологического символа. По первой строфе ямбического стиха односущее триединство (Святая Троица), ипостаси которого названы по отдельности – Бог-Отец (“Богоначалие”), Бог-Сын (“Сын первый и грядущий”) и Бог-Святой Дух, сотворило все из ничего, что завершилось явлением первого на земле человека. Триединый Бог и Всевышний обитает на небесах небесных, которые имеют и символическое осмысление и означают Богоматерь, в лоне которой облекся во плоть, стал человеком Иисус Христос, Бог-Сын, явленный для искупления грехов человеческих Спаситель. Эта строфа отображает бытующую в христианской богословской литературе точку зрения о процессе сотворения, т.е. бытия. Эта строфа ямбического стихотворения Тamar имеет множество параллелей как в предшествовавших литературных традициях, так и в современной ей литературе. Этого, собственно, и следовало ожидать. Из всех параллелей, в первую очередь, следует выделить первую и вторую строфы пролога поэмы Шота Руставели, где высказана креационистическая точка зрения на сотворение мира.

Во второй строфе, являющейся логическим смысловым продолжением первой, с использованием параллельных образов дан важнейший эпизод из Ветхого Завета – грехопадение Адама – “породившее зло”, – в противовес которому отображаются страдания Безгрешного Христа: “Безгрешный в грехе принял его и грех первородный искупил”. Первая строфа завершилась сотворением Богом “первого на земле” Адама. “Первородный” содеял грех и утратил Божью благодать, но для

искупления его грехов Бог явил Сына Божьего, “Сына человека”. Во второй строфе конкретизируются, уточняются функции “первородного” и “Сына человека”.

Таким образом, вторая строфа стиха отображает библейско-евангелическое содержание и мотивы. Используя антиномичные параллельные образы, автор ямба говорит о явлениях Ветхого и Нового Заветов.

Последующие три строфы содержат богатую историческую информацию. Третья строфа начинается обращением к Богородице, сказано, что рождение Сына Божьего Девой символично знаменовал эпизод, когда Давид скакал перед переносимым ковчегом Господним (II Цар. 6, 14). По библейскому образымышлению, ковчег – это Богоматерь, в нем хранится слово Господне. Эта строфа имеет особую литературно-историческую ценность, так как здесь Тамар говорит от первого лица и просит Богородицу оказать ей честь помазания на престол. И в последующих строках автор в первом лице повествует читателю о победе над чужеземцами и неправовверными, что еще раз говорит об авторстве Тамар. В ямбе подчеркнуто, что Давид, муж Тамар, относится к роду Ефрема. Тамар из рода Давидова хвалит Давида из рода Ефрема, что отражает характерную для грузинской идеологии точку зрения, согласно которой грузинские Багратиони были потомками иудейского царя и пророка Давида, а осетинские Багратиони, фактически побочная ветвь грузинских Багратиони, были известны как потомки Ефрема. В ямбическом стихотворении Давид характеризуется как подобный сыновьям Ефрема боец, герой. Путем использования параллельных образов подчеркивается схожесть грузинских и осетинских Багратиони с библейской царской династией.

Ямбический стих “Девственная кровь...” носит

религиозно-философский характер. Используемые здесь термины наделены глубокой символичностью. “Плоть таинственная” наряду с религиозным толкованием объемлет и толкование символическое, указывает на духовное обновление человека, что происходит по воле Бога, по провидению. В ямбе Тамар с сыном сравнивается с Богородицей и Богом-Сыном.

Автор создает свое поэтическое творение в рамках каноника, однако она свободна и неограничена в выборе средств и способов художественного выражения, образов, символов, аллегорий, ассоциаций и параллелей. Она может использовать любую парадигму, которая окажется наиболее уместной для выражения основной мысли и способной донести до читателя настрой автора. Высказанные в ямбе теологические воззрения были знакомы слушателю и читателю; но художественное произведение, где каждому слову в его прямом и переносном значении, т.е. насыщенному значением тропа, автор придает новое значение и смысловую нагрузку, новое смысловое и эмоциональное звучание, вызывает новое ощущение и настрой.

Ямбы “Небесам небесным” и “Девственная кровь...” выделяются своими художественными достоинствами. Здесь встречаются образцы вербальной аллитерации, т.е. образцы аллитерации образов, что характерно и для поэтической речи Руставели. Особого внимания заслуживает эвфония песнопений, они относятся к числу акустически благозвучных произведений.

Интересна поэтика ямбических стихов, оба ямба выполнены в классическом стиле, чувствуется тенденция упорядочения слогов в стопе. Их характеризует такое средство поэтического выражения, как перенос.

Оба ямба царицы Тамар выполнены в стиле Гелат-

ской богословской школы и продолжают традиции грузинской поэзии. В них автор предстает поэтом с глубокой духовностью, с необычайной утонченностью и деликатностью проявляющим свой оригинальный поэтический почерк.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

ХОРУМИ

Напряженно-натужные хоры
И топочущий бешеный круг,
И тушинские, пшавские горы,
Из тумана шагнувшие вдруг.

Их вершины глядят все угрюмей,
И в ущельях рождается звук,
Стих Важи, словно грохот хоруми,
Тяжесть за руки взявшихся рук.

ХВАНЧКАРА

Я думал о свойствах вина хванчкара,
Какая в нем светится радость,
Как нравится девочкам эта игра,
Святая атласная сладость!

Позднее полюбишь, как юность свою,
Пронзительность киндзмараули,
Как будто бы в ту же густую струю
Немного печали плеснули.

Потом в горьковатом и рыжем вине
Оценишь надежного друга...
Но только зачем эти праздники мне,
Когда начинается вьюга?

Когда зацветает родная лоза,
Вино прошлогоднего сбора
В кувшинах бушует, идет, как гроза,
Как пенье грузинского хора.

И голос его, обжигая до слез,
Мерцает в полях ледовитых,
Где сорокоградусный русский мороз —
Как национальный напиток.

* * *

Растрачены годы в потемках твоих,
Пропали в подвалах, в духане.
В груди, колыхаясь, колотится стих,
Подъемов твоих задыханье.

Я видел: за пыльными стеклами шьют,
Тачают и чинят, и месят,
И шел мне навстречу ремесленный люд,
И плыл заблудившийся месяц.

Лазурь с пожелтелой, заблудшей луной
И лиственный шум у порога,
Родное окно горожанки одной,
Излука небесного рога.

Где вечные гаммы, терзавшие слух,
И вскрики детей голосистых,
И светлые лики юневших старух,
Пленявших царя гимназисток?

Всегда под хмельком и немного всерьез
Ты мне говорил о высоком.
Твоих живописцев тяжелый психоз
Взирает всевидящим оком.

Могу, улыбаясь, заплакать навзрыд,
Кольцо опуская дверное.
В твоих переулках, порхая, парит
Сестра моя – жизнь, паранойя.

* * *

Века и долгие мгновенья
И ветер лестниц винтовых,
Тбилисской жизни откровенья,
Еще надолго хватит их.

Здесь откровеннее бесстыдство
И тягостней смиренный стыд,
И равнодушной любопытство
Неиссякающих обид.

* * *

Пока все в порядке,
Я вроде б поэт,
Не ем и не сплю, все рифмуюсь.
С меня взятки гладки,
Пока есть куплет,
И с музой пока я целуюсь.

Меня принимают
В высоких местах,
Тебе это очень приятно.
Стакан наливают,
И лизут в уста, * * *
Для всех моя рифма понятна.

Ты с гордостью ходишь
К подругам своим
И вирши мои им читаешь.
Машину ты водишь,
Не видя ГАИ,
Тебя не задержат, ты знаешь.
За дымкой искусства,
В цветастых словах
Не видно ни пыли, ни грязи.
Красивые чувства
Рассыпятся в прах,
Когда вдруг закончится праздник.

Стервятники-грифы
Навалят помет
Мне на уши, прямо как серьги.
Расклеются рифмы
И муза помрет,
И ты меня спросишь: “А деньги?”

* * *

Свет,
Тушите свет,
Идите прочь!
Бред
Последних лет
Не превозмочь.
Рак!
Сжирает рак
Ваш кислый мозг.
Мрак,
И визг собак,
И хохот розг.
Вы
Осуждены
На все века,
Сны,
Исчезли сны,
Без снов – тоска.
Кровь.
Промерзла кровь,
Промок заряд,
Вновь
Не будет новь,
Ведь с вами ад.

В душе играет музыка
В размере марша...
Распушиваю усики,
Чтоб быть постарше.

Я выхожу на улицу
С кольцом на пальце,
Ко мне никто не сунется:
Меня – бояться!

По улицам столицы я
Иду – сморкаясь,
Здоровуюсь с милицией,
Не улыбаясь.

С потенцией всегда о'кей,
Здоровье в норме,
Как легендарный Бармалей,
Я в чудной форме.

Иду я гордо, не спеша,
С улыбкой сальной,
И не хочу я ни шиша,
Мне все нормально!

Все парни пить зовут вино,
А бабы сохнут,
А я мечтаю об одном:
– Когда ж я сдохну!

* * *

Тело встало, чистит зубы,
Лоск наводит на портрет,
Чуть выпячивает губы
И идет маячить в свет.
На работе все в порядке,
Там улыбка, тут смешок,
Кофеек дает зарядку,
В общем, телу хорошо.
Тут зарплата подбежала,
Тело в очередь встает,
Время зря чтоб не бежало,
Травит новый анекдот.
Шесть часов, пора по норкам,
Тело гасит свой бычок,
И вперед, как птица-тройка,
Совершает свой рывок.
Тело в гости приглашают,
Будут много разных тел,
Алкоголь в себя вливают,
Говорят про беспредел.
Тело хриплым баритоном
Под гитару (блям, блям, блям)
Про вечерние про звоны
Песнь поет другим телам.
Завершит день в чьей-то койке,
Чьи-то груди теребя,
Вы же поняли, девчонки,
Что пишу я про себя!

Обвис мой гордый стяг,
Все суета сует,
И пламенный очаг
Уже совсем потух.
Пока что все – никак,
Пока что снова – НЕТ,
Тащусь назад, как рак,
Взлетаю – как петух.
Сказал бы кто-нибудь,
Чего же я хочу,
В чем моей жизни суть,
О чем еще мне спеть?
Пройти бы мне свой путь,
Не загасив свечу,
Впустить бы воздух в грудь
И как Дедал взлететь.

АНГЕЛ ВО ПЛОТИ

Поезд остановился у центрального тбилисского вокзала. Пассажиры направились к выходу. Вместе с другими – и Караман. На нем был вылинявший лавсановый костюм, он держал выдавшую виды целлофановую сумку. Караман час назад освобожден из так называемого исправительно-трудового лагеря, одним словом, из тюрьмы. Там он просидел один год за то, что случайно задавил автобусом пьяного вдрызг человека. Караман почесал смуглое некрасивое лицо. “И в тот окаянный день погода была точь-в-точь такая хмурая”, – вспомнил он арест.

Караман шел домой и думал о жене. Собственно, он часто это делал и в колонии. Гаваз была красивой, черноглазой, чернобровой, словно медом намазанной. Имеющая высокое мнение о себе, претенциозная Гаваз, которая про все говорила – “фу” и “фи”, не захотела жить с родителями мужа. У Карамана же был весьма кроткий нрав, он во всем соглашался с женой. Детей у них не было, хотя два года прожили вместе. Впрочем, они молоды, казалось, все впереди.

Несколько смущала одна вещь. Гаваз ни разу не пришла в колонию проведать мужа. Денег он ей оставил столько, что посетить его можно было раз десять...

Ну вот и серый двухэтажный дом, в котором Гаваз имела квартиру.

Караман, волнуясь, постучал.

Дверь открыл некий Резо. Караман его достаточно хорошо знал. Несколько раз даже гостил у него дома.

– Наше вам с кисточкой, чао, чао, заходи, заходи, значит ты уже вышел из тюрьмы, – Резо из кожи лез,

чтобы казаться беззаботным и веселым.

– Кто это там, Резо? – раздался голос Гаваз.

Они вошли в комнату.

– Ах, это ты, – произнесла Гаваз и иронично оглядела Карамана. Она сидела за столиком. На нем лежало небольшое зеркало. Гаваз держала в руке пинцет, поправляла брови. Из-под полурастегнутого халата видны были соблазнительные ноги. Караман целый год просидел в тюрьме. Ему захотелось обнять ее...

– Я вышла замуж, – бесстрастно продолжила Гаваз. – Я тебя, смешно говорить, никогда не любила. Какой к черту любила, я тебя терпеть не могла. Неужели ты не чувствовал? Впрочем, ты же у нас ангел во плоти, точнее, такой наивный дурак, ты не смог бы допетрить... Забирай свои шмотки к чертовой матери, нужны они мне, как собаке пятая нога. Что касается денег, которые ты оставил, их уже нету, так сказать, нетути, расходы были большие – свадьба, свадебное путешествие...

Караман левой рукой схватил ее за волосы и правой от всей души дал ей леща, а потом еще и еще и радовался, что ухоженное лицо перестало быть таковым, приняло растерянное выражение, а затем уже вполне серьезно он бросился на Резо и долго его колошматил... Закончив “дело”, выскочил на улицу...

Он шел ошалелый и чуть не угодил под машину. Позади остались длинный проспект, площадь, мост... Вдруг он остановился. “Может быть, все к лучшему”, – подумал он. Караман понятия не имел, что много, много лет назад приблизительно ту же фразу – “Все к лучшему в этом лучшем из миров” – часто произносил герой одной книги. Даже тогда, когда заболел сифилисом. Даже тогда, когда его приговорили к смертной казни.

...Караман направился к дому своих родителей.

ДУРНОЙ СОН

Утром, когда я выходил из дома, моя чудесная суеверная жена сказала:

– Будь осторожен, я видела дурной сон.

– Мне бы твои заботы, – ответил я.

У меня – старый “Москвич”, принадлежавший еще блаженной памяти моему отцу.

Сажу за рулем, жарко, трачу бензин, а клиента и в помине нет. Еду и все думаю, как содержать семью, как не сдохнуть с голоду в этой собачьей жизни. Остановить машину тоже не могу – шоферы-конкуренты запросто могут пересчитать ребра.

И вдруг я увидел молодого парня со спортивной сумкой, выходящего из подземного перехода. Он направился в сторону моей машины, которая шла со скоростью полкилометра в час. Я затормозил, он сел и продолжил движение.

– Куда? – спросил я деловым тоном.

Он назвал несколько тбилисских районов и осведомился, сколько будет стоить эта, так сказать, прогулка.

Тяжелое это дело называть цену. Скажешь много – плохо, скажешь мало – и того хуже. Заикаясь, я сказал – пятьдесят лари.

Парень не стал торговаться.

Я стал думать о том, что куплю на эти деньги. Ничего не поделаешь, какую-то часть придется отдать чудесной, суеверной жене. А вот на остальное... что на остальное... Можно подумать, оргию устроишь в первоклассном ресторане со стриптизом и тому подобным...

Я бодро сидел за баранкой. Возил клиента по разным

районам. Он выходил из машины, заходил куда-то и через какое-то время возвращался. Причем его сумка все пустела.

Я обратил внимание на весьма серьезный шрам на его лице. Откуда он возник? Человек я, разумеется, мнительный. Пассажир стал напоминать мне виденных в американских фильмах гангстеров. А вдруг он хочет похитить мою машину, а заодно отправить меня к праотцам. Машина еще ничего, дьявол с ней, старая она, еле-еле держится, а вот нападать на меня – последнее дело.

В конце концов, все хорошо кончилось. Пассажир отсчитал мне пять хрустящих десятиларовых купюр, сунул опустевшую сумку под мышку и был таков. Ну а я на радостях спустился в закусную.

– Пять хинкали, – гордо и небрежно бросил я верзиле-буфетчику, словно осетрину заказал или омаров.

Он мне полную тарелку протянул, я ему десять лари. Он хотел было дать сдачи, но вдруг внимательно осмотрел купюру и, сверкая глазами, крикнул:

– Ты что, фальшивые деньги сбываешь?

Через две минуты я сидел за рулем своей машины и ехал в неизвестном направлении. Хорошо, что рядом не оказалось полицейского. Не то начались бы допросы и все такое прочее, а я человек больной, нервный. Я разорвал оставшие деньги и выбросил в окно.

– Что с тобой? – спросила у меня жена.

– Когда увидишь дурной сон, не выпускай меня на улицу, – сказал я.

СВИДАНИЕ

Моторную лодку, стоящую у другого берега озера, завели, и она пошла в их сторону.

Гулизар вглядывалась в приближающуюся лодку. Сейчас она жалела, что согласилась встретиться с Мироном.

Лодка сделала круг у берега и стала удаляться.

— Полжизни ушло, — сказала Гулизар. — Это первое и последнее свидание. Все...

— Я не могу без тебя.

— Сможешь. И я смогу. У нас семьи, которые мы не можем бросить. Хотя у меня такой муж, слова сладкого не помню от него. Вот и не устояла против соблазна.

Они оделись. В микроавтобусе воздух был душным и несвежим. Мирон открыл окна и задернул занавески. Поехали в город. Впереди шла грузовая машина.

Гулизар выглянула в заднее окно и неожиданно увидела иномарку своего деверя. Это конец. Нет такого обмана, который спасет ее доброе имя. Ей сразу представились озлобленные глаза мужа, она подумала о волне сплетен. Даже если она уцелеет, общаться с курдами — родственниками и знакомыми никак не сможет. Она заставила себя еще раз выглянуть в заднее окно. О, чудо! Иномарки там в помине не было.

Да, надо успокоиться, овладеть собой. А затем, чтобы не вызывать подозрений, выйти из машины в каком-то глухом переулке. Необходимо вернуться в свой ненавистный мир.

Когда она вошла в дом, муж крикнул хриплым голосом:

— Я все знаю, сучья дочь!

Гулизар бросило в жар.

— Я нашел те десять лари, что ты спрятала в серванте!

У Самада и Назе после двух девочек родился сын. Очень они обрадовались и назвали его Сиабанд.

Сиабанд вырос и влюбился в соседскую девушку Нугбару. Она была сиротой. Жила из милости у замужней сестры.

Сиабанд хотел на ней жениться, однако родители не разрешили ему. Им нужна была невестка с приданым. Его помолвили с дочерью богатого бизнесмена Таме.

Свадьба была шумной и веселой. Когда жених и невеста остались одни, Сиабанд не понял, что с ним случилось. Он почувствовал упадок сил. Одним словом...

– В чем дело? – язвительно спросила невеста.

– Не знаю, – потухшим голосом ответил Сиабанд. Он готов был провалиться сквозь землю. Сиабанд не спал всю ночь. На второй день отправился к врачу.

Лысый старый сексопатолог внимательно осмотрел его и никаких отклонений не обнаружил. На всякий случай назначил витамины, дал какие-то советы.

Но ничего не изменилось.

Самад и Назе решили, что кто-то сглазил парня, взяли его к знахарю. Восьмидесятилетний знахарь с серебряными браслетами и золотыми перстнями обыкновенными ножницами отрезал ногти у пациента и зло сказал:

– Ты освобожден от заклинания. Сегодня ты обрешь счастье! Исполнишь желание сердца! Вот возьми эту бутылку заколдованной воды. Один стакан выпей сам, другой дай жене.

Ничего не помогло.

Сиабанд стал замкнутым, скрытным человеком.

Когда товарищи, говоря немного правды, а в основном привирая и приукрашивая, рассказывали о своих донжунских победах, он страдал.

К тому же он возненавидел жену, отпускающую в его адрес ядовитые, колкие шутки.

В один прекрасный вечер Сиабанд встретил на улице Нугбару. На краснощекой девушке было розовое платье.

Он заговорил с ней. Сказал невпопад несколько фраз. Она отвечала так же. Потом поцеловал ей руку и увлек ее за собой. Они пошли вниз по узкой улице.

На небе светили луна и звезды. Со стороны Куры дул легкий ветерок.

Сиабанд и Нугбара зашли в маленький, темный садик и сели на скамейку. Он овладел ею. Уже к утру проводил ее домой.

...В семье Самада был грандиозный скандал. Таме в бешенстве собрала свои золотые украшения и покинула дом. На другой день на грузовике приехал ее отец, погрузил приданое своей дочери и, матерясь, отбыл.

Нугбара через девять месяцев родила мальчика.

Перевод с грузинского Георгия ЧАРКВИАНИ

ЛАША ИМЕДАШВИЛИ

ДЕЛО ИИСУСА

*Ежели ты мужчина, сам должен выбрать свой путь...
Отрицание – тоже путь, и когда-нибудь он тебя выведет
на дорогу.*

Ростом Валерианович, сотрудник прокуратуры.

Сулхан ни в чем не нуждался.

Можно сказать, ему даже повезло поначалу. Пока жив был отец, он не знал забот. Многочисленные бабушки и дедушки только и думали, чем побаловать маленького Сулхана. Кормили, гуляли с ним, по вечерам укладывали спать в мягкую, как пух, постель, рассказывали сказки, пели нежные колыбельные.

Все жалели Сулхана.

Правда, у него был отец, но все считали его сиротой. Матери он не помнил, да и как мог помнить, когда, едва родившись, сразу лишился ее. Однако внимание и забота близких сделали свое дело – до определенного момента он почти не чувствовал ее отсутствия. Но с годами врожденная печаль дала о себе знать, и у мальчика появилась причина всерьез задуматься над некоторыми вопросами. К тому же отца он стал видеть все реже и реже – так уж устроилась жизнь. В правительстве, похоже, произошли какие-то изменения, стала как будто котироваться честность, и его отец, рядовой милиционер, неожиданно

получил повышение. Теперь он заглядывал домой очень редко, а потом и вовсе позабыл дорогу к нему – отвык. Заботливость бабушек выдыхалась, ничто уже не радовало Сулхана. Он отдал душу тоске на растерзание, стал домоседом, налег на учебу. И лед тронулся. Сулхан блестяще закончил Телавскую среднюю школу, так что его фото в рамке демонстрировали как бутылку дорогого марочного коньяка.

Закончилось одно – началось другое. Пришло время продолжения учебы. Из любви к отцу Сулхан решил идти по его стопам, стать милиционером. Отец заартачился – как можно разбазаривать полученные знания, и, поскольку Сулхану, как медалисту, надо было сдавать всего один вступительный экзамен, велел ему поступать на юридический. Он снял ему квартиру на улице Чонкадзе, в Сололаки*, а смотреть за ним приставил самую молодую из бабушек.

Сулхан и в институте оказался на высоте. Через пять лет ему вручили красный диплом, предложили продолжить учебу в аспирантуре, но, вновь следуя совету отца, он отказался от научной карьеры и стал рядовым повседневности: начал работать в прокуратуре. Тут его образованность и прилежность получили простор – если требовалось что-то изложить на бумаге, это поручалось только Сулхану. Он исполнился достоинства и, что главное, укоротил язык, тем самым окончательно закрепив свое членство в этом таинственном клане. Короче, это был тот особый случай, когда жажда знаний, самоотверженный труд и удесятеренное чувство ответственности заявили о себе именно там, где этого с нетерпением ждали. Сулхан легко сориентировался в

---

*Район в Тбилиси.

საქართველოს
საქართველოს
საქართველოს

жизни и постепенно встал на ноги. К этому времени умер отец. Неожиданный уход любимого человека привел его было в отчаяние, но он выстоял. Как это часто бывает, на смену горю подоспела радость. Никто не знает, было ли это случайностью, задумкой начальства или просто удачей, но через три дня после похорон Сулхана повысили в должности – назначили следователем по особо важным делам, дали отдельный кабинет, удвоили зарплату, присвоили новое звание. Время от времени, когда того требовали обстоятельства, его обслуживала и машина. Впрочем это не остановило его лысения, и плешь на голове стала бросаться в глаза. Бабушка одряхла и утратила свою функцию. Взрослому юристу уже не требовался присмотр. Сулхан отвез старушку в Телави, два дня пожил в отцовском доме и вернулся в Тбилиси.

У Сулхана было две проблемы: он не имел своего угла и не верил в Бога. Говоря по правде, его не волновало ни то, ни другое. О квартире он и не думал. Ведь все свое время он проводил на работе, а где прикорнуть после полуночи, большого значения не имело. Что касается Бога, Сулхану было не до него – времени действительно не хватало. Отношения с церковью ограничивались несколькими обрядами крещения детей, когда он выступал в роли крестного, коллективным походом сотрудников прокуратуры на праздник Рождества, покорным наклоном головы и лобызанием волосатой руки священнослужителя. Последние были ему малосимпатичны, так и подмывало спросить: Христос был такой худой, отчего же вы так потучнели. Но что было делать, он прикусывал язык и после каждого праздника покидал церковь с тем же чувством, с каким ребенок выходит из поликлиники после антидиф-

терийной прививки.

Так вот и жил Сулхан, не зная ни субботы, ни воскресенья, ни сна, ни отдыха. Верным стражем постоянно находился на своем посту. Поэтому и не удивился, когда спозаранку начальник вызвал его к себе.

Была суббота.

– Звали, Валерианович? – Сулхан закрыл за собой дверь и остался стоять возле нее.

Ростом Валерианович, как обычно, висел на телефоне, кивнул подчиненному, жестом указал на стул и стал закруглять наскучивший ему разговор.

Хороший человек Валерианович. Ему доверяют, уважают, на него надеются. Правда, глубокими знаниями не блещет, можно сказать, ничего не делает, но ведь и ничего не портит. Так что по грузинским меркам ему нет цены.

Тем временем разговор закончился.

Ростом: Надоел до смерти!

Сулхан: Надеюсь, все в порядке, батано Ростом?

Ростом: Разве это можно назвать порядком?! Съели меня мои родственнички. Я иногда жалею, что не сирота и не рос в приюте! А ведь я не помню от них и холодной кукурузной лепешки! Трижды менял номер мобильного... А у тебя много родственников?

Сулхан: Бабушка в Телави.

Ростом: Бабушка, это хорошо. Я тоже любил свою бабушку... Да, сколько воды утекло... Но я тебя не за тем вызвал...

Сулхан: Понял, Валерианович!

Ростом: Отложи все дела и займись вот этим!

Ростом выложил на стол тоненькую папку и толстую Библию. Сулхан хоть и был башковитым парнем, на сей раз ничего не понял и решил на всякий случай оборонить

себя.

Сулхан: Мне надо закончить дело Джгереная, да и дело Рехвиашвили взято на контроль...

Ростом: Ничего с этим Джгереная не будет. Его место в тюрьме, пусть там и сидит. Рехвиашвили я передам Табагари, все равно слоняется без дела, а ведь отец его просил не жалеть, загружать работой.

Сулхан: Как прикажете, Валерианович!

Ростом: Смотри, не осрами меня. Я за тебя поручился. Наверху все заинтересованы, решили вчера, три часа заседали, не скрою, были и другие кандидатуры... Короче, так или иначе, этим делом займешься ты... И держи язык за зубами.

Сулхан: Понял.

Ростом вынул из пачки сигарету, закурил.

Ростом: Ты ведь не куришь, да?

Сулхан: Пытался, но так и не привык.

Ростом: И не привыкай, сигареты стубили меня.

Он взглянул на изогнувшийся хоботом пепел.

Ростом: О Христе слыхал?

Сулхан: О ком?

Ростом: Ты что не знаешь, кто такой Иисус Христос?

Сулхан: Конечно знаю, я крещенный.

Ростом: Это хорошо, это тебе поможет. Надо довести одно дело до конца, его финансирует Международный банк, Фонд культурного наследия, очень много людей замешано, это решилось после визита Папы Римского. Вот письмо к Президенту, к генеральному прокурору... Зарплату тебе будет платить Фонд, и для тебя это неплохо, я буду консультантом... Только одно условие, дело надо закончить в три месяца.

Сулхан: А что я должен делать?

Ростом: Расследовать, как расследуешь дело

Джгереная. Кто убил, когда и почему, и было ли вообще убийство, может, мы имеем дело с самоубийством. Будут сложности, работа не из легких, дело давнее, свидетелей уж и в живых нет, но в руках хорошего следователя и мертвый свидетель – очевидец. Не волнуйся, ты будешь не один, следователи из других стран тоже примут участие в этом проекте. Когда следствие закончится, все соберутся вместе, выделят общие места во всех заключениях и будут руководствоваться в следующих веках.

Сулхан: А что думает по этому поводу наше духовенство?

Ростом оказался готов и к этому вопросу.

Ростом: Они согласны, без них в этом деле не обойтись. Обещали помочь... Стараются идти в ногу со временем, даже опережают его, сближают светскую и духовную жизнь, а по-другому ведь нельзя, новый век наступает, новое мышление, сами так пишут, аж на двух страницах, их письмо я передам тебе. Вот возьми, это прислали из патриархии, закончишь – вернем... Иди и работай, оставь в покое мораль, займись правом, их интересует только правовой аспект... Жду тебя с докладом к концу недели...

Ростом положил руку на Библию так, как если бы это была взятка – с наслаждением, смешанным со страхом.

Сулхан: Понятно, Валерианович, все дела оставлю и займусь этим.

Ростом: Я рассчитываю на тебя.

Сулхан вернулся в свой кабинет.

На мгновение замер, вобрал в легкие воздух, как будто собирался нырнуть на большую глубину. Потом с шумом выдохнул, пересмотрел содержимое папки, но

ничего, кроме официальных бумаг, не обнаружил. А что он мог обнаружить?! Недолго думая, Сулхан вынул из сейфа красивую, полученную гуманитарным путем, папку, которую хранил для особого случая, и написал на ней сразу под латинским шрифтом два слова по-грузински: ДЕЛО ИИСУСА.

Итак, делу дан ход, и его надо довести до конца. Ему ничего не оставалось, как перечитать Евангелие. Но прежде чем приступить к этому нудному занятию, надо было определить хотя бы приблизительную причину преступления. В том, что преступление имело место, Сулхан не сомневался, иначе в прокуратуру дело не попало бы. В каждом деле главное – мотив, так учили Сулхана. Если найти, кого это устраивало и кто от этого выигрывал, считай, дело сделано. А лучшего мотива для убийства человека, чем деньги, никто еще не придумывал. Порой в этом бывает замешано государство, опять же ради денег. Очень редко убивают из-за мести, но и тут дело в деньгах, вернее в безденежьи, поскольку состоятельный человек для осуществления своего замысла нанимает другого, гораздо менее состоятельного.

Размышляя таким образом, Сулхан раскрыл одолженную у патриархии Библию и приступил к чтению.

В первый раз он пробежал Евангелие глазами, как газету, пропуская страницы. Второй раз – более внимательно, даже взял домой, но не обнаружил в нем не только преступления, но и намека на него. Он только о том и думал, что ему делать эти три месяца и что доложить Ростому. Одно утешение, после такого глубокого погружения в Библию он чувствовал себя легко, спокойно и безмятежно, по ночам спал хорошо, как в детстве, одурманенный сказкой любящей бабушки.

Впрочем, все это Сулхан относил за счет лекарства, выписанного доктором две недели назад, которое он аккуратно принимал за двадцать минут до сна. А к врачу его привела бессонница, буквально замучившая беднягу.

Поскольку уж речь зашла о проблемах Сулхана, надо сказать и то, что в последние годы у него вошла в привычку одна странность. Во время бритья его обычно донимали какие-то мысли, идеи, и он никак не мог освободиться от них, пока не убеждался в собственной правоте.

То утро также не явилось исключением.

Сулхан очень любил слушать радио. Сказать по правде, ванная комната у него была так же неустроена, как и его личная жизнь. В этой импровизированной парикмахерской он, одним ухом слушая трансляцию заседания парламента, другим, повернувшись к зеркалу, старательно выбривал правую щеку. И вдруг, словно в волшебном зеркале, увидел Иисуса, который с криком переворачивал столы торговцев и изгонял их вон из храма. Странно, подумал Сулхан, и вытер рукой запотевшее зеркало. Человек, проповедующий любовь и всепрощение, не смог совладать с собственным гневом. Чего он хотел от бедных торговцев? Сулхан мгновенно квалифицировал его поведение, как злостное хулиганство. И тут в голове у него прояснилось, он понял, что все эти три месяца не будет знать покоя.

Коллеги! Коллеги!

Сулхан выключил радио. Ему было не до парламента. Он засел за Библию.

Когда он чего-то не понимал, спрашивать не стеснялся. Поскольку в последнее время люди ходили в церковь, постились, вели смелые религиозные беседы в подражание друг другу, интерес Сулхана к Евангелию

никого не удивил, его сочли своим и все объяснили его духовным обновлением. А Сулхану ничего другого и не надо было, он включился в игру, раскрыл свое сердце, многое узнал, кое-что вспомнил, еще больше запомнил и заперся в кабинете.

Положив перед собой белый лист бумаги, на глаз отмерил пять сантиметров, сложил лист по длине и взялся за ручку. Перо, почуяв руку хозяина, забегало по бумаге, выводя красивые буквы:

“В связи с вышеуказанным делом сообщаю, что...”

Неделя пролетела так, что за все это время, увлеченный работой, он лишь однажды появился на Чонкадзе, где продолжал снимать комнату. И то только потому, что напуганные соседи искали его по больницам, даже позвонили в Телави, да и на работе доняли звонками дежурного. Сулхан появился в доме, успокоил встревоженных соседей, сказал, что находился в длительной командировке, и вернулся в прокуратуру.

За неделей последовала другая, Сулхан почти во всем разобрался, и рапорт был передан начальству. Ждать ответной реакции долго не пришлось, в конце дня его вызвали.

Ростом Валерианович с таким нетерпением ожидал появления Сулхана, что даже выключил все телефоны.

Ростом: Входи, садись! Я прочел твой рапорт, надо сказать, ты серьезно поработал.

Сулхан: Благодарю вас, батано Ростом!

Ростом: Что главное, ты избрал верный путь, но многое еще предстоит уточнить, рапорт пойдет наверх, не забывай об этом.

Сулхан: Я и не забываю...

Ростом: Все должно быть предельно ясно.

Сулхан: Я стараюсь!

Ростом: Я вот тут отметил... На третьей странице, где ты устанавливаешь время, надо четко показать, из чего исходишь, ты же знаешь, в нашем деле это имеет огромное значение.

Сулхан: Знаю, Валерианович, поэтому я и не доверился показаниям одного свидетеля, в нашем случае, источника. Перепроверил, побеседовал и с представителями духовенства, с учеными. Должен сказать, единого мнения нет, каждый тянет одеяло на себя, показания взаимоисключающие, но я все же придерживаюсь мнения русского исследователя Соколова. Я беседовал с ним лично, мы долго спорили, он мне и материалы присылал, у него интересные соображения, несколько статей опубликовано в “Огоньке”, думаю, он прав.

Ростом: Он еще выходит?

Сулхан: Не понял!

Ростом: “Огонек” еще выходит? Помню, отец выписывал его, переплетал годовые подписки и так хранил.

Сулхан: Конечно, выходит, по-прежнему интересный, но дорогой. Мне пришлось пойти в публичку, поэтому я не смог приложить номера к рапорту, впрочем, они указаны.

Ростом: Если он дорогой, кто ж его прочтет, народ обнищал, оторван от всего интересного.

Сулхан: Вы правы, батону.

Печаль любит тишину. Тишина развеивает ее.

Они помолчали.

Минуты печали закончились так же неожиданно, как начались.

Ростом: Так что я говорил?

Сулхан: Мы устанавливали время, Валерианович.

Ростом: Я весь внимание.

Ростом раздавил в пепельнице полупотухшую сигарету, помахал рукой, разгоняя дым и взглядываясь в лицо собеседника.

Сулхан кашлянул.

Сулхан: Время страшное, Валерианович, суровое и беспощадное, за одно неосторожное слово можно было здорово поплатиться.

Ростом: Знаю, Римское право самый сложный предмет для студентов, с нас просто шкуру сдирали... Кто его тебе читал?

Сулхан: Апридонидзе Валериан...

Ростом: Не слышал о таком, в наше время Римское право преподавал Твалтвадзе, уж он сделал все, чтобы мы его усвоили. Римские законы суровы, но справедливы, не так ли?!

Сулхан: Какая у вас память, Валерианович!

Ростом вошел в раж.

Ростом: Ты удивишься, но я помню, что в то время правил Тиберий.

Сулхан: Совершенно верно. В Риме – Тиберий, в Иудее, тогда Римской провинции – Понтий Пилат, прокуратор, или, по-нашему, префект. Случай, о котором я упоминаю в рапорте, произошел именно в тот период.

Ростом: Случай в Храме?

Сулхан: Да, Валерианович.

Ростом: Что-то тут не вяжется.

Сулхан: Сейчас я все вам объясню.

Сулхан вынул из папки свои записи и разложил на столе перед начальником древнюю карту.

Ростом вытянул шею.

Сулхан: Оперативным следствием установлено, что Иисус стал жертвой перераспределения крупного капитала.

Ростом: О чем ты говоришь!

Ростом совсем не ожидал такого поворота событий, он так оробел, что весь съежился и не смог дотянуться ногами до пола.

Сулхан: Это действительно так, Валерианович, я вам объясню, только мне нужно время.

Ростом: Время-то я тебе дам, я и телефоны отключил, но ты все-таки не зарывайся... Ты же знаешь...

Голос Ростом а отечески оттаял, он вытянул палец и, закрутив его, ткнул вверх, как втыкают в воздушный крем шикарного торта, впрочем, никто бы не догадался, что имело в виду это закручивание: Бога, духовенство или генерального прокурора, а может быть, всех вместе взятых.

Сулхан: Понимаю, Валерианович, я вам доложу, а потом, как вы скажете, так и будет.

Ростом: Хорошо, начинай!

Согласившись, Ростом тем не менее поднялся из-за стола, подошел к двери и как следует запер ее.

Сулхан понял, ему следовало докладывать вполголоса.

Так он и сделал.

Сулхан: Это план Иерусалима того времени. Вот здесь, где отмечено, находился Храм, а тут вот — резиденция Пилата. Я провел следственный эксперимент с учетом масштаба и выяснилось, что Храм отстоял от резиденции на четыреста двадцать метров. Пилат жил не в Иерусалиме, он находился в столице, Самарии. На Пасху приезжал в Иерусалим, привозил подарки от императора, тем самым подчеркивая, что официальные власти чтят этот праздник.

Ростом: Все же что это за праздник был такой?

Сулхан: Он и сегодня есть, Валерианович. Пасха —

главный религиозный праздник евреев с тех времен. Каждая семья приносила Богу в жертву ягненка. Этот обычай уходит корнями в эпоху, когда фараон разрешил евреям покинуть Египет.

Ростом: Их, наверное, было без счета...

Сулхан: Пожалуй... И все происходит на глазах этого великого множества людей.

В наступившей тишине почти слышно, как работают мозги Ростоме...

Он мучился не зря.

Ростом: Удивительно, но случись подобное сегодня в общественном месте при скоплении народа, кому это сошло бы с рук? У нас же демократия?! Нет, никому, никому.

Сулхан: Вы словно мои мысли читаете, Валерианович... А ему сошло.

Ростом: Почему?

Сулхан: По нескольким причинам, Валерианович! Первое, согласно правилам, я установил, что было повреждено в результате этого инцидента.

Ростом: А что тут устанавливать, ты же сам сказал, столы...

Сулхан: Да, они имели форму стола, на них были выставлены на продажу свечи, другие предметы, но основная их функция заключалась в другом, они служили иному делу.

Ростом: Какая функция может быть у стола? Стол есть стол...

Сулхан: За ними менялись деньги, Валерианович!

Ростом: Какие деньги?

Ростом был готов скорее к выстрелу, чем к этим словам. Он испытал нечто похожее на трепет, в глазах мгновенно застыло выражение удивления, ноги сами

собой удлиниться и коснулись покрытого лаком пола. Нет худа без добра. Почувствовав, что к нему вернулись исчезнувшие было сантиметры, Ростом с облегчением вздохнул.

Сулхан: Положение таково – Иудея единственная Римская провинция, имевшая право чеканить собственные деньги, но и тут есть ограничения. Денежная единица – сикля, ею можно пользоваться только в дни религиозных праздников, а таких дней было немало в те времена. Римские монеты с их языческими изображениями строго воспрещалось вносить в молельные дома. Поэтому Рим и разрешил Иудее ввести собственные молельные деньги. Согласно неписаному правилу, каждый иудей обязан был жертвовать Храму полсикли. Получалась довольно внушительная сумма. Именно за этими столами и разменивались римские монеты на сикли, и именно эти столы были разнесены в щепки и вышвырнуты из Храма.

Монолог Сулхана Валерианович в мгновение ока спроецировал на пункты размена у железнодорожного вокзала.

Ростом: Он разгромил будки, где меняют валюту.

Сулхан: Как вы всегда точно попадаете в цель, Валерианович, снайпер бы вам позавидовал!

Ростом: Вот что интересно, почему это случилось именно в тот день, он же и раньше видел эти будки... то есть столы, я хотел сказать...

Сулхан: Он видел их ежедневно.

Ростом: Ему, поди, осточертело все это, знаешь, когда что-то набьет оскомину...

Сулхан: Я тоже так думал поначалу... Но причина здесь в другом.

Ростом: И ты выяснил, какая?

Сулхан: Конечно, Валерианович, я все изучил досконально. Кабы не эта причина, многое сложилось бы по-другому и для них, и для нас...

Ростом: И все же?

Сулхан: Придется начать издалека, батона Ростом.

Ростом: Вот и начни, чего ждешь.

Сулхан: Я привлек к этому делу широкий круг специалистов, в том числе историков и экономистов... Нет, Валерианович, можете быть спокойны, никто ничего не заподозрил, я сказал, что работаю над докторской диссертацией.

Ростом: Сказал бы уж над кандидатской.

Сулхан: Я подумал было, но предпочел докторскую. Мне нужна полная информация, а вы же знаете, докторская почти в три раза больше кандидатской, таким образом, с самого начала я пресек лишние вопросы.

Ростом: Ты поступил правильно.

Похвала ударила Сулхану в голову, он выложил новые бумаги, превратив стол Ростом в пункт приема макулатуры.

Ростом: Историки, я понимаю, могли помочь тебе, но при чем тут экономисты?

Сулхан: О, их помощь неоценима, Валерианович!

Ростом: Интересно, почему?

Сулхан: Здесь, помимо уголовного правонарушения, вырисовывается и экономическое преступление.

Ростом: Ты сведешь меня с ума!

Сулхан: У меня есть все расчеты. Экономисты нарисовали очень интересную картину. На Востоке – золотые месторождения, на Аппенинах – серебряные, т.е. Рим был богат серебром, Азия – золотом. Для умного человека этого достаточно. Любителей золота не счесть, и там они появились в лице фарисеев.

Сулхан передохнул, провел языком по пересохшим губам и бросил такой взгляд на дремлющую перед начальником бутылку “Боржоми”, какой бросают на тело неожиданно обнажившейся женщины.

Ростом: Я весь внимание.

Сулхан: Иудея имела самоуправление, религиозный парламент, синедрион. В синедрионе были объединены две силы – фарисеи и саддукеи. Насчет саддукеев наши историки ничего не смогли сказать мне, известно только то, что они сочувствовали зелотам, оставшимся вне парламента.

Ростом: А кто это – зелоты?

Сулхан: Террористы, они выступали против Рима, травили колодцы, жгли дома, жестоко расправлялись со своими противниками, не платили дани... По-нашему – доли. Своими действиями они подрывали и устои фарисеев. Однако бороться с фарисеями было трудно, их численность достигала шести тысяч, за ними была сила, влияние, деньги. Они контролировали пресловутые меняльные столы или, там, будки.

Ростом: Я весь внимание, но что-то не могу связать концы с концами. Фарисеи, столы, инцидент... Надо все это увязать, требуется больше ясности... Вообще-то тот, кто во главе, тот и контролирует все, что в этом удивительного?

Сулхан: У меня есть цифры, Валерианович!

Ростом: Какие такие цифры?

Сулхан: Помните, что я говорил о драгметаллах?

Ростом: Ну, помню.

Сулхан вытащил из кармана калькулятор.

Сулхан: Один грамм золота в Риме стоил тринадцать граммов серебра, в то же время тот же грамм в Иерусалиме обходился в пять граммов серебра. Говоря об уме

фарисеев, я имел в виду именно это – они за своими меняльными столами скупали золото по курсу один к пяти, потом перевозили золото в Рим и там меняли его на серебро по курсу один к тринадцати, возвращались, и все начинали сначала. Таким образом сколотили немалый капиталец.

Ростом: Незаконные валютные операции.

Сулхан: Можно сказать и так.

Ростом: Что дальше? А куда смотрело правительство?

Сулхан: А куда смотрит наше?..

Слово не воробей – вылетит, не поймаешь.

Сулхан понял, что брякнул лишнее, но было поздно. Нельзя сказать, что он прикусил язык, ибо Сулхан очень любил свой язык, впрочем, он хотел было поправить положение, но поскольку скажи он еще что-нибудь или попросту вздохни, это только накалило бы обстановку, он предпочел попросту умолкнуть.

Ростом можно было обвинить в чем угодно, но только не в недостатке опыта. Именно богатый жизненный опыт позволял ему выходить из подобных ситуаций.

Валерианович взял себя в руки – учел фактор демократии, потом схватил тишину за горло и держал до тех пор, пока считал нужным, затем так глубоко затянулся, что выжал всю силу и энергию не только из сигареты, но и из Сулхана. Под конец обоих – и сотрудника, и окурочек размазал по пепельнице, тем самым показав подчиненному, как велика его ошибка.

Ростом: Да, действительно... но... но... Во-первых, это не всех касается, а во-вторых, не наше это дело. Наше дело – преступление. Совершено преступление – мы тут как тут. Не совершено – мы тоже тут как тут, но

невидимые глаза.

Внимающий да внемлет.

Ростом больше ничего не сказал. Урок прошел недаром, цель была поражена.

Раненый Сулхан уцелел.

Окончательно спасти его мог только разговор, разговор о деле, обстоятельный, веский, чтобы как-то обуздать возмутившиеся мысли Ростом.

Как это он мог ляпнуть такое, какой черт его дернул – сокрушаясь в душе, Сулхан развернул сложенный вчетверо, как носовой платок, белый лист бумаги и взглянул на Валериановича как ни в чем не бывало.

Сулхан: Пилат, безусловно, был в курсе дела, несколько раз он отправлял донесения в Рим, но делу это не помогло.

Ростом: Это почему же? Что помешало Риму принять меры, у него были и армия, и полиция, и закон...

Эти три слова так ладно подошли друг к другу, что Сулхан едва не совершил новой ошибки, но на сей раз вовремя одумался, показал черту спину и продолжил рассказ.

Сулхан: Бесконечное времяпрепровождение, Валерианович, дни и ночи напролет, так ослабили и разорили страну, что Рим ничего не замечал. Вместо того, чтобы пополнять бюджет поступающей из провинции данью, он плавил золото и делал из него украшения. Празднество сменялось празднеством, устраивались дорогие зрелища, актерам платили огромные гонорары. В Африке покупали диких животных для экзотических состязаний, солидные суммы тратились на обучение гладиаторов, у меня есть подозрение, что немалые деньги крали и из казны. Все старались вывезти из Рима золото, бюджет трещал по швам, валюта утекала из страны. Не было

человека, который не задолжал бы торговцу, хозяину ресторана, перекупщику. Все они были из провинций, в основном, евреи. Возник заколдованный круг: туда, откуда поступали самые большие деньги, возвращалось в десять раз больше.

Ростом: С ума сведут меня эти евреи, почему все им всегда должны?!

Сулхан: У них это хорошо получается.

Ростом: Ладно... Все это очень интересно, похоже на лекцию, мне даже вспомнились студенческие годы... Знаешь, что я тебе скажу, ты ведь не по телевизору выступаешь?! Мы расследуем дело об убийстве!

Сулхан: Так ведь я же как раз мотив убийства и устанавливаю.

Ростом: Убеди меня в этом, пока я не вижу с убийством прямой связи.

Сулхан: Позвольте мне закончить, Валерианович, еще немного и станет ясно, что все взаимосвязано.

Ростом: Заканчивай...

Сулхан уставился в свои листы, как актер – в новую роль. Это дало свой результат, воображение унесло его на своих крыльях.

Вскоре он со своим собеседником прогуливались по дворцу Тиберия, самовлюбленно поигрывая некрасивыми волосатыми пальцами ног, обутых в кожаные сандалии.

Сулхан: Все это, естественно, достигло ушей цезаря. Недолго думая, он изгнал из Рима актеров, запретил зрелища, закрыл рестораны, отрегулировал цены, ужесточил законы. Ничего хорошего из этого не вышло. Народ был недоволен, аристократы противостояли цезарю, государственные чиновники обвиняли фарисеев, чем не замедлил воспользоваться черный рынок,

который, окрепнув, все прибрал к своим рукам. Короче, все смешалось в стране.

Ростом: Вот откуда, оказывается, происходит черный рынок! Разве мы сможем справиться с этой вековой проблемой?!

Сулхан: И они не смогли, Валерианович. Так ничего и не придумав, решили свергнуть Тиберия.

Ростом: Нет ничего страшнее бунта и смуты, это они отбросили нас назад, не то где бы мы были сейчас! У нашей страны очень большая потенция! – на этом слове Ростом так напряг жилы на шее, что скорее можно было поверить в будущее бесперспективной страны, нежели в возможности начальника, разменявшего шестой десяток.

Сулхан никак не отреагировал на его тяжкий вздох. Ему-то не надо было печалиться, сам он пока был уверен и в потенции страны, и в своей собственной потенции.

Сулхан: Я согласен с вами, батано, но в те времена это был единственный способ смены правительства. Тиберия – в Тибр, – таково было настроение заговорщиков. Их руководитель вскоре нашел некоего Сеяна... да, да, точно Эли Сеяна, начальника римского гарнизона...

Ростом: Армянина?

Сулхан: Нет, он был римлянин чистой воды... Сеян, в свою очередь, собрал своих людей, связался с Пилатом, напомнил ему о прежней дружбе и попросил о помощи. Пилат обещал в условленное время быть в Риме со своими легионерами. Но он хорошо знал, чтобы поднять армию, нужны деньги, большие деньги, поскольку в провинции жизнь дешева, и легионерам жилось здесь гораздо лучше, чем в Риме. В то время префект не имел соответствующих денег.

Ростом: Я сейчас зарыдаю! Сколько лет работаю, чего только не видел, но безденежного секретаря райкома, префекта или управляющего не встречал! Плакаться и причитать – на это они горазды, неискушенного человека проведут запросто.

Сулхан: Золотые слова, Валерианович... И Пилат не знал, что такое нужда, голод или, там, холод. У него был прекрасный дом, приличный доход, но для ведения войны требовались огромные деньги. Вот это его и удручало.

Ростом: Так ведь он был всему голова! Мог делать, что хотел... У евреев же были деньги?! Кто ему мешал взять у них? Кто ему воспрепятствовал бы?! Человек, занимающий такой высокий пост, не смог найти денег?! Я в это никогда не поверю...

Сулхан: Он уже однажды брал у них...

Ростом: Тем более... Взял бы вторично, подумаешь!

Сулхан: Он не посмел, тогда он едва уцелел, в Рим хлынул поток жалоб.

Ростом: И тогда были анонимщики?

Сулхан: Именно тогда и были, Валерианович!

Ростом: Ну-ка расскажи.

Ростом был заинтересован, похоже, даже начал нервничать, схватился за сигарету и задымил.

Сулхан: Канализационная система Иерусалима давно устарела, а в правление Пилата вообще вышла из строя. Все вокруг провоняло, и ветер разносил эту вонь на все четыре стороны. Префект доложил Риму, попросил денег на реконструкцию, но ничего не получил. И местные власти не торопились расстаться со своими деньгами, так как считали, что канализационная система находится во введении федеральных властей. К тому же их устраивало это положение, в случае эпидемии все

несчастья можно было бы свалить на проклятых завоевателей, на Рим. Пилат отлично знал, с кем имел дело, ему надоело ждать, он ворвался в Храм и силой взял деньги из корбана, т.е. храмовой казны. Эти деньги пошли на ремонт канализационной системы, водохранилища и строительство бани. Евреи роптали, в Рим полетели жалобы: мы, де, аккуратно платим дань, покорны вам и не заслужили подобного обращения, ваш представитель незаслуженно притесняет нас, помогите! Пилата вызвали в центр, собрался Сенат, разобрал жалобы, и Пилата оправдали. Сенат поставил личную гигиену выше элементарной порядочности. Так что изъять деньги ему никто не помешает, но потом надо оправдываться, документально подтверждать правомочность своих действий...

Ростом: Не мог же он, в самом деле, оправдаться тем, что деньги ему нужны на свержение цезаря.

Сулхан: Конечно, не мог. Но он мог найти иной выход.

Ростом: Взять займы?

Сулхан: Нет, гораздо лучше. Он решил захватить меняльные будки. Потом провернуть небольшую финансовую операцию и безболезненно собрать нужную сумму. В надежде на это он приезжает в Иерусалим и становится очевидцем упомянутого инцидента.

Ростом: А захвати он эти будки, никто жаловаться не стал бы?

Сулхан: Он с самого начала исключил насильственные методы.

Ростом: Похоже, он был фокусником...

Сулхан: Он собирался все сделать на законном основании, Валерианович.

Ростом: Каким образом?

Сулхан: С помощью Иисуса.

Ростом: Да разве Тому было до этого?

Сулхан: Было, Он и сам этого хотел.

Ростом: Пересеклись интересы?

Сулхан: Именно, Валерианович. И я могу доказать это. Надо ответить на несколько вопросов... Что знал Пилат об Иисусе? Самую малость. Только то, что Он профессиональный проповедник, что у Него есть последователи, Он не сочувствует террористам-зелотам и, что главное, наполовину Он римлянин.

Ростом: Ну это уж слишком!

Сулхан: Теста на отцовство в те времена, как вам известно, не существовало... Ходили сплетни, будто отцом Иисуса был не старый плотник Иосиф, а римский солдат Пандир. Слухам, конечно, доверять нельзя, но все мы люди, нет-нет да и прислушаешься, и потом это вполне укладывается в мою версию.

Ростом: Ладно, поверим и мы. Мотивы Пилата вполне понятны, теперь посмотрим Его мотивы.

Сулхан: Иисус видел, что творится в стране: Рим недоволен, финансы утекают, zeloty продолжают уничтожать римских граждан, пропасть между богатыми и бедными, первосвященниками и простым людом все увеличивается. Он понимал, что добром это не кончится. Позже так и случилось – вспыхнуло восстание, которое римляне подавили с беспрецедентной жестокостью, а ненавистный Храм сровняли с землей... Иисус был сторонником реальных дел, он требовал от фарисеев вложения капитала в экономику: надо было разбить новые виноградники, заставить работать кузницы, мастерские, открыть новые месторождения. Нельзя, чтобы обогащалась лишь одна часть общества. Я с большим вниманием прочитал все четыре Евангелия, идея

перераспределения, помощи ближнему звучит там лейт-мотивом.

Ростом: Все четыре?

Сулхан: Иначе ничего не вышло бы, Валерианович, вы же сами дали мне книгу, – стал оправдываться Сулхан.

Ростом: Помню. У тебя не было выхода, кто-то же должен был вникнуть в суть дела.

Ростом поднялся, взял стоявшую на столе бутылку “Боржоми”, положил ее в холодильник и вынул оттуда другую, холодную.

Ростом: Выпьешь?

Сулхан кивнул отяжелевшей головой.

Ростом выдохнул из легких воздух и взглянул на прозрачную жидкость.

Ростом: Раньше я на вкус мог отличить, какой заводской, а какой... Теперь, вот, поди разберись, настоящий, ненастоящий... С ума можно сойти... Но холодный он все же хорош!

Сулхан: Спасение!

Сулхан вытер влажные губы и, почувствовав прилив сил, вернулся к расследованию.

Сулхан: Для осуществления замысла одних проповедей недостаточно, и Он понимал это. Одними разговорами ни фарисеев не одолеешь, ни саддукеев. Ему надо было проникнуть в синедрион. Будучи членом парламента гораздо легче осуществить свою программу, установить контроль за перераспределением финансов, довести социальные проекты до конца. Но тут одна загвоздка. В синедрион не так-то легко попасть, там заседали лишь представители клана Левиных.

Ростом: О них нет ни слова в рапорте, кто это, что из себя представляли? Почему ты умолчал о них?

Сулхан: Намеренно, Валерианович, чтобы избежать

пересудов.

Ростом: И все же?

Сулхан: Докладываю. Следствием установлено, что Левины представляли собой первую мафиозную в классическом понимании и с классической схемой семью, сведения о которой дошли до нас. Они занимали в обществе особое положение, не работали, не создавали материальных ценностей, жили исключительно за чужой счет. Они контролировали сорок восемь городов Иудеи. Естественно, все это прикрывалось религиозной личиной.

Ростом: Да, ты столкнулся с чудовищной силой. Правильно сделал, что не упомянул о ней в рапорте. Пусть останется между нами. Это вызовет раздражение у общества, только-только отгрохали такой юбилей евреям, а теперь обвиняем их в исторической мафиозности, нехорошо получается, нас не поймут.

Сулхан: Как скажете, Валерианович.

Ростом: Договорились... Ну что там дальше?

Сулхан: В этом деле ему мог помочь только Рим. Пилат и Рим, считай – одно. Пилат напишет цезарю, введет его в курс дела. Тот доверяет Пилату, он досконально знает иудейскую реальность. Ему дадут добро, и Иисус с помощью третьей силы войдет в состав синедриона. Последователей у Него достаточно, Он прочно стоит на ногах, у Него даже в синедрионе есть сторонники – некие Иосиф и Никодим. Недовольные левиты сомкнут уста и молча подчинятся решению Рима.

Ростом: Что получил бы Пилат за такую услугу?

Сулхан покопался в своих бумагах, хотел процитировать по-латыни, но не найдя цитаты, за недостатком времени вновь обратился к родному языку.

Сулхан: Кесарево – кесарю! – это слова Иисуса.

Поначалу я не понял, что они означают. Подключил к делу лучших аналитиков, в органах безопасности у меня друг работает, использовал и его. После долгих и напряженных размышлений мы расшифровали-таки эти слова, и вот что получилось: став членом синедриона Иисус получит возможность выкупить хотя бы один ряд столов и высвобожденные финансы переправлять в Рим или префекту. Так что кесарь получит свое, то, что семья Левиных в лице фарисеев и саддукеев утаивала от него и не отсылала в Рим...

Ростом: Умно, однако, придумано... Одно меня смущает, мы с тобой сколько времени уж говорим, а много вопросов остаются невыясненными. В том, что каждый в отдельности думает, нет никакого толка. Это дело требует двоих... Пока они не встретятся, ничего не выйдет.

Сулхан: С вами, Валерианович, разговаривать одно удовольствие! Он и сам уже вплотную подошел к этой проблеме.

Ростом: Подумаешь, проблема – встретиться и поговорить!

Сулхан: К должностному лицу не так-то легко подобраться.

Ростом: Тот сам мог вызвать его.

Сулхан: Он этого не сделал.

Ростом: Почему? Сам же был в этом заинтересован!

Сулхан: Это привело бы Левиных в еще большее раздражение, пошли бы жалобы, он, де, покровительствует нашему врагу, Сенат мог назначить следствие. Излишнее внимание в данном случае только помешало бы, вы же помните, он участвовал в заговоре... Были и другие, кто противился этой встрече. Первосвященник Каиафа прежде нас расшифровал эти слова. Он был умен,

и сразу же понял, что из этого выйдет. Иисус явно угрожал его финансовому благоденствию. Впрочем, он мог задержать его и выдать Пилату как главаря бунта, врага государства и общества... Придумал бы что-нибудь...

Ростом: Это точно, был бы обвиняемый, а статья найдется.

Сулхан: И тогда было так, но Каиафа поостерегся.

Ростом: Почему?

Сулхан: Испугался пронизательности префекта. Пилат не отличался мягкосердечием и, как правило, выносил приговоры врагам народа заочно, но в данном случае он наверняка изменил бы правилу и потребовал бы встречи с обвиняемым. Префект терпеть не мог местных правителей, называл их дикарями, как мог унижал их. Да и Иисус не питал слабости к кровососам. Так что обвиняемый попал бы к Пилату как враг врагов префекта или его друг. Чем это могло кончиться, нетрудно себе представить.

Ростом: Но его все-таки задержали?

Сулхан: Это уж под конец, Валерианович, и то в результате недоразумения... До того он много чего натворил, нарушал все правила и законы, однако никто его не трогал, никто не призывал к ответу.

Ростом: Ему такой человек покровительствовал, кто бы посмел.

Сулхан: Прямо утверждать это мы не можем, но так выходило. Это пособничество видел и Каиафа и именно потому был категорически против его ареста. Хотя чувствовал, эта неопределенность не может долго длиться, и в один прекрасный день они столкнутся друг с другом.

Ростом: Конечно, у жизни свои законы, как ни

крутись, все равно возьмет за жабры. А выход?

Сулхан: Он нашел выход. После долгих размышлений Каиафа принял единственно верное решение: Иисус должен исчезнуть незаметно, без лишнего шума. Был человек и нет его!

Ростом: Заказное убийство?! Чует мое сердце, мы с тобой раскроем громкое дело. Заказчик известен?

Сулхан: Известен, Валерианович. Но Каиафа сделал лишь попытку, его замыслу не суждено было сбыться.

Ростом: Что случилось?

Сулхан: Оказалось, его непросто осуществить. У Иисуса была охрана. А где охрана, там и оружие. Все могло перерасти в кровавое противостояние.

Ростом: О каком оружии речь?

Сулхан: О холодном, Валерианович. Петр, вооруженный мечом, глаз не сводил с Иисуса. В те времена оружие могла носить лишь привилегированная часть общества, т.е. граждане Рима. Местным это запрещалось, даже охрана синедриона имела на вооружении только палки. Обвиняемого в незаконном ношении оружия ждали жестокие пытки и смерть. У Петра было право носить свой меч, поскольку он являлся гражданином Рима. Но тут возникает одна неувязочка: известно, что Петр родился в Иудее, где, по понятиям римлян, живут варвары. Если это так, как он получил римское гражданство?

Ростом: В чем вопрос?! Заплатил и получил!

Сулхан: Исключено. Выводы ученых свидетельствуют о противоположном. Гражданство можно было получить только одним путем: стать наемным солдатом римского войска, отличиться, пролить кровь за Рим и получить в награду венок, что давало гарантию получения гражданства. Похоже, Петр прошел через все

это, имеется и подтверждение этому... В то время племянник Тиберия Германик предпринял походы с целью расширения границ империи, воевал в Кападокии и Армении. Пополнял он свои войска наемными солдатами с Востока. Не исключено, что среди них был и Петр. Наемники служили только в кавалерии, имели при себе длинный меч, снату. Его в одежде не спрячешь, да и зачем прятать. Он носил этот меч с гордостью, не боялся ни патруля, ни доносчиков, ни римских агентов и под конец пустил-таки его в ход. Так что приближаться к Иисусу днем было небезопасно, а по ночам он пользовался гостеприимством своих богатых друзей, причем постоянно переезжал из одного имения в другое, так что достать его было очень трудно. И Каиафа смирился было с судьбой, ничего уже не ждал, как вдруг все само собой образовалось.

Ростом: Само собой ничего не образуется.

Сулхан: Ему, как и всем остальным, помог сам Иисус.

Ростом: Не понял!

Ростом бросил взгляд на Сулхана, потом на пустую бутылку “Боржоми”, животворная жидкость как-то незаметно испарилась. Сулхан не мог понять, чем объяснить этот удивленный взгляд начальника – опустевшей ли бутылкой, сильной жаждой, которую испытывал он, его подчиненный, или историей, случившейся тысячу лет назад. Сулхан научился держать язык за зубами, он не задал лишнего вопроса и принялся разворачивать далее запутавшуюся было нить рассказа.

Сулхан: Он сам предпринял первый шаг, поставил Каиафе ловушку, и тот в нее угодил так, что когда очухался, все было кончено. Впрочем, было уже поздно что-либо менять.

Ростом: Что же Он сделал?

Сулхан: Он заманил его в Гефсиманский сад, устроил провокацию и заставил арестовать себя.

Ростом: В нашем деле объективность прежде всего, ты же знаешь, я всю свою жизнь руководствовался именно этим принципом, но ты такое рассказываешь об этом человеке, что я окончательно перехожу на его сторону. Хотел бы я увидеть лицо этого одураченного Каиафы!

Сулхан: Это еще что, Валерианович, Он придумает такое, с ума сойдете!

Ростом: Интересно!

Сулхан: Самое интересное только начинается, Валерианович... Однажды вечером Иисус и его компания решили кутнуть. Была Пасха, и это никого не удивило. Иисус заранее выбрал укромный ресторанчик, нашел верного человека. В условленное время вся компания заявила в ресторан. Их встретил накрытый стол. Они возлегли и начали пировать. Между тем вечер подходил к концу.

Ростом: Что они пили, ты установил?

Сулхан: Частично... В основном, налегали на вино... Иисус, оказывается, любил выпить, фарисеи даже прозвали его пьянчужкой. Кто сколько выпил, теперь не узнаешь, но можно предполагать, что все были хорошо под градусом.

Ростом: Почему ты думаешь?

Сулхан: Они мешали вино с соком мака...

Ростом: Опий?

Сулхан: Да, они называли его желчью. Тогда это не считалось преступлением. Сомневаюсь, что после такого пошла кто-нибудь из них был трезв... К этому времени спустилась ночь. Иисус позвал к себе одного из своих учеников, Иуду Искариота, казначея апостолов, растеря-

вшего братские денежки. Подозвал и сказал нечто подобное: иди и, не колеблясь, исполни задуманное. И Иуда ушел. Его ухода никто не заметил, кутеж продолжался. Когда все было выпито, съедено и участники застолья порядком отяжелели, Иисус предложил пройтись. Идея пришлась по душе, и друзья вышли из ресторана. Побродив по улицам, они оказались в Гефсиманском саду...

На стол снова легли карты. Сулхан уперся пальцем в отмеченное место.

Сулхан: Здесь, вот, находился ресторан, это – река Кедрон со своей балкой, а вот тут сад.

Ростом на глаз измерил расстояние.

Ростом: Сколько они прошли? Что им надо было в такой дали? Другого места для гуляния в целом городе не нашлось?

Сулхан: В том-то и дело, Валерианович, я же вам говорил о плане, Он приступил к его исполнению. Надо было найти безлюдное место, темное, укромное, только так Он мог провести фарисеев.

Ростом: Когда человек на взводе, мы знаем, он мало что соображает, один Бог ведает, куда его понесет. Но как фарисеи прознали, где Он, как они рассчитали, что именно в это время, в этот час они пожелают пройтись по саду?!

Сулхан: Не забывайте, одного участника застолья с ними не было, он и сообщил фарисеям.

Ростом: Я тебе одно скажу, ты только не обижайся, я старше тебя и по чину и по возрасту, и опыта мне не занимать, слава Богу, повидал на своем веку... Я тебе о том и толкую, дорогой, это звено у тебя менее всего разработано. Ты говоришь, один из компании ушел раньше?

Сулхан: Да, и этому есть подтверждение...

Ростом: Разве?.. Как может человек, который ушел прежде, чем другие решили пройтись, знать их маршрут? Тогда не было ни мобильных, ни пейджеров.

Сулхан: И тем не менее он знал...

Но Ростом не стал слушать его объяснений. Он понял!

И Сулхан почувствовал, что Ростом понял, и обрадовался. Валерианович не утратил былой проницательности!

Ростом: Либо он тайно следовал за ними, либо...

Сулхан: Либо знал обо всем заранее. Это был их план, план двоих... Иисус досконально изучил поведение первосвященника, знал, как он поступит в той или иной ситуации, знал наверняка. Иисус дает задание Иуде. Иуда, запыхавшись, прибегает к Каиафе: “Человек, который нам нужен, через два часа будет в Гефсиманском саду, и вам ничто не помешает взять его. Я буду там и помогу вам”. “Он один?” – спросил Каиафа. “Нет, он с компанией, но все они пьяны, ничего не поймут”. “Ты – молодец, – похвалил Иуду Каиафа, – но тебе какой расчет выдавать Его?” “Я их казначей, Иисус требует отчета за каждую истраченную копейку, не дает мне развернуться, к тому же я истратился, а Он, вы же знаете, обнаружив это, меня не простит”. “А сколько ты потратил?” “Тридцать серебряников”. “Ладно”, – сказал Каиафа и, призвав охрану синедриона, направился к саду.

Ростом: Он ведь ему заплатил тридцать серебряников?

Сулхан: Заплатил. Откажись Иуда от вознаграждения, хитрец Каиафа непременно что-то заподозрил бы. Где вы видели информатора, Валерианович, который согласился бы на оплату потом?

Ростом: Такого, пожалуй, не найти.

Сулхан: Что эта сумма взята с потолка, подтверждается и тем, что позднее Иуда вернул ее нетронутой. Но это было потом. А до того Каиафа, не чуя ног от радости, велел окружить сад. Он не собирался арестовывать Иисуса, он пришел убить его, будучи уверенный, что пьяные в доску, они не смогут оказать сопротивления. Это знает и Иисус, это знает и Иуда, они вдвоем придумали этот план, рассчитали до мелочей. Каиафа же понятия не имел об этом, поэтому в глубине души уже праздновал победу. Но, увы, все вышло наоборот... Именно в этот момент Иуда поцелует Иисуса.

Ростом: Поцелуй Иуды...

Сулхан: Вот именно. Впрочем, если исходить из проведенного мною следствия, в будущем это крылатое выражение получит иное значение, что амнистирует огромное количество людей. Поскольку план выработан обоими, в том числе и так называемый поцелуй, он должен ассоциироваться скорее с братским объятием, нежели с предательством.

Ростом: И все же что он означал?

Сулхан: Все, де, в порядке, ни о чем не волнуйся, все идет путем, как мы того хотели...

Ростом: Когда-нибудь это ведь раскрылось бы?

Сулхан: Оно и раскрылось прямо через несколько минут. Иуда солгал. Никто не был пьян. Петр выхватил меч и отсек правое ухо некоему Малху. Охрана синедриона дрогнула, подалась назад. Кабы не Иисус, их всех порубили бы, никто в живых не остался бы. Он спас их, прекратив раздор. Каиафа смекнул, что его провели, он потерпел поражение. У него оставался один выход: арестовать Иисуса, да и то в том случае, если Тот

не будет возражать. А Иисус ждал этого с нетерпением, недолго думая, сдался врагу. Но первосвященнику от этого не легче, он попал в передрагу.

Ростом: Коллективная драка с тяжелыми телесными повреждениями...

Сулхан: К тому же в эту драку вовлекли гражданина Рима!

Ростом: При этом пролилась кровь...

Сулхан: И варвары осмелились поднять руку на римского гражданина!

Ростом: Своими действиями они вынудили его пустить в ход оружие!

Сулхан: И это в праздничный день...

Они словно играли в пинг-понг. И у них неплохо получалось.

Сулхан: Каиафа – стреляный воробей, он знает, префект лично будет разбирать это дело, встретится и с заключенным, допросит его... Хотя какой-то шанс у него оставался.

Ростом: Не думаю.

Сулхан: Можно было бы покончить с Иисусом в дороге, но этот Петр увязался за ними, не отставал до самого города, и они не смогли избавиться от него. Да и как избавились бы, он – главный свидетель, его слова имеют особый вес. Фарисеи молчат в тряпочку. Петр не подлежит их юрисдикции. Между тем, время не стояло на месте, рассвело, настал новый день. Весть об аресте Иисуса распространилась по всему городу. Петр считал свою миссию законченной и исчез.

Ростом: Небось испугался...

Сулхан: Его ложно обвинили в этом, вокруг ведь были одни завистники. Не так-то легко было испугать бывалого воина! Как римский гражданин, Петр верил в

справедливость префекта и, поскольку его друг был чист перед законом, он думал, ему ничто не угрожает. Главное, он спас его от самосуда, сделал свое дело, и теперь Каиафе ничего не оставалось, как следовать букве закона.

Ростом: А что потом изменилось?

Сулхан: Иисус, казалось, просчитал все ходы, но в одном все же ошибся.

Ростом: Он тоже ошибался? Что же Его подвело?

Сулхан: Он ничего не знал о заговоре против Тиберия.

Ростом: Вот, к чему может привести недостаток информации, я не устаю твердить об этом на каждой коллегии, во все инстанции пишу докладные – необходимо усилить соответствующую службу, поднять ее до прежнего уровня, всячески поощрять, при необходимости и материально. В нынешних условиях раскрыть дело без участия этой службы невозможно. Потому и поступает к нам информация в усеченном виде – где начало, где конец, поди разберись, а потом удивляются... И я удивляюсь, но что мне делать, как я могу поймать преступника, если у меня нет исчерпывающей о нем информации! И вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, он встречается мне на панихиде, здоровается, спрашивает, как я живу-поживаю... Я здороваюсь в ответ, а что мне остается...

Сулхан: Кто меня спрашивает, Валерианович, но я полностью с вами согласен!

Ростом пропустил мимо ушей благородное замечание сотрудника, дав тем самым понять Сулхану, что его действительно никто ни о чем не спрашивает и еще долгое время не спросит.

Сулхан не обиделся.

Он знал это...

Привык уже...

Только кому от этого хуже...

Ростом: Ну и к чему привела эта ошибка?

Сулхан: Ни к чему хорошему, в конце концов, к смерти Иисуса.

Ростом: Стало быть, имеем дело с непредвиденной случайностью?

Сулхан: Частично, Валерианович... События развивались следующим образом: загнанный в угол Каиафа вынужден был отправиться с арестантом к префекту. Дверь перед его носом захлопнули. Префект с арестантом остались одни. Долго беседовали. Префект не увидел ничего преступного в поведении подозреваемого. Они распрощались, и каждый пошел своим путем. Но Каиафа знает, отпущенный на свободу Иисус намного опаснее, все уверуют, что Он в самом деле неодолим, число Его последователей катастрофически возрастет, что окончательно подорвет влияние фарисеев. Живой Иисус страшнее мертвого.

Ростом: Шантаж?

Сулхан: И я так думаю. Я уверен, что Пилата заинтересовал Его рассказ, Его программа, убежден, они нашли бы общий язык и добились бы своего: Пилат написал бы в Рим, оттуда пришло бы согласие. Иисуса ввели бы в синедрион, позднее с Его помощью Пилат завладел бы несколькими будками, собрал бы необходимый капитал и со спокойной совестью сверг бы Тиберия. Но на осуществление этого плана требовалось не меньше шести месяцев. Префект не мог столько ждать, деньги ему нужны были немедленно. Поэтому он освобождает Иисуса, нагоняет страх на Каиафу, шантажирует его. Каиафа человек сообразительный, верно оценивает действия префекта и срочно доставляет ему

необходимую сумму. Пилат дает санкцию на арест Иисуса.

Ростом: Сколько ему заплатили?

Сулхан: Тридцать талантов.

Ростом: Это мне ни о чем не говорит, в переводе на наши деньги о какой сумме речь?

Сулхан: Семьсот восемьдесят килограммов чистого золота.

Ростом: О-о-о!

Сулхан: Годовая зарплата целого легиона.

Ростом: Конечно, он дал бы санкцию, столько золота, шутишь!

Сулхан: Так что Иуда не продал Иисуса, Его продал Пилат, он же Его и распял. Правда, в последний момент по долгу службы попытался спасти Его. Называл царем, даже велел написать на табличке, но никто, кроме первосвященника, не обратил на это внимания. Казни должны были подвергнуться четверо: два zelota, террористы, неусыпные враги режима, Иисус и местный криминальный авторитет Варавва. Согласно заведенному обычаю, одного из четверых преступников можно было помиловать. Кого – решал народ. Пилат обратился с этим вопросом к толпе. Он был уверен, что назовут Иисуса, но вышло наоборот. Каиафа, лучше всех знавший местные обычаи, проделал предварительную работу, обработал толпу, и она в один голос потребовала освобождения Вараввы. Пилат был бессилен что-либо изменить. Увидев все это, Иуда, отчаявшись, зашвырнул во двор первосвященника полученные якобы за измену тридцать серебряников и покончил с собой.

Сулхан поставил точку в своем рассказе и глубоко вздохнул.

Ростом: Почему он покончил с собой? Как выяс-

нилось, был невиновен.

Сулхан: Это точно, Валерианович, на нем нет вины, но он не мог доказать это. О плане знали только двое, Иуда взял деньги, это подтвердил бы Каиафа, и кто поверил бы ему?! Второй не сказал ничего, даже если бы очень хотел, поскольку, будучи распятым на кресте, боролся со смертью. Иуда понял, что во всем обвинят его, доносчика никто не пощадил бы, и нашел единственно верный выход из создавшегося положения.

Ростом: Ладно, с этим все ясно...

Сулхан: А далее как в тексте, по книге.

Ростом: Версия об убийстве, как я вижу, подтверждается.

Сулхан молчал.

Устал или задумался о своем? Впрочем, причина молчания была в другом.

Ростом: Чего молчишь? Может, ты думаешь по-другому?

Сулхан: Нет, Валерианович, все остается, как есть.

Он солгал.

Ростом с облегчением вздохнул.

Ростом: Лады!

Он, правда, предоставил Сулхану свободу действий, но все же нервничал: свобода это такая штука, которой не дашь определения, она как бессвязный тост – каждый понимает его по-своему. Нет, застолье и тосты – у нас в генах, но и тут все пошло шиворот-навыворот, и кто как хочет, пользуется этим. Если не придать всему форму – пропадешь, и все тут. Слово, как таковое, подобно женщине-мазохистке, требующей для себя оков и кожаного жилета. И кто это понимает? Никто!.. Впрочем, к Сулхану это не относится, он другой. Ростом окончательно убедился, что свой кабинет, ставший его вторым

“я”, он передает в надежные руки. Душа у него разыграла — он не ошибся в выборе преемника. Ему захотелось затануться сигаретой, но пачка оказалась пуста.

Он встал, покрутил уставшей шеей, выпрямил затекшие от долгого сидения ноги. Прихрамывая, подошел к окну, раздвинул тяжелые шторы, повернул ручку и впустил в комнату свежий воздух.

На город уже спустилась ночь. Там и тут переливались огоньки.

У кого есть свет — зажгли его.

Ростом: Подытожим!

Сулхан: Да, конечно.

Ростом: Что мы имеем? Что нам известно? Каков мотив?

Сулхан: Известно, Валерианович, деньги.

Ростом: Исполнитель?

Сулхан: Пилат и его легионеры.

Ростом: Заказчик?

Сулхан: Каиафа и фарисеи, частично и саддукеи.

Ростом: Время кончины?

Сулхан: С двенадцати до шести.

Ростом: День?

Сулхан: Суббота.

Ростом улыбнулся.

Ростом: Совсем как у нас!

Сулхан совсем запамятовал, как и тогда, кончалась суббота.

Сулхан: Как это вы подметили, Валерианович?

Ростом: Так вот, все подмечаю... Стало быть, на все вопросы у нас есть ответы. Дело раскрыто!

Ростом вернулся к столу.

Ростом: Напишешь заключение...

Сулхан: Понятно.

Ростом: Не торопись, дослушай... Напишешь так: оставь версию об убийстве, опусти историю о еврейских торговцах или священнослужителях, нет в ней необходимости. Вопросы о перераспределении денег коснешься мимоходом, без него не обойтись, и об этих будках или, там, столах говори в общем, лишних имен нам не надо. Петра оставь, он нам не мешает, роль Иуды не меняй, к какой мы привыкли, такой ее и оставь. Начнешь заново толковать – хлопот не оберешься. Поди выясни, кто кого поцеловал, когда, почему и при каких обстоятельствах, тут концов не найти. А нам, что, еще одна амнистия нужна? Нам не простят, если мы начнем перекраивать историю, обоим головы снимут! Религиозные распри выдвинь на передний план, этот вопрос перекликается с защитой прав человека, они любят эти дела, и прессу задобрим... Над выводами поработаем вместе, внесем их отдельной главой, если что забыл сейчас, потом добавим. Сделай так, как я говорю, и все останутся довольны: ты, я, патриархия и наше правительство.

Сулхан тоже любил родину. Он взял и согласился.

Ростом: Машина у тебя есть?

Сулхан: Нет, Валерианович, меня обычно обслуживает дежурная.

Ростом: Где сейчас найдешь дежурную, небось, своими делами занята, гоняет где-нибудь... Где живешь?

Сулхан: На Чонкадзе.

Ростом: Недалеко, значит, поедем в моей.

У Сулхана были иные планы, но он не осмелился отказаться.

Через несколько минут они сидели в машине Валериановича. Дорогу на Мтацминда одолели в полнейшей тишине. У дома Сулхан попрощался с начальником, из приличия пригласил его в дом и получил такой же

ответ. Затем проводил взглядом машину до поворота и, не взглянув в сторону дома, бегом пустился вниз по улице, на площади остановил такси и направился к месту работы.

Сулхан никогда не видел пустыни. Не был он ни в Иерусалиме, ни в Риме. Не видел и берегов Ганга или заснеженных вершин Альп. Чего уж скрывать, он не был даже в туристической поездке по Болгарии. Так что его познания в географии ограничивались атласом и названиями городов, напечатанными мелким шрифтом. А названия эти будили воображение о царящей в пустыне жаре, змеях и песчаных холмах, которые меняли свое месторасположение так же часто, как беглые заключенные.

Сулхан устался на стол. Его выдавшая виды поверхность удивительно напоминала песок пустыни, такой же грубый, желтый и искушающий.

Теперь уже незачем робеть. Ростом исчез как мираж. Мысли Сулхана освободились от оков, как подросток от молочных зубов.

Сулхан развязал пухлую папку. Дело опять увлекло его. Стол пленил, песок затягивал.

И ему ничего не оставалось делать, как поддаться искушению...

Жара, палящее солнце. Вокруг множество бездельников. Римские легионеры, размахивая копьями, отгоняют народ от приговоренных к смерти. Люди в ответ плюются, проклинают их, не скупятся на ругань и рвутся в драку... Возможно, не все Его любили, но Сулхан хочет думать именно так, он надеется на Пилата, верит, что тот не пожертвует Им до конца, да и зачем ему делать это? Деньги уже в надежном месте – семьсот или восемьсот килограммов сверкающих слитков, кто

посмеет покуситься на них или потребовать обратно?

Жара становилась невыносимой.

Не удивительно, что рот высох, и Иисус просит воды. Ему тут же увлажняют губы. Все же как живительна эта влага, которую римляне зовут “поска”. Смесь из яйца, укуса и воды – враг усталости и верный друг воина. Иисус перевел дух, оставшийся путь Он одолеет с легкостью. Жажду Он утолил, идти гораздо легче, это и понятно, его крест несет Симон. Кому охота в такую жару тащить тяжесть. И у Симона, поди, нет никакого желания; но страх сильнее, он не посмел отказать легионерам. Похоже, Иисуса щадят, радеют о Нем. Это все уловки Пилата, думает Сулхан, и надежда на спасение обвиненного еще более крепнет в нем.

В который раз судьба обманывает надежды Каиафы. Теперь проблема во времени, безжалостном судие. Начинается суббота. А в субботу всякие дела запрещены. Приговоренных к смерти нельзя оставлять на крестах, ибо и пытка – дело, это Каиафа знает четко. Что же делать? Как быть? Как заставить Его умереть до ночи? Человек, распятый на кресте, далеко еще не покойник. Многое зависит от погоды. В жару распятый не продержится и трех дней, а в дождь порой и пяти дней маловато. Никто не жаловал Каиафе четки дней. Впрочем, можно и ускорить события. К примеру, прибить к кресту гвоздями в надежде вызвать сепсис, либо же сильное кровотечение, над этим не надо ломать голову. Но никто не подходит к Иисусу, а время идет, суббота неотвратимо приближается. Ближе к ночи по настоятельному требованию Каиафы легионер проверяет, жив ли Иисус, и вонзает в Него острие копья. Из раны течет кровь, при
виде которой повидавшие на своем веку войны
свидетельствуют смерть преступника.

Разве у мертвого может кровоточить рана? Сулхан удивлен, и он прав.

Удивлен и первосвященник, но что ему делать? Его положение еще тяжелее, он оплатил это удивление кругленькой суммой. Дорого же стоило его изумление.

Сулхан не отходит от Каиафы, тенью следует за ним. Первосвященнику ничего не остается, как отправиться к Пилату. Пойти и спросить с него.

И Сулхан туда же.

– Ну ты доволен, первосвященник? Левины, надеюсь, не в обиде?

Улыбка.

Каиафа не понимает, что означает улыбка этого человека.

– Частично... Я заплатил за мертвого Иисуса, а он жив.

– Кто жив?

– Назаретянин...

– Не думаю. Мне доложили, что он мертв, и Его уже перенесли в усыпальницу.

– Прячут, чтобы ночью дать тайком уйти.

– Ничего не поделаешь! Ежели ты уверен в этом, поставь стражу и спи спокойно.

– Кого поставишь, суббота, все спешат домой.

– А я и забыл... Чем же могу помочь, я в ваши дела не вмешиваюсь, потом сами же забросаете меня жалобами.

– Вели legionерам охранять вход в пещеру.

– Legionерам?

Пилат задумывается.

Это Каиафе так кажется, на самом деле тот давно все решил. Пусть станут legionеры, это облегчит ему

дело.

– Легионеры? Пожалуйста. Видишь, тебе не в чем упрекнуть меня, я всячески поддерживаю тебя, и людей опытных дам.

Каиафа доволен. Ежели Он мертв, прекрасно, ежели жив, задохнется в скале. Из страха перед вооруженными легионерами даже птица не рискнет проникнуть в усыпальницу.

Насколько невыносима днем жара в пустыне, настолько нестерпим там холод по ночам. Сулхан не знал этого, откуда ему было знать, он, как помните, никогда не выезжал из Тбилиси. Поэтому он и не захватил плаща и едва избежал воспаления легких. Утром проснулся от собственного чиха. Чихнул так громко, что земля содрогнулась, похоже, это и сдвинуло с места огромный камень, прикрывавший вход в пещеру.

На рассвете пришедшие к усыпальнице Левины не могли скрыть своего волнения. Они, правда, ничем не смели оскорбить легионеров, стоящих на страже, но на упреки не скупились.

Все же отчего они пришли в такое негодование в такую рань?

Пещера оказалась пуста, покойник исчез.

Легионеры пожимали плечами. “Работа у нас не из легких, мы устаем, вздремнули, наверное. Кто-то, видать, вынес Его, а может, Он и сам ушел... Не знаем, ничего не видели...”

Каиафа мог поверить в эти рассказы, накажи Пилат своих солдат, но тот, никак не отреагировав на случившееся, спокойно вернулся к своим делам.

Ему пришло сообщение, что в Риме происходят

важные события, что кесарь устроил гонения на аристократов, потребовав от них уплаты долгов, а тем, кто ссужал их, вменил в обязанность закупать на возвращенные деньги недвижимость, тем самым лишая роскоши богатых и создавая лишние проблемы банкирам. Поскольку же удачливые банкиры тогда, как, впрочем, и сегодня, были сплошь евреи, а в Риме ни за какие деньги нельзя было приобрести и клочка земли, они стали приобретать пахотно-посевные угодья в провинции. За угодьями требовался уход, какой еврей приведет в запустение свою собственность?! И они снялись с насиженных мест, и в несколько дней Рим опустел, как рваный карман нищего.

Пилат это как-нибудь пережил бы, но вторая новость вывела его из равновесия. Пилата вызывали в Рим. Что должно было случиться – случилось. Так всегда бывает, когда откладываешь дело. Заговор провалился. Начались аресты, несколько голов слетело с плеч. Пилату грозило то же самое, но он мастерски снял с себя обвинение. Ему припомнили переписку с заговорщиками, но он и тут выкрутился, все клялся солнцем и острием меча. Ничего не смогли ему доказать. Но чтобы не расслаблялся, попеняли сурово и понурого отпустили назад.

Судьба снова спутала все карты.

Голову-то он повесил, но в душе горько смеялся над своими судьями. Все сложилось так, что о лучшем нельзя было и мечтать. Пилат избежал и войны, и наказания.

Легионеры остаются на квартирах. Деньги спрятаны в надежном месте. Каиафа сломлен, он вынужден смириться с пустой усыпальницей и существованием нового Бога. Исполнение замысла префекта упрос-

тилось. Новое движение может возглавить и Петр, вполне стодится как лидер партии. К тому же он римлянин, никакой романтики, с ним гораздо легче найти общий язык.

Сказано — сделано. А где же главный виновник?

Иисус издали наблюдает за происходящим. Его мечта приносится в жертву планам Пилата, его замысел обречен после согласия Петра. Очень скоро ряд будок перейдет во владение Пилата. Богатство перераспределилось. Бедняк остался бедняком, богач разбогател еще больше.

И все же где Он?

Может быть, во дворце Ирода? Просвещенный правитель сверлит ему уши под золоченым сводом.

А может быть, Его укрыл Пилат для устрашения Каиафы?

Или Он дома?

Иль вообще в пути?

Сулхан ищет. Бьется о свежесмытые стены прокуратуры. Но тщетно. Нигде нет Его следа. Проследил наудачу всю историю, страницу за страницей, дошел до наших дней — не нашел. Но его тяжкий труд дал свои результаты — третьестепенный следователь сделал выдающееся открытие...

Но сперва об остальных.

Ирод не дожидаясь Иудейской войны. Молодой Калигула выслал его из Иудеи, и он закончил свои дни вдали от нее.

Тиберий достиг преклонных лет и почил вечным сном в мире.

Калигула отстранил Пилата от дел. Но бывший

префект не сильно огорчился по этому поводу. Денег у него было достаточно. Он купил себе поместье в Швейцарии, где со временем и отошел в мир иной.

Каиафа пережил и тяжелые времена, и частую смену правительства. Он оставался спикером еще четыре года. Потом затерялся среди людей, как песчинка в пустыне. Может, и обратился в веру Христову. Кто его знает?

Иисус?

Тут Сулхана ждало открытие.

Прилежность студенческих лет дала свои плоды. Хорошо обученный делу, он вспомнил, что есть основной нерв следствия, и пришел к такому простому, как свет истины, выводу: если нет ни орудия убийства, ни трупа, значит нет и преступления. Легко сказать, но у Сулхана язык не поворачивался вымолвить это.

Жив! – наконец-то выдохнул Сулхан.

Жив! А где столкнешься с живым, кто может знать. Но сегодня или завтра непременно встретишься с Ним, пути пересекутся. И Он заговорит с тобой. Мир – велик.

Только Сулхан осознал это, как без сил откинулся на спинку стула. Он почувствовал облегчение, какое испытывает обычно избежавшая смерти роженица, и его воспаленный от разных глупостей мозг вдруг освободился, как живот новоявленной матери.

На другое утро секретарша положила на стол начальника, с нетерпением ждущего заключения, заявление Сулхана. Сулхан написал заявление об уходе с работы, ничем не объясняя своего странного решения.

С той поры никто никогда не видел Сулхана.

Прав был Ростом Валерианович, когда говорил: ежели ты мужчина, сам должен выбрать свой путь...

Отрицание – тоже путь, и когда-нибудь он тебя выведет на дорогу.

Понятливый Сулхан в точности исполнил все три правила: и опроверг, и выбрал, и с тем, что выбрал, вышел на дорогу.

Когда-нибудь избранный Сулханом путь так спаяет первые два правила, как спаяны кандалы из огнеупорной стали, которым нет износу.

Аминь!

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Зураб МЕСХИ

СПАЗМЫ

Мне шестнадцать, и я хочу зафиксировать, что во мне не вызывает ненависти. Я не ненавижу Бога, поскольку Бога нет. Кабы верил в него, возненавидел бы. Не думаю, чтобы Он предпочел это, то есть чтобы я верил в него и ненавидел. А не верю, – Он где-то есть сам по себе, не обременяемый моей ненавистью и бесконечными просьбами. Стало быть нет Его. Я нервничаю при мысли, что может быть Он есть и верит в меня...

Я не ненавижу цветы, потому что они существуют...

Не ненавижу, к примеру, ослов, хотя в натуре живого осла о четырех ногах сроду не видел. Двуногих – сколько угодно.

Я спокойно отношусь к коровам – видел их несколько раз – и к животным вообще. Хотя собака глупа, поскольку предана хозяину, а этот олух может натравить ее на хорошего человека, а она возьми да и набросься на него. Фу, противная псина. Впрочем, не знаю, кто хорош, кто плох... Кошку, к примеру, ни на кого не натравишь, не заставишь плясать под свою дудку. Плевать она хотела и на своего хозяина, и на его врагов. Кошек я уважаю...

К деревьям тоже отношусь спокойно, природа меня не раздражает, хотя почти не бываю на природе. Дети не вызывают во мне ненависти, хотя среди них много противных... Есть еще несколько человек, к которым я отношусь спокойно.

Вот и все... Остальное – ненавижу. Включая и себя. Стало быть: либо ненавижу, либо – не ненавижу. О любви вообще нет речи. Нет для нее места, т.е. свободного пространства...

У меня с пяти лет – спазмы. Начались они, когда я стал замечать грязь и всякую гадость вокруг. Иные до конца своих дней не видят всего этого. И я до пяти лет ничего не замечал и был счастлив. Жил как в раю, не отличая зайчат от крысят, хотел даже играть с ними, но мне не разрешали.

Мы живем в шестнадцатизэтажке на пятом этаже. Мусор, выбрасываемый из окон одиннадцати этажей, что над нами, пролетает мимо нас и с грохотом падает на землю, сперва пугая крыс, а затем приводя их в восторг. Если, не дай Бог, высунешь голову из окна, вся эта гадость свалится на тебя...

Мне было двенадцать, когда меня шарахнуло по затылку. Сперва я не понял, что со мной, в глазах потемнело, я стал задыхаться, как мне показалось в собственной блевотине – глаза и рот были залеплены чем-то прогорклым и вонючим. И только потом до меня дошло – бумажный пакет, полный всякого дерьма, упал мне на голову и лопнул – я почувствовал запах прокисшего овощного рагу, вонючих обглоданных костей, грязных женских волос и т.п.

Мама потащила меня в ванную, вымыла мне голову, наконец-то я перевел дух, прозрел навсегда, на все времена. Потом я стоял в ванной под струей воды, абсолютно отупевший... И тут у меня начались спазмы. Я согнулся, схватился за живот, меня на мгновение отпустило, потом я снова скорчился в судороге. Я хватался за плечи, за живот, наконец в отчаянии схватился за свою крайнюю плоть, как за руль автомобиля, как за

рычаг скоростей... И отключился, потрясенный, исполненный блаженства и стыда.

Лучше бы моей матери не было дома, лучше бы ей не видеть, как этот пакет с дерьмом свалился мне на голову. Случилось более ужасное – она благодарила Бога за то, что Он спас меня и не повредил какое-то “основание” – килограммов на пять пакет-то тянул. А “основание” это где-то между затылком и шеей, якобы, находится, вот она и благодарила Бога, что эта “кость основания” или “основная кость” уцелела... В этот миг я чуть было не уверовал в Бога – такую ненависть к нему почувствовал. Нельзя же ведь так жутко, до скрежета зубовного ненавидеть то, что не существует?! Я даже испугался, как бы моя ненависть не сделала его реальностью. Как мне было быть тогда? Реального Бога я не смог бы ненавидеть больше, чем в тот момент – нереального. Для такой ненависти у меня сил не хватит... И я сказал своей матери, которая зажгла свечу и, осеняя себя крестом, молилась перед образом, что, если я еще раз услышу слова “основа”, “Бог”, “благодарение”, “спасение”, я выброшу ее икону вниз, крысам. И она умолкла.

В те дни у меня были сильные спазмы: то в печени, то в желудке, то в горле, короче – по всему телу. Согнулся в три погибели, и так и остался сидеть.

Что-то нашло на меня – полюбились вдруг отцовское охотничье ружье, о котором я и думать забыл, а в нежном возрасте просто ненавидел, потому что каждое воскресенье вечером отец притаскивал одну-две дикие утки и заставлял мать тут же ощипывать их. Потом целую неделю мы питались этими утками. Однажды родители поскандалили. Мать опоздала с ощипом утки. Отец, и так обозленный, что больше одной не удалось

подстрелить, схватил утку и выбросил в окно. Она шмякнулась на запорошенный снегом штабель строительных блоков – тогда все вокруг было в снегу. И валялась пестрая утка с откинутой головой на окрашенном кровью снегу. Сейчас, наверное, отец охотится на кенгуру где-нибудь в Зеландии или Австралии, понятия не имею, где обитают эти кенгуру. А может быть истребляет диких пестрых петушков, не знаю, давно он не писал, да и откуда у него там ружье. Впрочем, может, жена его, мулатка Жанна купила ему ружье. Очень может быть, что у меня есть уже брат или сестра, впрочем, мне наплевать на это...

Стало быть, сидел я в гардеробе, где висело ружье, и думал об одном, только лишь об одном, как установить, кто выбросил тот пакет с мусором – ведь пакеты летят из всех окон, тем более сейчас, когда бункер забит до отказа. Черви уже выползают наружу... Одно меня поддерживало – я представлял, что стою внизу, на постаменте из строительных блоков с ружьем в руках и стреляю в каждое окно нашего дома, начиная с шестнадцатого этажа, крушу стекла, словно глаза какого-то чудовища... И когда я уже не мог думать об этом, я снова хватался за свою плоть и начинал раскачиваться, потом отключался, к сожалению, на мгновение, и, придя в себя, плакал...

Телевизор смотреть не могу – сразу же начинаются спазмы. Да он и не работает сейчас – перегорел от частой смены напряжения. Но стоит услышать голос президента, раздающийся из соседских радиоприемников и телевизоров, меня тут же скрючивает. Я ненавижу его, потому что он есть. Кабы знал он, как я его ненавижу, может и полюбил меня. Ну скажите, у кого вот-вот готова лопнуть селезенка при звуке его голоса. Случается, у

людей лопаются, к примеру, желудок или слепая кишка, но это происходит само собой, чисто физически. А у меня – и физически, и душевно лопаются. Есть в этом нечто *современное!* Нечто *остроумное*. Но президент-то не знает, что я есть на этом свете, он даже не помнит о нашем существовании, не подозревает, что при звуке его голоса у нас лопаются селезенки. Я ненавижу и тех, кто ненавидит президента, и тех, кто любит его, партийных и беспартийных, союзников и противников, тех, кто из одной команды и из разных команд, из одной группы и из разных групп. Ненавижу беженцев и тбилисцев, которые терпеть не могут друг друга. Вообще, как я погляжу, большинство людей ненавидит большинство людей.

Я должен научиться никого и ничего не воспринимать всерьез. Сейчас я над этим работаю. Мочи нет выносить все это – в горле уже вздулись вены. И вообще, я стою на перепутье, но об этом ниже...

А пока поговорим о том же: оказывается, в этой стране, называемой Грузией, есть и прозаики, и поэты, и музыканты, и художники. Пчелки искусства... и притом навалом. Все гордятся этим, и, в первую очередь, сами служители искусства. Вот их-то я и ненавижу больше всего, больше президента, больше партийцев, всех, кто творит что-то “для души”.

Я почти ничего не читал, в детстве чуть было не допустил ошибки – пристрастился к книге, кое-что прочитал: “Таинственный остров”, “Человек-амфибия”, “Поль и Вирджиния”, “Последний из могикан”, “Элгуджа” и прочее. Мне понравилось, но потом вдруг скрутил меня спазм, не из-за книг, а из-за самого себя. Забыл сказать, стоит мне подумать о себе, я чувствую спазм прямо в почках. Так вот, как только очухался, запретил

себе читать. Тот, кто сидит по уши в дерьме, должен либо вопить, либо стать ассенизатором. А если ты в этом дерьме поешь, танцуешь, музицируешь, слагаешь стихи, ты становишься дерьмовым певцом, танцором, пианистом, поэтом, ударником, ударным дерьмом!

Погодите, у меня опять спазм... клином вонзился в почку... не могу дышать... весь скрючился...

Мало того, что сами сидят в дерьме, и других приглашают, иностранцев, к примеру, и вместе с ними устраивают фекальные фестивали на сценах, площадях, Песках-месках*. Простирают друг к другу руки, плятятся друг другу в глаза и поют: А-а-а-а-а! Дардубала!**

Ненавижу и иностранцев, потому что притаскиваются сюда, смеются без причины, дружат со всеми подряд, хвалят нас, получают удовольствие, делают деньги, пичкают нас деньгами и жратвой, откармливают наших крыс, которые давно уже переросли кроликов, скоро станут величиной с козла, а потом осла...

Это, конечно, не всех иностранцев касается, но какое это имеет значение...

Значит так, моя мать, вообразите, преподавала грузинский. И была горда этим, как и всякий грузин, гордый своей гордостью. Сейчас она продает порнографические газеты и журналы на базаре и очень страдает от того, что поступилась “принципами” и предала “идею”. Поначалу продавала книги в магазине, те самые книги, которые вбивала в головы своих учеников в течение пятнадцати лет. Но ни один из ее любимых писателей, гордость грузинской нации, не продавался. Тогда ей вручили порно-продукцию и

* Пески – старый район Тбилиси.

** Горе тебе и несчастье!

посадили на рынке. Сейчас она распространяет “Ор-газм”, “Кровь и секс”, “Я-ты-он-они” (или групповой секс), “Великий Акт”, “Ре и Ва” (т.е. Пенис и Вагина), “Эльдорадо”. Сперва она отказалась и бросила работу, но потом, когда желудок прилип к позвонку, соизволила выйти на рынок. От стыда заработала себе невроз, от невроза – колит, от колита – аритмию и т.д.

Тогда я встал на табурет, простер к ней руки и возопил: “О гордая грузинка! О, мать Грузии! Не истязай себя! С голодухи у меня не бывает спазмов! Сиди дома! Но ежели находишься там, где ты есть, будь там! И смело предлагай своему родному народу то, чего он жаждет! И не теряй гордости! У тебя сейчас больше оснований для нее, нежели раньше, когда ты работала в своей школе, ибо сейчас ты не обманываешься и не несешь чуши, а действительно страдаешь и служишь родному народу, способствуя его выходу из дебрей сексуального палеолита. О, мать моя, О! О! О!” – и все такое...

Поначалу она прикрывала откровенную секс-продукцию “приличными” журналами с изображением голых женщин, демонстрирующих свои зады. Но торговля шла плохо. Людям осточертели голые бабы, и шеф сказал ей – от твоей предприимчивости зависит твой заработок, ничего не поделаешь, бизнес есть бизнес, и, если ты не можешь это продавать, я посажу другую. И мать плюнула на совесть и показала товар лицом: бабу с бабой, мужика с мужиком, одного с двумя, двоих с тремя, всех со всеми, и дело пошло, хватать стали все, почти ничего не оставалось. А что остается, приносит домой и прячет от меня в чемодане, под кушеткой. Над кушеткой у нее висит икона Божьей матери. Правда, колит, истерия, тахикардия обострились, но зато гордости поубавилось, и она уже не смотрит на людей

сверху вниз. И не подозревает, что это большое достижение, хотя бы с точки зрения христианской морали, она должна быть благодарна, что ее тщеславие (прародитель всех грехов) потеряло под собой почву. Ау! Ау! Ауууу!

Над нами живут двое ее бывших учеников – один чекист, другой – священник, очевидно тоже чекист в прошлом, но мне плевать на это. Чекист более порядочный: мусор из окна выбрасывает в целлофановом пакете, священник и его жена – без пакета. Моя мать тоже выбрасывает мусор из окна, тем более сейчас, когда бункер все еще забит и останется забитым до второго пришествия. Поначалу она делала это так, чтобы я не видел, инстинктивно чувствуя мое обостренное травмой отношение к летящему из окна мусору... Я мог, выругавшись или не выругавшись, запретить ей делать это, и она подчинилась бы, во всяком случае, я бы этого больше не увидел, но разве в таком случае истина открылась бы мне?! Я предпочитаю видеть собственную мать, швыряющей мусор из окна, – после того, как ее единственному сыну такой же пакет мусора чуть не сломал шею, а в действительности – сломал! Лично я мусор из окна не выбрасываю, но и не выношу во двор, стало быть, я садист.

Стоит мне встретить нашего попа на нашей загаженной лестнице, у меня тут же начинается спазм прямо в легком, т.е. я начинаю задыхаться, меня всего скрючивает, рот разинут, глаза вот-вот выскочат из орбит... Он считает меня тяжелобольным, уверен, что мне недолго осталось жить, и при встрече со мной осеняет меня крестом и что-то бормочет... А стоит ли объяснять этому олуху, что это из-за него у меня спазм? Однажды я чуть было не спятил и, вырвавшись из клещей спазма,

процедил сквозь зубы: “Еще раз перекрестите меня и пробормочете свою чушь, укушу вас прямо в то самое место, где у меня спазм, т.е. в легкое”. Он мне тотчас же поверил, хотя укусить в легкое, в принципе, невозможно, стал белее полотна, а меня скрючивало все сильнее и сильнее.

Моя мать не выдержала испытания, смысл которого заключался в преодолении ее дурацкой или грузинской гордыни, в том, чтобы быть выше человеческой глупости. Она нацепила темные очки, надела парик. Возвращаясь с рынка домой, в сердцах зашвыривала очки и парик в тот самый чемодан под кушеткой, помните? Даже обругала меня дважды... Мама... я приветствую твою откровенность...

Мне плохо.

Впрочем, я обманул вас. Все-таки есть что-то, что я люблю, к тому же очень люблю. Когда это случилось со мной впервые, *это* произошло только благодаря мне, без чьего-либо вмешательства, независимо от кого бы то ни было (моя страна ведь тоже развивается независимо, хотя при чем тут это?..).

Я уже говорил, там, в гардеробе, я даже благодарил в душе какое-то подобие Бога за то, что *это* существует. Я люблю *это* не потому, что оно приятно, а потому что в *этот* момент я отключаюсь, мозги как бы выветриваются, и тело вообще становится невесомым. Я остаюсь один на один с собой, без всяких наслоений, как чистый кристалл, хотя причем здесь кристалл. Короче, весь этот гнусный мир отступает куда-то прочь вместе с частью меня, и уже ничто не существует, кроме пустоты, даже ненависти нет, поскольку и меня тоже нет, а есть лишь расслабленность и пустота. Раза два я даже чуть было не уверовал в Бога из-за этой пустоты. Вина я не терплю,

водки тем более – из-за нее у меня болит печень, к тому же, когда пью, я не отключаюсь, напротив, пьяный, я полон всяческого дерьма, даже во сне, т.е., когда засыпаю пьяным, мне снятся поганые сны. А когда я трезв, мой сон чист – одна темнота. Однажды мне даже приснился такой идиотизм – тогда я выпил много водки – будто мой отец был президентом и охотился на перепелов, и его легавые таскали мне окровавленных перепелок, а я должен был их есть, но все они были изрешечены дробью, тельца разодраны в клочья так, что их и не ощипаешь, меня тошнило, есть вообще не хотелось, и я только ждал, когда он кончит охотиться и подойдет ко мне, так как чувствовал, что вот-вот начнется спазм, прямо в сердце, я боялся и хотел, чтобы он был рядом, но он продолжал охотиться, все поле было уже покрыто расстрелянными перепелами. Вот такой идиотизм...

В школу мы ходим только зимой, когда, кроме нас, никто не ходит туда. Проблема с теплом, не знаем, куда деться. Запираемся в нашем классе, девятом втором. Пока были книги, топили ими турецкую печку, купленную на общие деньги. Библиотеку растащили директор и учителя.

Я говорил вам, что моя мать преподавала в этой самой школе? Так что ее теперешний шеф – наш директор. В общем, что смогли они – продали, остальное растащили по домам на растопку и туалет. Туалетная бумага ведь дорогая, а задницы нашего старшего поколения вовсе не боятся книг и газет. Это всегда удивляло меня, впрочем, большинство этих книг напечатано на тонкой бумаге, так что пусть благодарят свой “советский период”, который они именуют “добрым временем”. Короче, остатки той библиотеки сожгли мы. “Толковый словарь” приберегли к концу, но когда сожгли последний

восьмой том, Нана с сожалением сказала: “И почему только в грузинском языке не сто букв”. “Причем тут буквы, – отозвался Ото, – мечтала бы уж о том, чтобы в грузинском было больше слов”. Плохо то, что, сгорая, книги дают много пепла, и потом, когда открываешь дверцу печки, он вырывается оттуда и, полетав по комнате, оседает на пол, на нас, когда лежим на полу, но кто обращает на это внимание...

Потом мы пустили в ход карты: карту СССР, Грузии, карты мира, географические, физические, политические карты и под конец – глобус.

Сперва мы разрезали его пополам, как арбуз, потом разломали на куски и сунули в печку... Глянцевые карты дымили, неглянцевые – нет. Через отверстие в печи мы смотрели, как сгорали государства, горы, моря, океаны, Грузия... Потом сожгли классные журналы, тетради для контрольных работ – мы нашли целые пачки их на чердаке, все в паутине. Потом сломали шкафы, и без того колченогие стулья. Целые стулья, парты, столы и кресла из учительской уже успели продать. Оставшиеся раздолбаные парты ломать не было сил... Мы стелили наши пальто на пол, нас мальчишек было трое, сверху клали пальто девчат, их тоже было три. Кое-что притащили из дому. Тамрико, например, одеяло, Нино тоже что-то еще. Уходя, все это прятали на чердаке. Короче, кое-как согрелись, никакого сравнения с домом, дома все мерзли. Нино приносила кофе в термосе, шоколад, очень редко коньяк, который воровала в магазине, разместившемся в их квартире. Обе свои комнаты они сдали в аренду соседу, который открыл в них магазин, где продавалось все. Сами же ютились в кухне. Нино с матерью спали вдвоем на одной кушетке. Был у нас и магнитофон на батарейках, батарейки Нино тоже таскала из магазина.

Р. И. Поначалу школьный сторож не хотел впускать нас, грозил пожаловаться куда следует, раза два ломился в дверь. Мы не платили ему денег.

Других пускал только за деньги, и только ночью. Под конец я сказал ему, денег у нас нет, но зато есть револьвер дома и пули к нему. В этот момент как раз у меня начинался спазм, не помню уже почему, а может, помню... Я весь извивался, скрежетал зубами... Он впустил нас. Я, конечно, соврал насчет револьвера. Пули-то были, только от ружья, охотничьего ружья, я же говорил о нем, а револьвера у меня сроду не было.

Презервативом пользовался я один. Все смеялись надо мной, зачем, мол, тебе это, мы же только друг с другом занимаемся *этим*. “Чего ты боишься?” – первым сказал мне Ото, и у меня тут же начался спазм, хотя я и так был уверен, что они засмеют меня. Резинки я воровал у соседа, их ему присылал сын откуда-то из третьего или десятого мира, а может, из второго, не знаю, короче, присылает, поскольку там они дешевы, да и посылать не составляет труда – почти невесомые. “Таких в Тбилиси ни у кого нет”, – говорит сосед, надувая большой разрисованный, сделанный в целях рекламы презерватив. Он надувается очень легко и, что главное, – от него такой приятный запах. Ароматный и цветной – такого действительно ни у кого нет... Все соседи покупают их у него, хотя он и продает дорого, штуку за 40 тетри. Он вроде моей мамы, в постоянных “душевных муках”, так как предает “идеал”. Доцент университета, он и сейчас читает лекции, одну не-то две в неделю, не знаю. Пестрые и рисованные резинки я не краду, они действуют мне на нервы, в основном тибрю розовые. Стало быть, мается он, чувство “униженного достоинства” не дает покоя. Однажды, надувая очередной

презерватив, он вдруг заплакал, по-моему, был пьян. Я вскочил на табурет и возопил: “О, грузин, Отец Грузии! Не терзай себя, исполнись скромности и нового достоинства. Ранее ты забивал головы юным душам какими-то идеями, “классовой борьбой”, “НЭПом”, “Планом Гозпро” и был горд без всякого на то основания. А сейчас им на смену пришли ООН, демократия, капитал, христианство, и ты – на службе цивилизации, гигиены и человечности! Так радуйся этому! О! О! О!” – “Ты и вправду болен, – сказал он мне, – когда священник говорил мне об этом, я не поверил. А вчера твоя мать купила десять штук, взяла только розовые и ни одного пестрого”.

Спазма не было, и, стоя на стуле, я продолжил: “Во всей этой истории меня убивает только то, что бывший педагог связалась с таким типом, которому сама должна покупать средства предосторожности, а в остальном я только приветствую случившееся... И могу лишь мечтать о том, чтобы ложе ее любви находилось не на базаре, не в какой-нибудь вонючей будке или на складе среди коробок, холодильников и унитазов, где резвятся крысы... Лучше уж пусть используют здание нашей школы”.

Короче, “предостерегался” я один. Но однажды у меня не было с собой резинки, и я попросил Нану лечь сверху. Еле уговорил, ей не нравится эта поза. Тамрико и Нино нравится, и вообще у них все прекрасно получается. В первый раз, когда мы поменялись партнерами, у меня не было спазма, потом я признался себе, что так-то лучше. Ни к кому не следует привязываться, никого нельзя превращать в свою собственность. Вообще, быть один на один с кем-то в жизни очень трудно. Ни у кого сил нет на это, чтобы так – лицом к лицу, на всю оставшуюся жизнь, и вся ответственность на тебе,

не вижу никакого смысла в такой жизни вдвоем. Растопив печку, мы бегали по классу голышом, танцевали, т.е. играли, особенно здорово получилось, когда горел “Толковый словарь”, танец вышел какой-то дикий, пламенный, красивый. У Нино даже родилась идея поставить “Первобытную пляску”, нечто “необъяснимое и непонятное” и стать авангардистами “голых танцев”. Она не сомневалась, что наша труппа будет иметь успех в каком-нибудь “тбилисском андерграунде” и, наконец, разбогатеет.

Да, ни с кем нельзя оставаться один на один. Главное – оргазм. Отключка, мгновенное отдохновение. С Наной это приходило быстро, но длилось дольше, хотя она была самой неумелой и неловкой из всех.

Но как-то раз пришел я к Нане домой. Ее мать тоже целые дни проводит на рынке, торгует бритвами и лифчиками, которые присылает Нанин брат откуда-то из первого или третьего мира. Первый, кажется, это развитые страны, второй – менее развитые, а третий – вообще недоразвитые, в общем, понятия не имею, да и плевать мне на это. Он там покупает по дешевке и пересылает то с челноками, то посылки шлет. Нана говорит, почта уже работает. Раньше ее мать работала в каком-то исследовательском институте. “Что она там исследовала”, – спрашиваю. “Да ничего, – отвечает Нана, – кажется, лягушек, в принципе баклуши била”. Раз в год ей надо было сдавать “тему”. Она садилась, начинала что-то выписывать из русских книг и несла на работу. Раньше, побрив ноги, она тут же выбрасывала бритву. Сейчас раз десять использует ее и даже после этого не выбрасывает, моет, складывает в коробку, а потом продает по дешевке... соседи берут... Из Наниного окна крыс не видно, оказывается, соседи договорились – дом-то

всего трехэтажный – выбрасывать мусор как можно дальше, чтобы отвести крыс от дома. Мы уже были вместе – Нана, как обычно, снизу, хоть я и упрашивал ее поменяться местами, я страховался, но тахта была твердой, как пол в нашем классе, – и вдруг с полки упала коробка из-под обуви, на нас посыпались бритвы. Подушка, кушетка, Нанины волосы – все было в бритвах. Но мы не прервались, напротив, еще более возбудились, не знаю почему... Мы ерзали на бритвах, я чуть поранил колено. Удивительное было чувство и длилось долго... Как у Наны, не знаю. Потом стянули с кушетки покрывало, встряхнули его, и когда весь пол покрылся бритвами, начали бегать по ним и танцевать, думаю, неплохой у нас получился танец. Но потом Нана села на кушетку и смолкла... заплакала... Затем взяла тарелку, покрытую обрывком газеты, и покормила меня вареным яйцом с хлебом, редиской и горчицей.

На другой день все мы снова собрались в школе, дома было холодно... Нана обнималась с Никой, Тамрико сидела скрючившись от боли в животе, и тихо материлась. Она поругалась с матерью и даже ударила ее. Потом врезала и младшей сестре, ей всего шесть, и целую неделю она канючила, чтобы ее повели на президентскую ёлку. Мать целый месяц, оказывается, вешала ей лапшу на уши, если, мол, будешь умницей – поведу на президентскую ёлку. А теперь ее подружка, соседская девчонка собиралась на эту ёлку, ей даже специально сшили новогоднее платье, и сестричка Тамрико выла с утра до вечера. А еще искромсала ножницами платье подружки. Начался скандал. Соседи перебили все в квартире, а Тамрико разбила все, что уцелело после них, потом набросилась на мать, почему обманывала ребенка, потом налетела на ребенка и надавала ему тумаков...

Явилась Нино с видом победителя, достала коньяк, включила магнитофон, Тамрико выпила... Ото не появлялся...

Мне п л о х о. Я уже говорил, что стою на перепутье. Эти пути исходят от меня, как лучи от солнца. Три пути, и все три расходятся в разные стороны, как веер, как хвост павлина. Глупость какая, причем тут солнце и хвост... Я должен принять решение. И очень скоро. Так больше не может продолжаться. Эти три пути исключают друг друга, но мне они нужны, все одновременно, впрочем, об этом ниже.

У меня новость. Замечаю, что перестаю ненавидеть грязь. По-моему, я мудрею. Кабы не эта грязь во всем своем спектре, как бы я познал себя?! Свой народ?! Свою Родину?! Слава правительству, если оно существует за то, что не убирают мусор. Слава курдам за то, что больше не подметают улиц! Я всегда любил курдов, даже хотел создать их апологию шестнадцатисложным стихом, потому что они содержали город в чистоте. Сейчас же я хочу воспеть их за то, что они больше не делают этого. Кабы не эта грязь снаружи, как бы увидел я столько дерьма внутри! Сколько времени на это мне понадобилось бы! Сейчас только взглянешь и уже знаешь: грязь, грязь грязи, все грязь! Я создам апологию грязи, апологию крыс шестнадцатисложным стихом. Слава! Ау! Ау! Аууу!

– Значит, у тебя судороги? – спрашивает меня одиннадцатый этаж.

Они любят выскрести ложками сердцевину разрезанного пополам арбуза, а потом выбрасывать обе половинки из окна. – Нет, спазмы, – цедю я сквозь зубы, окидывая взглядом представительного осла с одиннадцатого этажа.

– Спазмы по-грузински – судороги. Значит...

– Я категорически требую относиться ко мне по-негрузински. “Судорога” это что-то очень гадкое. Что это за сочетание такое “сдр” или “дрг”? Уже от самого слова сводит судорога. Сразу приходят на ум всякие дурацкие слова: на “вп”... “ср”... “дрч”, “г”... При одном их упоминании погано и колюче на душе. Или что это за выражение – “чтобы ты себе шею сломал”! У меня и так она сломана! Свернули, как петуху, и, может быть, это по вашей милости, доктор, пакет с протухшей едой угодил мне в основание черепа? Вот “спазма” или “спазм” – слово более мягкое, гладкое, скользкое, сразу же приходит на ум “сперма”, “хвала”. Вот возьму и напишу “Хвалу Спазму” или “Хвалу Оргазму”. Напишу хвалу курдам, правительству, национальным блюдам, воспою их шестнадцатисложным шаири, высоким и низким, как учила моя мать, и должен вам заметить, доктор, я обожаю свои спазмы, я уважаю их, они свидетельствуют о том, что я еще жив! Спазмирую – значит существую! Значит, не одерьмел до конца... Не опоганился... Я решил расстрелять ваши окна, и если в этот момент вы высунетесь из них, я буду счастлив. Я буду стоять внизу на запорошенном снегом строительно-блочном постаменте с оружием в руках, но к вам, в вашу кишащую крысами клинику, ни за что не обращусь, сколько бы моя мать не умоляла вас о помощи. Я скорее уверую в Бога, чем в то, что вы вылечили хотя бы одного пациента в вашей дурацкой жизни. Хочу утешить вас и уведомить, что, возможно, я покончу с собой.

И тут наш доктор тихим, умиротворяющим голосом, сделав небольшое вступление непонятно о чем, посоветовал мне “в это тяжкое, ужасное время, когда мы все – в мрачном тупике”, подойти к делу с практической точки

зрения и, если уж я решил свести счеты с жизнью, позаботиться о тех, “кто обречен, но хочет жить”, “обеспечить старость матери” и постараться продать свои органы. Он, оказывается, может помочь мне в этом деле... “Предварительный контракт”... “Счет в банке”... “Благородное самопожертвование”... Спазма не было. Следовало оценить его прямоту и практичность. И что в том удивительного – потенциальная жертва хотела превратить потенциального убийцу в самоубийцу, притом не в обычного банального самоубийцу, но в благородную личность, жертвующую свои органы на благо человечества. Тем более, что этот представительный осел с одиннадцатого этажа, доктор Как-его-там не только избежал бы возможных залпов по своим окнам, но и загреб бы кучу бабок. Однако вся соль была в том, что он вдохновил меня на новую идею, вернее, новую метафору, символ.

Теперь о перепутье. Стало быть, предо мной три пути. Хочется идти по всем трем, сразу. Но это невозможно. Третий путь – путь спасения, самый трудный. О нем ниже. О первом вы уже знаете: хочу встать на строительно-блочный постамент и расстрелять окна всех шестнадцати этажей. Лучше всего для этого – автомат. Но я должен удовлетвориться тем, что получил в наследство – отцовским охотничьим ружьем. И о втором пути вы знаете – хочу покончить с собой. На первый взгляд, ничего не стоит объединить первый и второй пути, т.е. сперва расстрелять все окна и последнюю пулю – себе в висок, нет – в рот, там же, на запорошенном снегом постаменте. Но на самом деле это невозможно. Суть, смысл, соль первого пути заключается в том, что я должен наслаждаться содеянным на протяжении всей оставшейся жизни, если, конечно, меня не расстреляют

в какой-нибудь вонючей камере, впрочем, смертная казнь, кажется, уже отменена в нашем гуманном государстве. Тем лучше, значит, смогу жить воспоминанием этой картины, этого яркого видения – как разлетались вдребезги стеклянные глазища шестнадцатэтажного чудища.

Третий путь – путь спасения: я хочу стать мусорщиком. Взять в руки большую метлу, надеть пестрое платье курдянки – плиссированный фестиваль – шлепанцы на босу ногу, каску пожарника – на голову и начать мести. С раннего утра до позднего вечера. Меня будут обливать помоями, забрасывать объедками, пучками волос, кровяными тампонами, арбузными корками, плевать, блевать на меня, а я, не поднимая головы, не произнося ни звука, буду мести, мести, мести наши и чужие окрестности, соберу весь мусор, подожду его, разожду костры, будет вода – вымою бункеры и гнилую землю перед ними. И я знаю, в конце концов они набросятся на меня с воплями, криками, клетотом, проклятиями – “гомосексуалист!”, “педераст!” – потому что на мне ведь будет платье, плиссированный фестиваль курдянки, потому что я не успел написать “Хвалу” курдам низко-высоким шаири. Они схватят меня, – поволокут на площадь Свободы вместе с моей метлой и сожгут меня, “безответного павлина”, старательно убиравшего и сжигавшего их отбросы. Да и платье я напялю ради этого грандиозного эксперимента, чтобы доказать, что эти люди не могут расстаться со своей грязью, они не выносят чистоты.

Ко мне заявила Нана – ей не хотелось идти в школу. Я не ждал ее. Она принесла с собой вареную картошку, масла у меня не было, так и съели, без масла. Свет отключили, вода не шла. Нана не сняла пальто. Я вы-

тащил из-под кушетки мамин чемодан, выгреб оттуда порно-журналы, сам не знаю почему. Наверное, хотел развлечь ее. Она рассматривала их без всякого интереса. Потом спросила, почему мне нравится именно эта поза – женщина сверху. Мне не хотелось говорить правду, но потом все же сказал: эта поза практически не дает шанса забеременеть, я вычитал где-то. Она, взглянув на меня, ничего не ответила. Я спросил: “А почему ты не любишь этой позы?” Ей тоже не хотелось отвечать. Потом сказала: “Пол такой твердый, а ты такой худой”. Она и сама худая. Дали свет, я тут же включил плитку, стало тепло. Журналы валялись на полу. Мы разделись, начали бегать по ним, прыгать, но танец не получился. В окно заглянуло солнце, совсем потеплело. Я посадил ее на колени, обхватил руками ее голый живот, она положила свои руки на мои. Мы легли, и в это время раздался отвратительный визг. Мы вскочили, подошли к окну. “Смотри, крысы визжат”, – сказал я. Она прильнула лбом к стеклу, я прижался к ней сзади, приник щекой к ее щеке, обхватил руками живот... А внизу, среди мусора, в углублениях провалившегося асфальта, визжа, бесновались крысы. “Наши крысы, – шептал я ей, – играют свадьбу”. “Свадьбу зимой?” – спросила она как-то нервно. “Почему бы и нет? Не будут же они дожидаться осени, когда соберут урожай, выжмут виноградный сок?” “Глупости, просто что-то на них нашло”. Крысиный визг не смолкал. Я очень возбудился. Подвел ее к кровати, не убирая рук с ее живота. Оргазм пришел быстро, неистовый, продолжительный. Но на Нану крысиный визг произвел обратное впечатление. Она ничего не почувствовала. Потом разрыдалась... Я целовал ее живот, медленно спускаясь все ниже, но она прижала мою голову к животу, потом встала... Когда она

ушла, у меня случился спазм, в почке. Это из-за меня, я заметил, почка реагирует именно на меня. Не знаю почему, но я чувствовал отвращение к себе.

Мы вшестером начали собирать деньги на Нанын аборт. Нино опять сперла коньяк в магазине и продала. Ото тоже что-то стянул в казино у своего дяди, кажется, серебряную пепельницу. Я продал дедушкин компас, отцовские часы и материнскую икону Богоматери. Едва хватило, они требовали много денег, беременность, мол, четырехмесячная, и они рискуют. Кроме нас, мол, за это никто не возьмется. Я хотел было продать ружье, – тогда уж денег наверняка хватило бы, но для этого требовалось время, не мог же я его потащить на базар для продажи?.. А время не ждало, к тому же, как насчет первого и второго пути?

– А ты чего больше всех стараешься? Ты ведь страховался?

– Все ерунда, ничто не имеет смысла, а раз так, может быть родишь? – спросил я.

– А как же отец? – растерянно спросила она.

– Какое это имеет значение? Все будем отцами и матерями. Я буду... Какое это имеет значение. Отец... если хочешь... мне все равно (А ведь речь о ребенке! Подумать только, кому он нужен...).

Нику замели. Его друзья-соседи украли старые покрышки из соседского подвала. Ника просто дал им наводку – они нуждались в деньгах. Потом оставил ворованное на час у себя в квартире... И Нику арестовали. Дружков выпустили – они в один голос заявили, что Ника подстрекнул их к воровству. Их хорошенечко избили и отпустили... А Ника получил страшный удар в живот.

Ника болеет. Ото хлопочет, пытается помочь ему...

Tea то с Нино, то в милиции у Ники...

Мы в роддоме. Нана не отпускает мою руку. Деньги взяли заранее. “Скажи, чтобы болеутоляющего не жалели... побольше болеутоляющего...” – просит меня Нана. Вхожу, как робот, говорю молодому лысому врачу – обязательно сделайте болеутоляющее. Это злит его, в дверях слышу, как он говорит старой врачихе: “Трахнул, а теперь лезет с претензиями”...

С утра у меня три раза были спазмы. Боюсь, как бы снова не начались... Вообще боюсь, рта не открываю. Хотел еще раз сказать ей: “какое это имеет значение, давай, уйдем”... Но не сказал. Она не отпускает мою руку, ее трясет. Наконец, завели. И тут же спазм, в почке! Я больное дерьмо.

Время идет. Или не идет. В уме пишу завещание, поскольку сделал выбор: объединил два пути, все-таки объединил, черт с ним, с этим наслаждением расстрелянными окнами! Сперва расстреляю, потом дуло в рот. И вот мое завещание: селезенку я оставляю президенту, он съест ее и выздоровеет. Легкие – архиепископу или как там его, главе церкви – пусть сожгут их на жертвенном камне при закладке фундамента очередной новой церкви, сожгут и вдыхают священный дым... Почки – первому поэту нашей страны! Бесплатно, безвозмездно... пусть разрежет их на кусочки и сожжет – разведет огонь в честь муз. Можно и попробовать... Фу!

– Закончили, – в коридор вышел лысый. На халате у него кровь. – Трудный случай, но все обошлось, часа три пусть полежит здесь, в соседней палате, затем заберешь на машине домой.

Нана спит. В палате мы одни. Четыре голые никелированные кровати, на каждой – по окровавленному,

с мочевыми разводами, вонючему матрацу, свернутому трубой. Нана лежит на точно таком же, узкая мятая простыня не скрывает грязных пятен. Я беру ее руку в свою... теплая... По палате снуют мыши. На стенах, на ножках кровати – тараканы. Даже подбираются к Наниной голове. Нахожу какую-то газету, складываю, начинаю сметать их с кровати... давить... Вечереет... Вокруг тишина... Выхожу из палаты, беру завалившийся в углу веник и выметаю из-под кровати тараканов... Через некоторое время они появляются снова. Нана все еще спит; может, так и нужно? Совсем стемнело... Нащупываю в кармане зажигалку... Зажигаю, всматриваюсь в ее лицо, дышит, но в сознание не приходила. Хочу разбудить, не знаю, можно ли. Встряхиваю брюки, джемпер, белье Наны, перевешенные через изголовье кровати. Один таракан падает на пол. Сворачиваю все и сую в Нанину сумку. Сумку вешаю на стену. Я бужу ее, массирую мочки ушей, хлопаю по щекам, трясую... Она открывает глаза, смотрит на меня бессмысленным взглядом. Не может очнуться. Снова закрывает глаза, и я снова бужу ее. На этот раз приходит в себя... “Тебе больно?” – спрашиваю. – “Нет”. – “Было больно?” – “Нет, я ничего не почувствовала, отключилась... было так хорошо... под наркозом, как...” – “Как ты себя чувствуешь?” – “Плохо”. – “Что болит?” – “Ничего... порхаю в пустоте. И полна пустотой... Мне страшно”.

Стемнело. Света нет. Холодно.

“Ляг рядом со мной. Мне страшно. Холодно” – берет меня за руку.

“Нет, сейчас нельзя”. – “Можно, иди ко мне”. – “Нет, не думаю, нельзя”. – “Мне страшно. Хочу отключиться, или пусть дадут наркоз... Иди ко мне...”. – Она плачет. Я лег рядом. Мы занялись любовью, я боюсь, стараюсь

быть осторожным...

Мы лежим, обнявшись. Чувствую, мокнут ноги. Встаю. Чиркаю зажигалкой. Кровь. Даже простыня в крови. Одеваюсь. Надо найти дежурного врача. Вновь чиркаю зажигалкой, лицо Наны спокойно, она закрывает глаза, снова засыпает. Хочу оставить ей зажигалку, но она падает из ее руки. Похоже, снова отключилась. Лицо ее очень спокойно, неестественно спокойно. Выхожу из палаты... Шарю руками. Куда идти? Где я? Знаю лишь, что вышел из палаты, но куда – в коридор? Это днем он был коридором. Длинным-предлинным с дверьми по обе стороны, деревянными или стеклянными. А сейчас вокруг мрак, и ничего больше. Где он начинается, где кончается? Чиркаю зажигалкой, маленькое пламя ослепляет меня, я протягиваю руку вперед – освещается пол перед ногами. Вытянув руки, иду вдоль стены. Двери... одни открыты, другие закрыты. Кричу, во все двери стучусь. Все громче и громче. Никого... Нигде никого. Впереди появляется бледный свет. Я догадываюсь – конец коридора... Появляется очертание окна. Луна! Самой луны не видно, но ее бледный свет проникает в окно. Выглядываю наружу... Сплошной мрак, ничего не видно. Лишь лунный свет пробивается сквозь облака... Куда идти? Я пошел обратно по другой стороне коридора. Опять двери... двери. Свернул куда-то, лестничная площадка, поднимаюсь вверх. Вроде бы на второй этаж. Поднялся, с лестничной площадки – снова в коридор. Луна уже не светит. Снова двери: открытые, прикрытые, запертые. Я открываю все закрытые двери, стучусь во все запертые. Запах туалета... знакомая вонь. Я задел ведро, под ногами что-то мокрое, вонючее. Обрадовался, если это мусор, если это свежие нечистоты – значит где-то рядом живые грузины...

Вспомнил, на последнем, если не ошибаюсь, четвертом этаже живут беженцы... женщины, дети... Я заметил их во время операции, когда ждал снаружи, – несколько женщин и детей... Я снова на лестнице, поднимаюсь... уткнулся в стену. Все, по-видимому, это последний этаж. Не нахожу выхода, кругом глухие стены, рука нащупала деревянную дверь, железный замок на ней. Чердак, наверно, щелкаю зажигалкой, она еле светит, я ищу выхода, но его нет. Снова спускаюсь вниз, на один лестничный пролет. Снова какая-то площадка, ищу дверь, выхожу, должно быть, в коридор, иду вдоль стены. Снова двери. Я кричу: “Эй, кто-нибудь! Отзовитесь! Ответьте!” Тишина. Куда-то свернул, опять лестничная площадка, спускаюсь, но чувствую, этим путем на первый этаж не попаду. Лестница ведет куда-то в середину здания... Чувствую, что удаляюсь от Наньиной палаты.

Вдруг с ужасом представляю, что тараканы заползли на ее кровать, покрыли всю постель, искусали ей руки, уши, губы. Впрочем, не знаю, может, они и не кусаются. Но мыши? Они ведь точно могут запрыгнуть на кровать... Я ору во все горло: – Люди! Людииии! Доктооор! Дежурныйый!–... Тишина. Мрак. И тут мне ударяет в голову – я ослеп и ничего не вижу... Я оглох, потому что, потому что... правда, больницы в городе пустуют, больные не ложатся в больницы, так как там холодно, нет света и очень грязно, ни у кого нет денег на лечение, это я знаю... Знаю и то, что сегодня пятница, и все уходят раньше – и врачи, и больные, если таковые здесь вообще существуют. Но беженцы? У них ведь нет дома, куда они могут уйти?! А может быть, их нет здесь... Может быть, мне показалось... Нет, что больницы пусты, это правда, и что сегодня пятница – тоже, но ведь не может быть, не может

быть, чтобы все врачи, даже дежурный, покинули больницу, если в ней есть хоть один больной, этого не может быть, значит, я ослеп... значит, я оглох. Тру глаза, открываю их, ничего не вижу... Но ведь слышу звук своих шагов. А может быть, не слышу... Может быть, мне кажется это...

Где-то должен быть коридор, не знаю где, на каком этаже. Я вновь зацепил ногой какое-то ведро, раздался страшный шум, затем – какую-то доску и еще что-то твердое и тяжелое, что-то такое, что затвердевает после смерти. Может, это дохлая кошка или мертвый младенец... Не знаю... Я расшиб губу, во рту вкус крови. Опускаюсь на колени и слышу собственный рев: “Боже-eee! НЕНАВИЖУ”. Ору так, что в каждом органе начинается спазм. Ненавижу тебя, Боже, потому что понял, ты существуешь! Су-ще-ству-ешь! И дожидаться своего часа! Поэтому я ненавижу тебя! Ты существу-уешь! Все, кто молит тебя о чем-то, клянчит у тебя что-то, заверяет тебя в своей любви! А я говорю тебе – ненавижу! И молю тебя – не мне, не мне – Нане помоги! Боже-е! Клянусь! Обещаю! Даю слово, что пойду третьим путем – самым трудным, завтра же, с наступлением субботнего утра! Когда нельзя работать! Я начну мести, убирать мусор и не буду наряжаться в платье курдянки. Тихо-тихо, не поднимая головы, буду мести и чистить бункеры, дворы, задворки, а потом сожгу весь мусор! Молю-юю! Молюю-ю, молю-ююю тебя!”

Я потерял сознание, хотя спазм не прошел. Первое, что я почувствовал, очнувшись, – вкус крови во рту. Рукой вытер кровь и пену с губ. Сунул руку в карман, зажигалки не было. Я встал, иду дальше. Слезы катятся из глаз, и я слепну окончательно. Опять что-то зацепил ногой и опять взревел: – Де-жур-ный! – я уже не в силах

9 611367 201
7 02020001033

остановиться... — Де-жур-ный!

— Чего орешь! — услышал я чей-то крик. — Чего орешь!

Вижу где-то вдали мерцает свет, он становится все ярче и ярче: — Чего разорался! Не знаешь, где находишься!! — Фонарь и белый халат приблизились ко мне, — Оставил там жену одну! И болтаешься здесь! Что тебе здесь нужно?! Ты думаешь, ты один? Кроме вас и другие есть в этом аду, в этой проклятой больнице! Мне что, на части разорваться! Идем со мной! Сюда! Сюда! Мы на втором этаже... Спускаемся на первый...

Перевод Вл. КИКИЛАШВИЛИ

Лина ХИХАДЗЕ

МЕТАФИЗИКА ГИБЕЛЬНОГО ПОЛЕТА

(“Демон” Лермонтова и “Мерани” Бараташвили)

“Гений, прикованный к чиновничьему столу, должен или умереть или сойти с ума”, – писал Лермонтов, непостижимым образом предсказывая трагическую жизнь и смерть неведомого ему юноши, гениального грузинского поэта.

Таинственную связь с Лермонтовым Николоз Бараташвили чувствовал постоянно, позже она открылась и читателям и исследователям.

Едва появились в журнале “Цискари” первые публикации стихотворений Н.Бараташвили, в критических отзывах на них прозвучало имя Лермонтова. Впоследствии стало ясно, что формы соприкосновения этих двух мощных лирических миров, общность типов художественного мышления находят объяснение в пределах типологического ряда. Обращает на себя внимание самый характер цитирования Лермонтова в письмах Бараташвили, глубоко внутренние импульсы обращения к нему. Почти без удивления обнаружили мы такой факт: в письме к другу, Захарии Орбелиани (15 апр. 1844), размышляя над его (и своим) душевным кризисом, Н.Бараташвили пишет почти слово в слово то, что писал Белинский о Печорине, объясняя кризисное состояние “переходного периода”, переживаемого этим

лермонтовским героем.

У Бараташвили: “Душа твоя ищет пищи новой, дух твой стремится к большей деятельности, к сценам, более сильным, более патетическим, и пока он достигнет своего назначения, ему скучно, грустно”.

У Белинского: “Дух его созрел для новых чувств и новых дум, сердце требует новой привязанности, действительность – вот сущность и характер всего этого нового. Он готов для него, но судьба еще не дает ему новых опытов... Отсюда это безверие в действительность чувства и мысли, это охлаждение к жизни...”

Интересно, что совпадает не только смысл, но и то, что можно назвать тональностью мысли. А главное, конечно, в том, что сложно соприкасающиеся, устойчивые темы, образы, мотивы дают основания для сопоставлений этих двух поэтических миров. Таковы всепроникающие образы одиночества: например, “Одинокая душа” Н.Бараташвили и лермонтовский “дубовый листок”, который “оторвался от ветки родимой” – эмблема предельного одиночества и неприютности. Таковы многократно варьируемые образы странничества и изгнанничества и устойчивая тема памяти о небесной родине (“Синий цвет” Н.Бараташвили, а у Лермонтова “Ангел” или небесное странничество Демона, томящегося потусторонней, “нездешней” любовью к земле и т.п.).

Есть основания для проведения аналогий в стилевом ключе, в исповедальной тональности, в характере лирических медитаций и инвектив. Близки друг другу сложные миры их несовместимостей, пророческих постижений, близко и сочетание мужества и нежности, свойственное им, нежная сила их лирического самовыражения. Сложно соприкасаются Бараташвили и

Лермонтов и в провиденциальных мотивах, в постоянной и очень значимой для них теме спора с судьбой.

Главное творение Н. Бараташвили “Мерани” издавна сравнивали с “Чайльд Гарольдом” Байрона, с “Фарисом” Адама Мицкевича, с “Пьяным кораблем” Артюра Рембо, с “Вороном” Эдгара По и, почти вскользь, с лермонтовским “Демоном”: бегло отмечался мотив полета, репрезентативный как в “Демоне”, так и в “Мерани”. “Демон” Лермонтова и “Мерани” Бараташвили – произведения, в связи с которыми с одинаковой силой возникает проблема авторского образа, проблема раскрытия авторского самосознания. Это – символы большой глубины, на универсальном, вселенском языке выразившие *знание* о трагизме человеческого бытия, а в читательском представлении соединившиеся с двумя юношескими жизнями, посмертно ушедшими в легенду.

В художественном мире Лермонтова Демон и Мцыри – разные облики одной личности, представленные в синхронном разрезе. Они полярно противоположны и в то же время существуют во внутреннем тяготении друг к другу, они неразрывно сопряжены. Взаимодействие этих характеров образует как бы парадигму отношений, проходящих через все творчество поэта и имеющих непосредственное отношение к миру его души.

“Мерани” – также лирический высказываемый мир автора. Об этом писал И. Чавчавадзе, который первым с полной справедливостью сформулировал смысл “Мерани” и указал на “душевный порыв” как на движущую силу саморазвития художественной мысли в этом стихотворении: “Бараташвили хочет расторгнуть оковы судьбы, развязать “мрачный рой томящих дум” и осилить беспредельное пространство земли и неба. Байрон избрал Люцифера для Каина, Гёте – Мефистофеля для

Фауста, а наш поэт – Мерани, то есть свой душевный порыв.

Безостановочный, вечный полет и Демона, и Мерани – отнюдь не романтическая идея “вечного движения”, позднее обозначенная поборниками реализма как идея “дурной бесконечности”. И в поэме Лермонтова, и в стихотворении Бараташвили мотив полета имеет очень личный смысл, художественно сопряженный более всего с категориями пространственно-временных планов.

В обоих произведениях – ощущение Вечности прожитой (и пережитой) изнутри, оба лирических героя – скитальцы в вечности, у обоих (подаренное им авторами) – предельно острое переживание единства с большим космосом и, одновременно, его враждебности, вызывающей у обоих чувство, которое Лермонтов назвал “пророческой тоской”. На этом совпадения кончаются, все остальное – другое.

Демон – узник запредельного одиночества, пленник замкнутого круга пространства и времени. Мотив бессмертия с первых же строк поэмы переплетается с глубокой тоской могучего духа, томимого этим бесконечным и бесцельным потоком времени: “Печальный Демон, дух изгнания / Летал над грешною землей, / И лучших дней воспоминанья / Пред ним теснились толпой /”. Он поражен мучительным, клаустрофобическим (говоря языком смертных) переживанием этой замкнутости, заточенности в круге своего “бессменного” одиночества (“Какое горькое томленье всю жизнь, века, без разделенья и наслаждаться, и страдать...”, “Моя ж печаль бессменно тут, и ей конца, как мне, не будет...”). Бремя этой катастрофической закрытости не облегчается, а безмерно отягощается воспоминанием о “потерянном рае”. Выйдя на мгновенье за пределы проклятого круга и

приблизясь к “живой жизни”, Демон способен только погубить ее, как погубил Тамару, любя ее. В одинокой монотонности своего безрадостного, надменного полета он обречен “сеять зло”, очевидно, против своей воли, как мировую необходимость. Гибель Тамары и окончательное поражение Демона – не случайность, а Судьба. Лермонтов пытался “переиграть” судьбу, когда в поэме о пленном юноше захотел развить постоянный для своего творчества мотив одиночества и свободы, но – с другого конца. Можно, быть может, сказать так: в “Мцыри” Лермонтов пожелал воспроизвести пригрезившийся ему в счастливом поэтическом сне путь выхода из круга ледяного холода вечного одиночества, положив предел демонической самодовлеющей свободе (“Жить для себя, скучать собой...”). Но и Мцыри не дано вырваться из своего заточения. Три “блаженных дня” поисков пути к родине оказываются тремя днями круженья по замкнутому кругу и завершаются возвращением беглеца к своей тюрьме, к монастырским стенам (“Тот край, казалось, мне знаком, и страшно было мне, Понять не мог я долго, что опять вернулся я к тюрьме моей, Что бесполезно столько дней я тайный замысел ласкал”). Круг замкнулся, сюжетная характеристика внятно говорит все о том же, отражает тот же автопсихологический момент: “душу странника, в мире безродного” и “бессменную” тяжбу с Богом, с миром, с судьбой самого Лермонтова.

“Мерани” также овеян тайным и горьким дыханьем одиночества. Лирический герой его, как и его автор, тоже мучительно переживает состояние “сиротства” души (“Одинокая душа”, “Я храм нашел в песках”). Так же, как и в “Демоне”, одиночество обретает в “Мерани” “надзвездный” (Я звездам неба в подданство впишусь”), высший, метафизический смысл без коррелят в мире

конкретном, материальном. Как полет Демона, полет Мерани неостановимое и потому невероятно печальное движение к чему-то неостановимому, неуловимому. Но в целом – в этом произведении других ориентиров душевная позиция, иной – мироприемлющий – пафос, иной итог отношений с Судьбой. Если постоянный лермонтовский мотив отверженности, в “Демоне” обретающий вселенские масштабы, воспринимается в контексте трагического последекабристского поколения, его “печальной думы” и духовного одиночества, то отсутствие отрицающего эгоцентрического сознания у героя лирики Бараташвили тоже отчасти обусловлено сверхличными причинами: самоизоляция никогда не утверждалась в его творчестве как позиция, она принципиально *не могла быть позицией* грузинского романтизма, представляющего от имени народа, нации (“Монологом нации” назвал “Мерани” Н.Март).

В этом смысле очень выразительна и творческая история “Мерани”: импульс к написанию, совершенно лишенный эгоцентрических стимулов, был подсказан переживанием беды не своей, а другого человека (пленением любимого дяди, Ильи Орбелиани). Налицествует даже такое, совершенно свободное от эгоцентризма душевное движение, как перевоплощение, вчувствование в этого другого: “...Вот что поэт думает за Илико: “Стрелой несется конь мечты моей”... Не знаю, как тебе понравятся эти стихи... Все это говорит Илья в плену, а не я... Весть о пленении его очень меня опечалила, так что три дня я был словно в дурмане... Наконец, на третий день я написал это стихотворение, и оно как будто принесло мне облегчение” (Письмо Григолу Орбелиани, 1842, 2 мая). Все сказанное, конечно, не мешает “Мерани” оставаться шедевром творческого самораскрытия.

Мерани в стремительном своем полете, как и Демон, борется с судьбой, но в единоборстве этом одерживает победу. “Душевный порыв” (И. Чавчавадзе), дух, исполненный тоски, блаженства, самопожертвования, трудно-постигаемого (надо быть существом *этого* уровня, чтобы вполне понять это), мучительно-радостного самоотречения, какой-то лирической самозабвенности, безоглядной, жертвенной устремленности вперед, этот дух, царящий в стихотворении, создает особую организацию пространственно-временной перспективы.

Я слаб, но я не раб судьбы своей,
Я с ней борюсь и замысел таю свой.
Вперед, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей.

Магия интонации подчеркивает трагическую загадку внутри строфы: “Я слаб, но я не раб судьбы своей...”

Это “тайная тема” всей поэзии и жизни автора, послушного “таинственному голосу” (“Таинственный голос”), смутному зову, предчувствию или велению. Отсюда нити к “Мерани”, к неистовому бегу коня, к трагическому видению всадника на нем, к стихотворению, в котором холоду космического запредельного одиночества противостоит то, что коротко можно обозначить, как *чувство своего пути*. Преграды и стены рушатся, возникает ощущение далей и путей, которые просматриваются за пределами закрытого пространства. Всадник на летящем коне преодолевает безысходность замкнутого настоящего, безысходность замкнутого в себе земного времени и приобщается к вечным силам мировой жизни – силам дружественным и целительным. Координаты лирического пространства и времени бесконечно расширяются за счет включения далекого будущего, в котором его уже не будет, но в котором и он как-то будет участвовать.

Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату

Пройти за мной когда-нибудь вперед...

Демон – трагический, вечный пленник замкнутого пространства и времени. Присутствие в его сознании мучающей памяти об ином, райском времени, как отдаленный призыв другого мира, способно лишь усугубить его страданье, заставляя болезненно ощущать свое дальнейшее существование как *изгнание*. В стихотворении “Мерани” содержатся, наоборот, неоднозначные указания на отсутствие пространственных и временных пределов.

“...Несись, мой конь, не ведая преград...”

Бешеная скачка Мерани – не что иное, как высокий побег за пределы пространства и времени, стремление преодолеть локальную ограниченность земного бытия. Беспрецедентное мужество, великое самоотречение выводят всадника на летящем коне за пределы всех замкнутостей в беспредельность Преодоления. Образ пути, вообще органический для поэзии Бараташвили, – не фатально безостановочное движение, как в “Демоне”. Его можно воспринимать как выход (хотя и посмертный) из герметики одиночества к тем, кому он адресует свой горько-радостный почин:

Пусть я умру, порыв не пропадет...

Это – освобождение пленного духа, отважный порыв из времени в вечность, во вневременное бытие. И это – тот “душевный порыв”, та сокровенная, сакральная сила, на которой держится великое стихотворение.

ДОСТОЕВСКИЙ В ГРУЗИИ

(20-е годы XX столетия)

Интерес к личности и творчеству Достоевского возник в Грузии еще в 60-е годы XIX столетия. Заинтересованный грузинский читатель знакомится с его произведениями в оригинале. Можно предположить, что грузинская молодежь, получавшая образование в Петербурге, присутствовала на литературных чтениях, в которых часто принимал участие и Достоевский. Безусловно, великий русский писатель не мог не произвести впечатления на грузинскую молодежь. Но авторская манера чтения Достоевского не всегда была приемлемой для слушателей. Об этом свидетельствует письмо Дмитрия Кипиани к супруге, датированное 10-м ноября 1860 года. Д.Кипиани пишет: “Позавчера присутствовал на литературном чтении. Выступали: Бенедиктов – замечательно, наш Полонский, который ныне пребывает тут, замечательный поэт, – хорошо, Майков – замечательно, Достоевский и Писемский – посредственно, а Шевченко, малороссийский поэт и художник, – восхитительно. Зал был переполнен”.

Следует отметить и тот факт, что известный грузинский общественный деятель, журналист и основатель первого грузинского детского журнала “Нобати”, Андрей Гуладзе, 4 марта 1877 года из Кутаиси послал Достоевскому письмо, в котором он писал: “Милостивый государь Федор Михайлович! Признавая верным мерилom общественной жизни издаваемые Вами записки “Дневник

писателя”, живо передающим воспринятые из оной впечатления, имею честь просить Вас пересылать и мне эти записки, как полезное для всякого и в особенности для подрастающей молодежи, не имеющей возможности иметь более обширнейший журнал, в силу его дороговизны. Почитатель Ваш Ан.Гуладзе”. (Это письмо было обнаружено С.Лекишвили в личном архиве Достоевского в Петербурге в Пушкинском Доме). К письму прилагалась годовичная стоимость журнала. Только по приписке к письму – “Почитатель Ваш” – можно предположить, что Ан.Гуладзе, кроме “Дневника писателя”, был знаком и с другими произведениями Достоевского и преклонялся перед его талантом.

Интерес к Достоевскому грузинских литераторов 60-х годов XIX века безусловен, но следует отметить, что, в отличие от остальных русских классиков (Пушкин, Лермонтов и др.), которых еще при их жизни переводили в Грузии, творческое освоение Достоевского произошло значительно позже. Переводы и литературное осмысление писателя началось только в начале XX века.

“Преступление и наказание” Достоевского – первое произведение, которое было переведено на грузинский язык. Перевод, принадлежавший Ин. Ан-у (Ив.Ахалшенавили), публиковался в журнале “Моамбе” в течение всего 1905 года.

Художественная ценность данного перевода не удовлетворяет сегодняшним требованиям, но в свое время он позволил грузинскому читателю ознакомиться с одним из великих творений Достоевского на родном языке. Поэтому перевод Ив.Ахалшенавили интересен и значителен как литературный факт.

В 1901 году в нескольких номерах (№№ 31-32) журнала “Квали” были опубликованы статьи Ив.Гомар-

тели “Главные моменты русской поэзии XIX века”, в которых грузинский литературовед обозревал и творчество Достоевского.

Статья Ив.Гомартели свидетельствует о том, что грузинский литератор хорошо знал не только творчество, но и обстоятельства личной жизни писателя. Многие положения статьи могут показаться спорными, но она имеет большую ценность и значимость, так как является первой попыткой грузинской литературной критики осмысления творчества великого русского писателя.

Данной статьей завершается начальный этап восприятия творчества Достоевского в Грузии, интерес к которому с новой силой вспыхивает в 20-х годах XX столетия.

Особый вклад в освоение творческого наследия Достоевского внесли грузинские поэты-голубороговцы.

Анализируя грузинскую литературную прессу того времени, можно убедиться в том, что ни один факт, связанный с именем гениального русского писателя, не остается без внимания.

Как известно, в декабре 1921 года весь мир праздновал 100-летие со дня рождения Достоевского. В Тбилиси эту дату отметили в начале 1922 года. Совет Союза писателей Грузии провел вечер, на котором с докладами выступили Григол Робакидзе – “Ницше и Достоевский”, Тициан Табидзе – “Легенда о Великом Инквизиторе” и др.

Союз русских писателей Грузии в начале февраля провел “интимный вечер”, на котором выступили Сергей Рафалович, Луарсаб Андроникашвили и Григол Робакидзе.

Следует отметить, что именно в этот период в тбилисских газетах появляется сообщение о том, что утерянные рукописи Достоевского обнаружены в Грузии. Пере-

говоры с представителями РСФСР по поводу этих рукописей проводил поэт-голубороговец Колау Надирадзе, а в парижской газете “Последние новости” (1922, 16, X) была напечатана статья Николо Мицишвили о рукописях, обнаруженных в Грузии.

Номер газеты “Барикади” от 1 февраля 1922 года (редактор – Тициан Табидзе) посвящается Достоевскому. Авторами номера являются Тициан Табидзе, Али Арсенишвили, Николо Мицишвили, Григол Робакидзе и др.

Отметила юбилей писателя и газета “Трибуна”, орган партии социал-федералистов Грузии. К юбилею писателя была написана статья Константинэ Гамсахурдиа, но она увидела свет лишь в 1928 году в его книге “Новая Европа”.

В своей статье “Достоевский” Тициан Табидзе обращает внимание на то, что в каждом гении борются два начала: Божественное и демоническое. Т.Табидзе считает, что Пушкин является Ангелом для России, ее гармонией, а Достоевский – демоном, сделавшим человеческое сердце сферой борьбы Богочеловека и дьявола.

Далее Т.Табидзе пишет, что А.Скрябин всю жизнь мечтал построить Храм, в котором можно было бы поставить Экстатическую поэму – симфонию о Судном дне и гибели мира. По мнению Тициана, эту поэму написал Достоевский – “Братья Карамазовы”, – а поставил ее Ленин: “...Дается прямое объяснение “Легенде о Великом Инквизиторе”... Сворачивающий дух пустыни, советовавший Христу превратить камни в хлеб, все еще продолжает сворачивать мир”. Тициан отмечает, что Достоевского называли лжепророком, пророчества которого не сбывались, но, по мнению грузинского поэта,

его пророчества сбываются повседневно. Поэт отождествляет Ленина, вдохновителя Октябрьской революции, с Великим Инквизитором, а революцию считает “Судным днем”.

Известно, что революция обещала равенство, хлеба голодным, призывала массы к борьбе, чтобы освободиться от нищеты, а вожди революции были уверены, что такие лозунги обеспечат им успех у народа: “А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлеб, и за тобой побежит человечество, как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся хлебы твои...” С этими словами обращается Великий Инквизитор или же Старый Кардинал к Христу, и массы, по мнению Т. Табидзе, подхватив эти идеи, последовали за Лениным, отвергая Бога.

Главная мысль Достоевского, по Бердяеву, выражается “В легенде о Великом Инквизиторе”. Для него важен образ Великого Инквизитора, потому что Достоевский ставит проблему свободы и ее уничтожения авторитарным режимом, который прикрывается благородными идеями равенства и свободы и всеобщего счастья. Тициан Табидзе в своей статье выражает ту же мысль, когда говорит о Великом Инквизиторе.

Для Бердяева Достоевский ближе к образу Христа, нежели Инквизитора.

Весьма интересно раскрывается образ Великого Инквизитора в книге современного американского автора Роджера Кокса “Между Землей и Небом”. Шекспир, Достоевский и значение христианской трагедии. “По мнению Кокса, Инквизитору просто непонятно, что христианство в том виде, в каком оно предстает в “Братьях Карамазовых”, не отрицает того, что основ-

ными нравственными потребностями человека являются любовь к кому-либо, совесть и стремление к всеобщему единению. Более того, христианство не отрицает чуда, таинства и власти для достижения этих потребностей. Инквизитор ниспровергает эти ценности, предлагая человеку осуществить свои потребности с помощью чуда, мистификации и тирании. Различие между Христом и Инквизитором в том, что Инквизитор ненавидит любимейшего среди людей, а Христос любит самого презренного из них.

Реалист-Христос знает, какое чудо может сотворить вера.

Т. Табидзе считает, что подобно истории России Карамзина и Ключевского должна быть создана история Достоевского: “Поэтому и стоит этот гранитный пьедестал, и весь мир удивляется этому варвару, в котором нет ни капли классической крови. Эта новая раса, новый мир. Уайльд из Реддинга со слезами читал бред Сони Мармеладовой, Д’Анунцио считает его Гомером страданий”, а “Гюисманс говорит, что он единственный гений, а мог бы быть и Богом, если бы этому не помешало бы христианство...”

Тициан считает, что каждый образ Достоевского требует монографического исследования. Он, безусловно, трактует творчество Достоевского в традициях символизма, отмечая в произведениях Достоевского лишь трагическую судьбу человечества, однако его точка зрения достаточно характерна для символистов и отличается глубоким проникновением в суть проблемы. Известно, что Т. Табидзе собирался перевести “Братьев Карамазовых” на грузинский язык. Образ Достоевского появляется в некоторых его стихотворениях и статьях Тициана, к примеру, “Конь с Ангелом” и “Александр Блок”.

В том же номере “Барикади” опубликована статья Али Арсенишвили “Инфернал”, в которой подчеркивается значение творчества Достоевского: “Сегодняшнее сознание ничего без сопричастности с восставшей душой Достоевского, “Ивана Грозного русской литературы”, без холодного креста, к которому он припал губами на Семеновском плацу, когда услышал свой смертный приговор... и после сверхчеловеческих перевоплощений прочувствовал и навеки похоронил в душе распятого Христа...” Али Арсенишвили говорит о Петербурге Достоевского, подчеркивая, что он был первым русским писателем, который понял, что именно Петербург – олицетворение гибели России. В статье также говорится о влиянии русского гения на современных писателей: Розанова, Андрея Белого, Ал.Блока, Стринберга, Гамсуна и др.

Далее Али Арсенишвили ставит вопрос: “Что есть сегодня и что будет завтра? Это трудноразрешимый, проблематичный вопрос. Но страшные лица еще явятся России и огни рампы вновь высветят их: атеиста Ивана Карамазова, который стремится к кладбищам Европы, чтобы поцеловать надгробные камни, Смердякова с его топором и Идиота, одержимого эпилепсией, готового подставить враждебным силам то одну, то другую щеку...”

Статья Али Арсенишвили так же, как и статья Т.Табидзе, написана в манере, характерной для голубороговцев, она во многом субъективна, однако в ней даны интересные характеристики героев Достоевского, а также подчеркивается значение его творчества не только для российской литературы, но и для развития европейской литературной мысли.

Характерно, что в написанной в начале 1922 года

статье ощущается тревога, предчувствие чего-то злого этого.

В 1924 году Али Арсенишвили пишет цикл статей о русской прозе, где подчеркивает, что XIX век произвел в литературе огромную интеллектуальную дифференциацию, Достоевский, по его мнению, является интеллектуальным и этическим синтезом новой России, в котором сфокусированы своеобразные и неповторимые болевые точки истории.

Привлекает интерес также напечатанная в “Барикади” статья Николо Мицишвили “Петр Верховенский – “Бесы”, в которой автор утверждает, что в образе Верховенского много черт самого Достоевского. Он считает его больше героем будущего, нежели настоящего. При чтении “Бесов”, по мнению Николо Мицишвили, страх овладевает читателем и написанное много лет назад произведение кажется вчерашним происшествием “после того, как над нашими головами пронеслись кони Апокалипсиса, когда мы стали свидетелями невиданных ужасов”.

По мнению грузинского поэта, Петр Верховенский является величайшей провокацией, Антихристом при дворе Христа: “Он всегда прав, и его невежество всегда превращается в козырь для разрушения вашей логики. Я не знаю, кто есть Верховенский, но я верю, он точно убил своего отца – Федора Достоевского” – пишет в заключении Николо Мицишвили.

В газете “Трибуна” была напечатана статья Вахтанга Гаррика (Вачнадзе) “Достоевский”, в которой высоко оценивается творчество Достоевского. По мнению автора, “после Шекспира никто не являлся таким мастером диалога, как Достоевский, которому свойственно чувство огромного трагизма”. О диалоге Достоевского говорится

и в эссе Григола Робакидзе “Достоевский”, напечатанном в той же “Барикади”: “Магический стиль с особенной силой проявляется в его диалогах. Сегодня уже очевидно, что диалог Достоевского непостижим, здесь он сравним только с Платоном. К этому следует добавить, что диалог у Платона диалектический, а у Достоевского – драматический: если там – динамика интеллектуального потока, то тут – динамика планетарного наваждения”.

Подобно Тициану Табидзе, Вахтанг Гаррик также не соглашается с теми, кто считал Достоевского лжепророком. Он признает, что гениальный писатель на целый век раньше почувствовал то, что должно было произойти в России, он первым вынес приговор старой России.

Таким образом, грузинская пресса очень активно отметила столетие Достоевского. В статьях голуборовцев ощущается глубокое знание творчества великого русского писателя, высокая оценка идейно-художественной и мировоззренческой сторон его произведений. Достоевский имел огромное влияние на творчество этих писателей.

ნატელა ურუშაძე

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ТЕАТРУ

Она родилась 12 февраля 1860 года в Телави, в бедной дворянской семье. Ее отец Михаил Сафаров ждал рождения сына, и появление на свет дочери не вызвало у него особой радости. До семи лет Маико растила мать. Один год (1868-1869) девочка проучилась в Телавском училище св.Нины. В 1869 году мать умерла. Бабушка (мать матери), принципиальная противница женского образования, считавшая, что для женщины вполне достаточно знать наизусть “Витязя в тигровой шкуре” и уметь вести дом, вывела Маико из училища и увезла в Кварели, где жила со своим вторым мужем, состоятельным князем Соломоном Чавчавадзе. Со временем Маико, благодаря своему редкостному дару, действительно выучила наизусть “Витязя в тигровой шкуре”, а также другие образцы грузинской классической литературы и часто декламировала отрывки из них перед приглашенными. Таким образом, гости семейства Чавчавадзе были первыми слушателями и зрителями Маико Сафаровой.

У бабушки Нино от Соломона Чавчавадзе было две дочери. Одна из них Элисабед (будущая мать Котэ Марджанишвили) вышла замуж за Александра Марджанишвили, который после смерти тестя взял на себя заботы о семье. В 1877 году все семейство переселилось из Кварели в Тбилиси, забрав с собой и бабушку

Нино, и Маико.

В доме Александра Марджанишвили постоянно собирались грузинские писатели и общественные деятели. Частыми гостями здесь бывали Акакий Церетели, Сергей Месхи, Георгий Церетели и другие, они вели разговоры о будущем Грузии и ее настоящем, о грузинском театре. На этих встречах, естественно, присутствовала и Маико. Ее все интересовало... Гостей же очаровывали ее прекрасная внешность, эмоциональная реакция, остроумные реплики. Это было время, когда во главе кружка любителей сцены стал Георгий Туманишвили, сменивший Нико Авалишвили. Идет активный подготовительный процесс восстановления постоянного грузинского театра. И ощущается острая нехватка актрис.

Появлению на грузинской сцене Маико Сафаровой мы обязаны Акакию Церетели и Сергею Месхи. Несмотря на сопротивление всей семьи, они все же привели Маико в кружок любителей сцены. В Музее грузинского театра, кино и музыки хранятся воспоминания актрисы “Пройденные пути и тропы”, в которых рассказывается об этом событии: “...Я гуляла в саду, когда прибежал мой пес и стал ластиться ко мне. Я нагнулась, погладила его и поцеловала в носик. В это время раздался голос: – Что ты делаешь, как может такая красавица целовать собаку?! – Подняв голову, я увидела перед собой рослого красивого мужчину с высоким лбом и такими кудрявыми волосами, что его можно было принять за араба, не будь он так белолиц. Перекинув пальто через руку, он с улыбкой внимательно смотрел на меня.

Я вспомнила наказ бабушки и, решив, что это один из тех недодяев, что впутывают девушек в неприятные истории, резко ответила:

– Порой целовать собаку приятнее, чем иного человека, или беседовать с таким, как вы.

В ответ он от души рассмеялся... Я жутко разозлилась... А он присел рядом и сказал:

– Если ум у тебя так же остр, как язык, из тебя выйдет прекрасная актриса.

Меня оскорбило его тыканье и то, что он “записал” меня в актрисы. Вскочив, я гневно бросила ему:

– Не думаете ли вы, милостивый государь, что я беспризорница!? Как вы можете так говорить со мной, что значит актриса?! Что вы вообще себе позволяете?!

– Ты и злиться умеешь! Это еще больше тебя красит!”

Так Акакий Церетели, а это был именно он, решил судьбу Маико.

Тогда ей было лет семнадцать-восемнадцать. Что такое театр, она понятия не имела, потому что никогда не была в театре. Чтобы показать ей, что это такое, Акакий Церетели и Сергей Месхи взяли Маико и бабушку Нино на представление, но не грузинских любителей сцены, а итальянской оперы. Блеск театра заворожил Маико, ее природный талант ожил так, что она уже не могла не выйти на сцену. Вот что она пишет в своих воспоминаниях:

“Я сидела в ложе и смотрела в партер. Мне было интересно, как устроен зал, как освещается театр... Вдруг занавес поднялся, и я чуть не вскрикнула от страха, но, сдержавшись, застыла на месте – зрелище настолько заворожило меня, что я чуть не выпала из ложи. Где собрали столько красавиц, думала я, в какой стране отыскивали их... Бабушку же поразило, что дома на сцене так быстро рушились и так же быстро возводились, осеняя себя крестом, она прошептала:

– Сколько же денег стоит это, сколько столяров и

каменщиков должны работать, чтобы в полчаса построить такой большой каменный дом!

Опустился занавес, и зал загудел, а я не могла отвести глаз от сцены, все думала, вдруг занавес поднимут, и я пропущу что-то. Но представление закончилось, народ шумно расходился. Мы поехали домой. С того дня я потеряла покой. Все думала, вот бы мне снова увидеть этих необыкновенных людей. В жизни моей произошел перелом: я вдруг повзрослела, забыла свои проказы, стала задумчивой, тихой. Все мои мысли крутились вокруг того незабываемого зрелища”.

27 октября 1878 года состоялся дебют Маико Сафаровой. На сцене немецкого клуба любители сцены давали комедию Мюллера “Жорж Дандель”. Маико исполняла роль Клодины и имела оглушительный успех. Валериан Гуниа, присутствовавший на спектакле, писал: “Игра молодой актрисы была необыкновенной. Зритель ничего подобного до этого не видел: удивительная жизненность и живость, которые одновременно были и высокохудожественными, и естественными”.

Окрыленная успехом Маико возвращалась домой, а там бабушка, громко причитая, оплакивает несчастье, обрушившееся на семью. Она так и написала своему зятю, отцу Маико: “Михаил, сынок! На нашу семью обрушились несчастье и позор. Знаю, сынок, ты будешь поражен этим известием, но доколе скрывать его от тебя, все равно ведь узнаешь, не смогла я удержать твою барышню Маико – она выпорхнула из дома – о, горе нам! – выпорхнула и впорхнула напрямиком в театр”.

Маико узнала об этом письме с большим опозданием и, желая успокоить отца, после первого же своего бенефиса написала ему: “Я работаю в хорошем месте, в таком, что за ночь получила до шестисот рублей, да еще

подарки”. Это письмо и вовсе свело с ума Михаила Сафарова, ничего не смыслящего в театре. “Хорошим же ремеслом ты занялась, – написал он в ответ, – если за ночь получаешь шестьсот рублей, это что за работа такая непотребная, когда заняты ночью, а не днем? Если тебе так уж необходимы деньги, могла бы вспомнить обо мне – уже двадцать лет, как я в отставке и ищу работу, зачислила бы меня! Немедленно бросай это дело, не то, клянусь прахом отца, приеду, кончиком кнута исполосую тебя”.

Однако ни бабушкины слезы, ни гнев и мольбы отца не смогли заставить Маико изменить решение. Единственное, что в какой-то мере утешало потрясенных родных, то, что до замужества (в 1879 году Маико стала женой Васо Абашидзе) ее постоянно сопровождал пользовавшийся доверием семьи Нико Авалишвили – от дома до театра и от театра до дома.

С формированием постоянной труппы Маико Сафарову пригласили на первые роли комической и водевильной актрисы, как это было записано в заключенном с нею договоре с самым высоким жалованием (десять марок). Считалось, что стихией творчества Маико были т.н. инженерю-комик (наивные девицы) и гран-коклет (коклетки). Однако вскоре выяснилось, что ее творчество не уместается ни в какие жанровые рамки – она играла в трагедиях и драмах, мелодрамах и комедиях, водевилях и опереттах.

Можно сказать, без ее участия не обходилось ни одно представление. Она играла в спектаклях, поставленных по оригинальным и переделанным пьесам Георгия Церетели, Акакия Церетели, Рафаэла Эристави, Александра Казбеги, Авксенти Цагарели, Барбаре Джорджадзе, Давида Эристави, Валериана Гуния, а также в

переведенных на грузинский язык пьесах Шекспира, Мольера, Грибоедова, Гоголя, Островского, Сундукяна. Она играла девочек, мальчиков, женщин. Для нее специально переводились и переделывались драматургические произведения. В частности, Рафаэл Эристави переделал для нее с русского одноактную комедию “Шутка с дядей”, которая давала ей возможность воссоздать четыре различных образа: жену (обычную интеллигентную женщину), артистку (певицу-татарку), грузинскую крестьянку и все ту же интеллигентку, но уже в совершенно иной ситуации. Как видно, актриса стремилась к многообразности, решению радикально отличных сценических задач. Валериан Гуния писал: “Ум и искусство, труд и работа над собой ни в ком из актеров грузинского театра не соединены и скоординированы так, как в М.Сафаровой-Абашидзе. Провидение наградило эту актрису всем необходимым для сцены. Редко встретишь такую полную гармонию между внутренним талантом и внешним обликом. Большой талант и интеллект удивительно сочетается у нее с внешностью: прекрасным голосом, красивым живым лицом, стройностью, удивительной походкой, манерами, умением вести себя, речью – все словно специально создано для сцены... Доскональное знание роли, изучение и вхождение в образ, осознание характера персонажа, продумывание всех мелочей – все это выгодно отличает М.Сафарову-Абашидзе от других участников грузинской труппы. Каждую роль в исполнении М.Сафаровой-Абашидзе, кроме таланта и искусства, отличают удивительный ум, мыслительная работа и внимание к частностям. Ее комизм не вымученный и не принужденный. Прежде чем рассмешить нас, она даст нам понять причину смеха, заставит задуматься над ней,

подготовит к нему и потом вынудит рассмеяться, но как рассмеяться! Что бы она ни играла – комедию, фарс или водевиль, пела ли в оперетте, она всегда была безупречна и исполнена национального духа”.

Маико Сафарова удивительно умела слушать партнера. Жизнерадостная, энергичная, полная оптимизма, она была обворожительна. Недаром о ней писали: “Когда Сафарова выходит на сцену, она привносит с собой настоящую весну!”

Илья Чавчавадзе посвятил ей немало статей. Вот некоторые из его наблюдений: “Эта актриса будет жемужиной нашей сцены, и так думают все, кто видел Сафарову на сцене. Ко всем ее достоинствам прибавляется еще одно: прекрасный грузинский, который ныне уже почти не помнят, и это весьма ценно”. Рассказывая об одном из эпизодов из пьесы Мансфельда “Сумасшедшая”, в которой актриса исполняла роль Нелли, Илья Чавчавадзе отмечал: “Одна из сцен явилась своего рода пробным камнем для таланта и умения г-жи Сафаровой. Когда Нелли спросили: разве ты любишь кого-нибудь, у простодушной девушки вдруг дрогнуло сердце – и от смущения, как можно проявлять свои чувства, и от радости, что появилась возможность говорить о них, ей хотелось сказать “да” и хотелось сказать “нет” – маленькое, невинное, как голубка, сердце трепетало от волнения. Это смущение и радость, это желание сказать “да” и одновременно “нет”, этот трепет, нерешительность, эту смелость и эту робость так прекрасно выразила в нескольких словах г-жа Сафарова, что любой, кто видел одну только эту сцену, сказал бы: вот воистину настоящая актриса”.

Высокохудожественное воплощение роли в условиях, в которых работал возрожденный грузинский театр,

было под силу лишь тому, кто родился актером, кого Провидение наделило божественным даром. Именно такой и была Маико Сафарова-Абашидзе, умная, многосторонне развитая личность, энергичная, способная не только сыграть свою роль, но и возглавить театральное дело, снять в аренду здание, привезти иностранную труппу и т.д. Вся ее семья жила театром, в ее доме читались и обсуждались новые пьесы, ее силы и время отдавались театру. И зритель платил ей взаимностью, он поклонялся ей, после каждого спектакля ждал ее на улице, освещал дорогу домой бенгальскими огнями...

Такой прекрасной жизни длиться и длиться, но непредвиденное роковое обстоятельство нарушило ее течение – в 1890 году на пике своей творческой карьеры Маико стала гложуть. Болезнь быстро прогрессировала, не помогло и лечение за границей, и в тридцать лет, полная жизни, опытнейшая, талантливейшая актриса лишилась возможности выходить на сцену – она не слышала ни одного слова партнера. И все же она продолжала играть! Почти двадцать лет она только по движению губ партнеров понимала их реплики, ибо отныне учила и их роли. Вообразите всю сложность и напряженность такой работы! Но никто не замечал этого, Маико по-прежнему, как и в юные годы, была подвижна на сцене, ее голос все так же звенел и, представьте, она продолжала играть мальчиков и девочек. Именно в эти годы Акакий Церетели посвятил ей стихотворение “Мой кумир”.

В январе 1912 года состоялся юбилей, посвященный тридцатилетию творческой деятельности актрисы. После этого она выходила на сцену крайне редко. В 1925 году ей было присвоено почетное звание народной артистки республики.

Она утверждала на сцене радость и жизнь, ее жизнь оказалась драматичной, тяжелой и тем не менее она – одна из первых в созвездии ведущих актеров постоянного грузинского театра. Значение ее творчества хорошо понимали ее современники – коллеги, зрители, критики. Не случайно ей посвящены такие строки:

“Хотите знать историю грузинского театра? Познакомьтесь с Маико Сафаровой-Абашидзе. Хотите знать о невзгодах, выпавших на долю грузинского театра? Познакомьтесь с Маико Сафаровой-Абашидзе.

Хотите услышать высокие мысли о назначении театра, драматического искусства, о творчестве актера? Послушайте Маико Сафарову-Абашидзе. Не исключено, что историки театра сделают из Маико Сафаровой-Абашидзе легенду и воссоздадут ее образ, как идеальной актрисы. О Маико Сафаровой-Абашидзе напишут отдельную книгу”.

Эти строки были опубликованы в 1914 году в журнале “Театр и жизнь”. С тех пор миновало почти столетие, а книга о великой актрисе так и не написана.

Шалва КАРМЕЛИ

К ГОРЕ МТАЦМИНДА

Святой горы люблю, люблю туманный вид.
Мила мне тишина особенная эта.
Она в который раз мне мысли прояснит,
О, сколько здесь молитв произнесли поэты.

И лавры я люблю, венчающие склон,
Обитель призраков, могила на могиле.
В стихи о Грузии облекся каждый стон
Поэта-юноши, Бараташвили.

Мтацминда, дни мои сгорят когда-нибудь,
И больше твоего покоя не нарушу.
Позволь мне замятво упасть к тебе на грудь,
Позволь и не губи мою, Кармели, душу.

СМЕРТЬ РЕМБО

Как тихо в комнате! Шарманка чуть фальшиво
Выводит ритурнель во внутреннем дворе.
Пусть окна заперты, воспоминанье живо,
И теплится свеча звездой на заре.

На глобус взаперти глядит Рембо безногий.
Его скитальчества хватило б на двоих.

На этот полный шар накручены дороги,
Пустыни и моря – о, сколько было их!

В кармане доллары, а за спиной полмира
Да эта комната, пожалуй, – весь барыш.
Кассиром шапито ты был и дезертиром,
Рембо! И проклятый из Африки бежишь.

Торговца пряностями и слоновой костью
Святые негры ждут на берегу чем свет.
Но не товарами, а ненавистью, злостью
Европе платит он за скуку долгих лет.

Поэтов и самой поэзии обличье
Менял ты, будучи парижским королем.
Рембо! Как нас слепит стихов твоих величье,
А биография и золото потом.

Чернь улюлюкает, Иуда торжествует,
На все лады клянут вчерашнего царя.
Но сам Христос тебя однажды коронует
За то, что “праведным” ты прозван был не зря.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество светит сквозь тьму,
Как луна на мое изголовье.
Я мышленьем обязан ему,
Мы повязаны крепкой любовью.
Одиночество, это оно
Душу мне утвердило над бездной.
При сияньи его мне дано

Созерцание Девы Небесной.
Одиночеству благодаря
Жизнь моя еще теплится в теле.
Одинок я, и значит не зря
Откликаюсь на имя Кармели.
Одинокий, как перст, восхожу
В небеса по незримым ступеням.
И поэтому я дорожу
Одиночеством, уединеньем.

МАНЬЯК ЖЕМЧУГА

Я самого Низами превзойду,
Отрок-халиф, воспевая Лейли.
Небо зажжет, словно факел, звезду –
И не боюсь каменистой земли.

Чтоб аравийская злая жара
К милому не прикоснулась челу,
Девичьи очи скрывает чадра,
Только зрачки полыхают сквозь мглу.

Дисками лун поднебесная синь
Усыплена и пустынная даль.
Сколько их здесь, черноглазых рабынь!
В оцепененье впадает сераль.

В лунную ночь на коленях стою
Перед любимой своей в тишине.
Мне отдала она руку свою,
Петь от любви предназначено мне.

Шея точеная вокруг обвита
Жемчугом синим, и только поэт
Может каменьев игру и цвета
Преобразить в ювелирный балет.

Так наливайте же чашу полней!
Яд ли, вино ли там – все мне во вред.
Любо идти мне дорогой своей,
Облако пыли за мной след в след.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Вновь это прокаженное виденье.
Закрой глаза: всплывут из тьмы времен
Царь Хаммурапи и его владенье –
Весь в копоти развратный Вавилон.

Столпотворенья шум мне слышен ныне.
Бредут в обетованную страну
Евреев толпы, и звенит в пустыне
Плач о Сионе, сложенный в плену.

Жрец календарь поверил небосклоном,
Шлюх омывал евфратскою водой.
Он ведает, языческий астроном,
Кто под какую родился звездой.

И Валтазаров трон воздвигнут снова,
И “менэ, тэкел, фарез” вижу я.
Не страшен Вавилону Кир суровый –
Вновь в небо башня тянется моя.

Перевод Сергея ГАНДЛЕВСКОГО

МАСКИ В КАРНАВАЛЕ

Валериану Гаприндашвили

Замелькали тени в одеяньях,
В скрытой пляске на ветвях дремотных,
Чары льет с небес луны сиянье,
В безрассудстве мчатся Дон Кихоты.

Арлекин с коварной Коломбиной,
Потаскуха в маске прячет профиль;
Вот Пьеро под белым балдахином,
На прохожих лает Мефистофель.

Сумасбродной ночью на поляне
Корчатся скелеты в пляске дикой,
Гамлеты сражаются здесь рьяно.
Весь в крови Отелло – мавр великий.

Прячет нож в руках самоубийца...
Страх, веселье с карнавалом в браке;
Совращает Дон Жуан красавиц,
Дом на Корсо весь в распутном мраке.

Раздает гроза рапиры. Гости
Разорвали маски, побросали,
Устремились к Стиксу в голой злости,
К лодке тащит их Харон печальный.

Перевод Зураба ГАБУНИЯ

ШАЛВА КАРМЕЛИ

Силуэт

Статья Георгия Абзианидзе датирована февралем 1926 года, стало быть, принадлежит она перу восемнадцатилетнего юноши – романтического и поэтичного, в чем нетрудно убедиться, следя за его фазой и наплывом чувств..

Очарование “Силуэта” – еще и в том, что помимо портрета Кармели и самого автора статьи – младшего друга и почитателя поэта, она передает аромат и атмосферу того времени – сентиментальную, декадентскую, столь необычную для нас сегодня, порой даже вызывающую улыбку, но в то же время на редкость утонченную, хрупкую и чистую.

Ушло то время, ушли и те люди, а вместе с ними многое из того, в чем мы так нуждаемся и так ценим, что оплакиваем и стремимся вернуть.

Нам остается воспринять эту скромную публикацию не только как дань памяти Кармели и моего отца, но и как отзвук безвозвратно ушедшего романтического времени.

Заза Абзианидзе

Шалва Кармели неслышным призраком бродил по кутаисским улицам, где его цветущая душа навзрыд заливалась роденбахской меланхолией. В морозный январский день снежные серафимы похитили эту целомудренную душу изнеженного рыцаря “мертвого Брюгге” и умчали ее к Святому Граалю.

Кармели, этот “мастер-дитя челлиниевской мощи”,

по определению одного поэта, был влюблен в рифму, “бледную и пылкую, как девица”. “Я знаю, мне определенно есть чем гордиться: я первый отшлифовал рифму грузинского стиха”. В этом смысле его сравнивают с безвременно погибшим ленинградским поэтом Николаем Гумилевым, чьи рифмы были подобны драгоценным камням.

Излюбленная стихотворная форма Кармели – сонет: “Я влюбился в сонет, как в красавицу”*, – говорит он в стихотворении “Любовь к сонету”.

Шалва Кармели напоминал застенчивого нежного зяблика, как выразился один из его друзей, но порой в этом хрупком создании угадывалась ураганная сила, способная снести этот мир с его несправедливыми законами.

Он вызывает на дуэль весь мир:

...Порыв урагана развеет мой прах,
но прежде на крыльях демона
переверну я этот старый мир!

Или:

Но перед смертью своей я со страстью
брошу клич с такою силой,
что Земля эта, перевернувшись,
огненным бриллиантом расколется на кометы.

Эти строки определенно дышат мощью. Словно самум, налетевший со страшной силой, грозит гибелью миру, и небеса, разверзшись, обрушиваются вниз. Видения Кармели распаляла “жаркая Халдея: Вавилон и Ниневия”. Этот нежнейший рыцарь поэзии восхвалял “блудливый Вавилон” и был исполнен “палящего жара древних стран”. В стихах на эту тему, наряду с огненной фантазией, чувствуется горечь и печаль о мимолетности

* Здесь и далее переводы стихов подстрочные.

и разрушении всего сущего.

Во мне воскресло прошлое, и кажется мне,
Этот мир – Вавилон, что должен быть разрушен.

Кармели томила мистическая сила луны. Он отождествлял это светило с катастрофой, трагедией. Луна для него – эшафот, “отбеленный ядовитым сплином”:

Вот чистый лунный эшафот,
где терпят муки души грешные.

Строки трепещут от предчувствия катастрофы, рождаемого магнетизмом и иррациональностью луны. Поэт оставил грузинской поэзии совершенно своеобразное, исключительное понимание Луны.

И все-таки главная тема поэзии Кармели – туберкулез. Никто из грузинских поэтов не писал об этой болезни с такой болью, горечью и слезами, как он:

Похоже, простыл я на снегу, бедняга,
застудил основу легких,
ты, тень моя, кому полюбишься,
заблудившийся бессловесный всадник?!

Как и Корбьера, Кармели мучил призрак туберкулеза, неумолимо сокращая расстояние до гибельной пропасти, и поэт в отчаянии восклицал:

Друзья и братья мои,
наш инквизитор – чахотка!

Спешу за ангелом, но боязно, как бы он не
коснулся меня...

Погибну, как Икар, над морем распростерший
крылья.

Судьба, похоже, не уберезет меня от вихря,
грызу бациллы чахотки, носящиеся
в сухом воздухе.

Судьба действительно обошлась с ним жестоко. Он приблизился к страшному рубежу, мистический ужас

перед которым приводил его в содрогание, как отбившегося от стаи лебедя.

Смерть невольно приводит меня в трепет, как
Готье,
ибо “балдахин уносит все наши надежды”.

Под конец его голос звучал обреченно, подобно рыданию лазурных виол скорбящих серафимов:

Беспользны лекарства, и я отказался от своего
лекаря...

.....
Не суждено мне было излечить чахоточные
легкие...

Кармели возложил свою жизнь на алтарь поэзии. Он сторел в действительно прекрасном огне стихотворства. Имя этого обреченного юноши безусловно войдет в анналы грузинской лирики.

В роковой миг кончины Шалва находился в Кутаиси, который был для него “мертвым Брюгге”.

Это произошло в холодный январский день 1923 года: шел снег и, казалось, что небесные сады Семирамиды развеивались в прах, и пепел опускался на землю белыми бабочками.

Кто помнит его похороны у ограды церкви Архангела, кто был свидетелем слез его друзей, их проникнутых любовью, нежных и полных отчаяния слов, тот, наверное, не забудет этого дня.

Шалва Кармели обратился в прах, истаял, как мираж, в тайне безбрежного небесного зеркала. Нас разлучил с ним физический бунт материи, но память об этом феноменальном юноше навечно оставит в наших душах свет, подобно сказочным садам Семирамиды.

Александр МАЛОВИЧКО

ГДЕ БЫЛА ПРАРОДИНА ЭТРУСКОВ?

Проблемой номер один древней истории Европы считается проблема происхождения этрусков и их языка. Этой проблеме более трехсот лет – с тех пор, как жители центральноитальянской провинции Тоскана стали находить на своей территории многочисленные предметы явно древнего, но неизвестного происхождения. Более всего удивляли гробницы, некоторые из которых поражали своей величиной и великолепием внутреннего устройства. Но наиболее многочисленными были находки могил (в настоящее время до 15 тысяч) с непонятными короткими надписями. Этрусская археология, возникшая тогда же, продолжается и ныне и будет успешно продолжаться и далее, т.к. археологический материал, сосредоточенный в Тоскане, огромный. И хотя археологам очень интересно было бы узнать про то, что написано на памятниках, которые они находят, однако если эти надписи невозможно прочесть, археология вполне может обойтись и без прочтения этих надписей.

История дешифровки и интерпретации этруских надписей длительна и сложна. В настоящее время эти надписи легко читаются, т.к. написаны на одном из средиземноморских алфавитов, но смысл надписи чаще всего остается непонятным.

В результате огромного труда многочисленных ученых из разных стран стало возможным понять содержание только очень коротких надписей. Длинные

же — не поддаются интерпретации. И, по моему мнению, такая ситуация сохранится до тех пор, пока этрускологи-лингвисты, а это исключительно лингвисты-индоевропейцы, не поймут, что этрусский язык не принадлежит к индоевропейским языкам, даже очень древним, таким, как например, хетто-лувийские или очень “далеким”, как тохарские.

Многие исследователи, и среди них выдающийся болгарский ученый Владимир Георгиев, искали этрусскую лексику и вообще следы этого языка среди языков Малой Азии. Но, по моему мнению, этно-лингвистическая ситуация в Малой Азии II-го тысячелетия до н.э. (в дальнейшем будет писаться без слов “до н.э.”) очень сложна для исследований потому, что она непосредственно связана с ситуацией в III тысячелетии, когда на этой территории преобладали племена, разговаривавшие на языках иберо-кавказской языковой семьи, а об индоевропейских языках еще не было ничего известно, по крайней мере, в письменных источниках. А вопрос возможного влияния индоевропейских языков на этно-лингвистическую ситуацию в восточной части Малой Азии и Южном Кавказе в IV и III тысячелетии нельзя рассматривать вне изучения Куро-Аракской и других археологических культур, поскольку авторы труда “Индоевропейский язык и индоевропейцы” Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов считают, что Куро-Аракская культура была создана индоевропейскими племенами. Но об этом будет сказано ниже.

Надо сказать и об отношении итальянских этрускологов, основных “хозяев” этой “итальянской национальной дисциплины”, по выражению того же Владимира Георгиева, к проблеме этрусского языка. Пока одна многочисленная группа исследователей-этрускологов

пыталась интерпретировать этрусские тексты с помощью индоевропейской лексики, добившись того, что было обнаружено всего несколько латинских и греческих слов в этрусской лексике, другая группа ученых, используя так называемый комбинаторный метод для интерпретации этрусских эпитафий, добилась значительных успехов доведя до 150 единиц количество этрусских слов, значение которых определено достоверно. (Комбинаторный метод, использующий часто повторяющиеся слова неизвестного языка в однотипных коротких надписях, в данном случае, в эпитафиях: Нетрудно понять, что в эпитафиях должны быть такие слова, как сын, отец, мать, жена, дочь, брат и т.д., числительные и др.). А те, кто пользовался этимологическим методом (т.е. методом сравнения с известными языками), лексику этрусского языка сравнивали с лексикой десятков самых разных языков мира. Однако результаты таких поисков оказались незначительными, в результате чего европейские ученые, вслед за итальянскими этрускологами, перестали интересоваться языками за пределами Италии, и этрусский язык был объявлен изолированным языком, продуктом "италийского языкового развития". При этом почему-то не учитывались некоторые интереснейшие факты, которые должны были бы заинтересовать исследователей, т.к. могли указать на ориентиры, которые позволили бы определить направления более успешных исследований. Первый факт следующий: в 1885 году французские археологи нашли на острове Лемнос, который расположен вблизи северной части западного побережья Малой Азии, каменную стелу с изображением воина с копьем и с двумя надписями. И первооткрыватели этой стелы и последующие исследователи надписи считали, что язык

надписи близок к языку тирренов (так называли этрусков греки до их переселения в Италию из Лидии, страны вблизи западных берегов Малой Азии). Таким образом, этот факт свидетельствует о том, что прародина этрусков скорее всего была где-то на Востоке. Но остров Лемнос и вообще западная часть Малой Азии вряд ли могли быть территориями этногенеза каких-либо племен.

Второй факт. В текущем, 1999 году исполняется сто лет со дня выхода в свет работы датского исследователя Вильгельма Томсена, в которой автор обращает внимание на то, что некоторые факты этрусской грамматики имеют параллели в иберо-кавказских языках. Позже выдающийся ученый Н.Я.Марр (академик Нико Марр) поддержал В.Томсена, поскольку сам выдвинул идею, согласно которой, до прихода в Европу индоевропейских племен, Европу населяли иберо-кавказские, а по Н.Марру, так называемые “яфетические племена”. Только теория Н.Марра позволяла впервые представить себе, каким образом кавказские племена очутились в Европе, в Италии и на Пиренеях (баски). К сожалению, Н.Я.Марр пользовался очень ограниченным лексическим материалом, и, кроме того, только после него были сделаны крупные открытия как в археологии Кавказа, так и в кавказской лингвистике.

В 1980 году лидер древнего ближневосточного языкознания И.М.Дьяконов высказал следующую мысль: “Грамматика этрусского языка теперь уже во многом ясна и проявляет сильные и несомненные типологические аналогии с хурритской. К сожалению, никаких материально-генетических связей обнаружить не удалось”.

В том же году в Тбилиси опубликована книга Р.В.Гордезиани “Этрусский и картвельский”, в которой, наряду с примерами схождения этрусской лексики с

картвельской, автор доказывает существование эргативной конструкции в этрусских предложениях. Правда, суффикс эргативного падежа этрусского языка он сравнивает с соответствующими суффиксами в хурритском и урартском языках. (Языковая группа последних в настоящее время отнесена к северо-востокавказским языкам, т.е. к нахско-дагестанской группе иберокавказских языков. Эта группа в настоящее время коротко называется восточнокавказской группой).

В 1983 году В.В.Иванов, развивая идеи В.Томсена, предложил использовать северокавказские языки для дешифровки этрусских текстов. Причем, он считал, что этрусский близок к северо-западнокавказским языкам. Но при этом, лексические примеры схождения с лексикой этрусского языка почему-то приводит из северо-востокавказских языков, видимо, считая, что эти северокавказские языки были очень близки друг другу. Однако в более поздних работах он отказывается от хаттского и других северокавказских языков и считает, "...что этрусский был результатом развития одного из хурритских диалектов".

Точку зрения грузинских ученых-историков на этнолингвистические процессы, происходившие в Южном Кавказе в эпоху ранней бронзы, когда тут возникла так называемая Куро-Аракская археологическая культура ранней бронзы, можно узнать из позднейших изданий "Очерков истории Грузии" (том I, глава VII, Тбилиси, 1989 год).

Кто же были хурриты и (видимо, их родственники) урарты, и какое они имели отношение к иберокавказским языкам и, вообще, к Южному Кавказу?

Этот вопрос – сложный по нескольким причинам. О хурритах мы знаем значительно меньше, чем о других

древних народах, несмотря на то, что хурритская цивилизация была связана с урартской, а последняя интенсивно изучалась в республиках Закавказья. В Армении, поскольку северная часть государства Урарту находилась на территории южной части современной Армении, и в Грузии, поскольку начиная с пятидесятих годов результаты исследований урартских надписей позволяют предположить “о языковом родстве центральнозакавказского населения первой половины I-го тысячелетия до н.э. с урартами”.

Хотя государство Митанни, которое создали хурриты в XVI веке на территории Северной Месопотамии, считалось в один период истории великим, открытие хурритов и их цивилизации произошло уже не в эпоху великих археологических открытий прошлого века, а между двумя мировыми войнами, когда сформировалась мысль о том, что изучение древней истории какой-нибудь страны это дело историков этой страны. Кроме того, первооткрывателям девятнадцатого века достались крупные объекты великих цивилизаций, которые буквально лежали на поверхности (исключением является работа Генриха Шлимана). В то же время забытые цивилизации, открытые позже, требовали большей энергии, времени и средств для их изучения.

Я не буду писать о подробностях открытия и исследования хурритской и урартской цивилизаций. Скажу только, что для рассматриваемого вопроса важны следующие факты. В 1943 году академик Грузии Б.А.Куфтин на основании археологического материала, полученного им и другими археологами при раскопках на территории Грузии, Армении и Азербайджана, идентифицировал (т.е. нашел общие черты в археологическом материале, раскопанном в разных местах) архео-

логическую культуру ранней бронзы, которую он назвал Куро-Аракской. Позже стало ясно, что археологические материалы, которые были получены при раскопках 50-х и 60-х годов на обширной территории южнее Куро-Аракского двуречья, включающей горную систему на запад от озера Урмия, вокруг озера Ван и доходящей до реки Евфрат, можно отнести к Куро-Аракской культуре. В настоящее время известны памятники этой культуры, найденные даже в Палестине, где они названы западными исследователями памятниками типа Хирбет-Керак. Такой разницей в названиях можно объяснить только малой осведомленностью западных ученых в работах, которые выполняли археологи и представители других исторических дисциплин из республик Закавказья.

Работы ленинградской школы ученых во главе с И.М.Дьяконовым, начиная с пятидесятых годов, прояснили, более или менее, картину, связанную с хуррито-урартскими племенами. По их мнению, эти племена с конца IV тысячелетия распространяются из Южного Кавказа в южном и юго-западном направлениях. Высказанная в 50-х годах гипотеза о том, что хурриты были создателями Куро-Аракской культуры, опиралась на факт удивительного совпадения южной границы распространения памятников Куро-Аракской культуры с южными границами расселения хурритоязычного населения. Таким образом, было доказано, что хурриты (а также урарты) были выходцами из Южного Кавказа. А позже, в 1978 году И.М.Дьяконов продемонстрировал родство хуррито-урартских и современных нахско-дагестанских языков. Об этой гипотезе написано в книге "История Древнего Востока", выпущенной в 1988 году, следующее: "По мнению И.М.Дьяконова, Куро-Аракская культура была связана главным образом с племенами,

говорившими на восточнокавказских языках (к которым автор относит хуррито-урартский и протонахско-дагестанский), а возможно, и на других кавказских”.

Такой итог многолетних исследований ленинградской школы ученых, разумеется, вызвал многочисленные вопросы у многих ученых, особенно у грузинских, для которых никогда не стоял вопрос: жил ли кто-нибудь и когда-нибудь на территории Грузии кроме картвельских племен? Официальным ответом на этот вопрос всегда был: нет, кроме грузин (картвел) в Грузии никто никогда не жил. А если кто и жил, то история об этом не знает.

Особенно сложен вопрос доказательства причастности картвельских племен к созданию Куро-Аракской культуры, поскольку о проживании картвельских племен на территории Восточной Грузии в эпоху ранней бронзы ничего не известно – археологический материал ничего не может сказать о языковой принадлежности населения, оставившего данный памятник. А топонимический материал Шида Картли, особенно Самачабло, демонстрирует факт проживания в древности на этой территории каких-то негрузиноязычных племен (Примером могут быть топонимы и гидронимы: Абиси, Абреви, Авениси, Антохи, Джава, Акушо, Ксани, Арагви, Лиахви, Меджуда, Джеджора, область Аргвети. Это, разумеется, не осетинские названия).

Исследования всех этих проблем далеки от завершения. Поэтому хочу предложить свое видение этих проблем. Свои этно-лингво-историко-географические построения я обосновываю не совсем обычно. Я использую конечный результат – несомненное сходство этрусского языка с иберо-кавказскими. Я вынужден использовать такого рода доказательства “с конца”, поскольку, как уже говорилось выше, от эпохи ранней

бронзы на Южном Кавказе (да и в любом другом регионе Ближнего Востока) остался только археологический материал.

Я основываю свои построения на нескольких предпосылках (предположениях): 1) картвельские племена были традиционно земледельческими, а предки хурритов-урартов, т.е. восточнокавказские племена, были скотоводческими племенами, вернее овцеводческими.

2) Я предполагаю, что именно картвельские племена (возможно и предки кавказских албанцев) создали докуроаракскую раннеземледельческую, так называемую Шулавери-Шомутепинскую археологическую культуру в долинах больших рек Восточной Грузии (на границе с Азербайджаном). (Раннеземледельческие культуры – это культуры без металла).

3) Учитывая новые данные о родственных связях сино-тибетских и северокавказских языковых семей (см. работы С.А. Старостина; в связи с этим надо сказать и о том, что, по моему мнению, надо говорить о восточнокавказских языках, а не вообще о северокавказских языках), я считаю, что, поскольку контакты этих языковых семей, вероятнее всего, не могли быть на территории Ближнего Востока, а лишь где-то в Азии (поближе к Северному Китаю, а возможно, и в Забайкалье), то носители восточнокавказских языков, расселяясь или медленно мигрируя с Востока, к IV тысячелетию подошли с севера к центральной части Кавказского хребта.

К середине IV тысячелетия эти племена (в состав которых, по моему мнению, входили племена – предки хурритов и урартов и других восточнокавказских племен) заселяют горные районы центральной части Южного Кавказа и спускаются в долины Восточной Грузии.

Тут они сталкиваются с местным земледельческим картвельским населением. Столкновение, вероятнее всего, было мирным, т.к. заселение происходило очень медленно (300-500 лет), земли было много и эти племена имели разные типы хозяйства. Тут я хочу привести цитату из Страбона, который писал об этнолингвистической ситуации в Иберии в начале первого века н.э. Однако я думаю, такая ситуация стабильно сохранялась еще в начале III тысячелетия: “Равнину (Иберии) населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную (часть) занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве, впрочем, они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч (воинов) как из своей среды, так и из тех (народов)”.

Я предполагаю, что в результате такого совместного проживания на одной и той же территории и неизбежного смешения населения, в конце IV тысячелетия, здесь, в долине среднего течения реки Кура, на ее правобережья, возникла Куро-Аракская культура ранней бронзы.

А что такое вообще археологическая культура? Это, главным образом, новые, более совершенные технологии, основанные на новых изобретениях или заимствованиях, а также внедрение новых, более урожайных сельскохозяйственных культур. В данном случае “скачок” материальной культуры объясняется изобретением бронзы, которая стала материалом для изготовления намного более совершенных орудий труда и оружия.

Кроме того, вслед за Р.В.Гордезиани, считаю, что в

долине реки Кура (и в долинах других крупных рек Восточной Грузии) появился смешанный язык – культурное койне. И я думаю, что это койне было основой праэтрuscoго языка. Этим можно объяснить большие трудности в интерпретации этрусского языка и надписей на этом языке.

Скотоводческие племена все прибывали с Северного Кавказа. А в то же время в долинах крупных рек наметился бурный рост населения. Это послужило причиной того, что Куро-Аракское двуречье быстро заселилось и поэтому стало не хватать высокогорных пастбищ. Поэтому скотоводы, а возможно, и земледельцы стали расселяться в южном направлении. Такое движение можно назвать только расселением, т.е. таким движением, когда сын поселяется недалеко от отца, а внук еще дальше, но в одном, главном направлении, которое, в данном случае, было южным.

В северном направлении, т.е. на Северный Кавказ, тоже было переселение тех племен, потомки которых стали ингушами, чеченцами, кистинами и представителями современных дагестанских племен. Почему-то памятников Куро-Аракской культуры в Западной Грузии не обнаружено.

Расселяющиеся на юг племена уже в 23 веке были зафиксированы в Северной Месопотамии. В ассирийских надписях они названы хурритами, по самоназванию, от хурритского слова *xuradi* – воин, стражник. Разумеется, под этим названием могли скрываться многие другие племена, выходцы из Южного Кавказа. Среди этих племен могло быть больше представителей какого-то одного (или двух) большого и многочисленного племени. Кстати, ереванская исследовательница М.Л.Хачикян среди надписей, записанных на хурритском языке

(аккадской клинописью), смогла различить до десяти диалектов. Я считаю, что это были диалекты не хурритского языка, а восточнокавказского, многие из которых в наше время называются языками нахско-дагестанской языковой группы. Многие языки исчезли. Среди них языки племен, названия которых известны из более поздних источников: эров, двалов, цанаров, пховцев (интересно, что чечено-ингуши называют хевсурский пхий, я думаю, от слова пха – стрела), чартальцев и др. Почему тут речь идет о языках, а не о самих племенах? Потому, что, по моему мнению, те, кто остался в Восточной Грузии после расселения оттуда племен, в конце II тысячелетия постепенно перешли на грузинский язык. Хочу опять привести цитату из “Картлис цховреба”: “И этот Фарнаваз был первым царем в Картли из племени Картлоса. Он распространил язык грузинский и больше уж не говорили в Картли на ином языке, кроме грузинского...”

Для нашего рассмотрения очень важно, как далеко на Запад по территории Малой Азии расселились племена из Южного Кавказа, если учесть, что сами памятники Куро-Аракской культуры западнее верховьев Кызыл-Ирмак не обнаружены. Такие исследования мало кто проводит. Среди работ, которые освещают интересующий нас вопрос, в первую очередь, следует обратить внимание на статью С.Л.Николаева с красноречивым названием “Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом”.

Примеры, которые приводятся в этой работе, можно объяснить заимствованием в хеттский и древнегреческий языки только путем субстратного влияния северокавказских языков (я думаю, в основном, восточнокавказских языков), т.е. носители северокавказских языков

жили на территориях, на которые позже пришли носители хеттского и древнегреческого языков. Интересно было бы знать, на какой территории происходили эти заимствования. Для хеттского языка объяснения менее сложные, поскольку известно, что хетты создали свое государство на территории, на которой до них жили хатты. Но хатты, скорее всего, не имели никакого отношения к Куро-Аракской культуре. Кроме хаттов здесь, на территории, где позже были земли государства хеттов, жили какие-то восточнокавказские племена, из языков которых в хеттский попала лексика, приводимая в статье С.Л.Николаева. Чаще всего заимствования происходили из прааварского, пранахского и урартского. Замеченное сходство с картвельской лексикой я склонен объяснить или заимствованием картвельской лексики в отдельные языки восточнокавказской группы еще в Южном Кавказе (например, хapи – время, k'edeli – стена, k'rk'o – желудь, k'alo – ток (последние два примера для случая заимствования в древнегреческий), или участием картвельских племен в расселении по Малой Азии. Или, наконец, этими двумя (или более) процессами одновременно. Конечно, сказанное тут – результат только предварительных исследований, которые, если и проводятся, то крайне недостаточно. И это по той причине, что большинству исследователей всюду чудятся индоевропейцы. (Как сказал по этому поводу И.М.Дьяконов: “Трудно представить себе, например, чтобы древнейшие индоевропейцы шли, как танк, по Европе и Азии, сметая местное население”).

Ответ же на вопрос: на какой территории и в какую эпоху северокавказские языки могли сыграть роль субстратных для древнегреческого – должен привести к мысли о том, что это могло произойти только на европе-

йском берегу Босфора. Почему? Если бы эта лексика попала в древнегреческий у западного берега Малой Азии, в язык какого-то из греческих племен, то непонятно, как она попала в общегреческий язык материковой Греции.

Таким образом, последний аргумент может подкрепить мнение очень немногочисленных исследователей о том, что примерно в середине III тысячелетия (эта, очень приблизительная дата, моя) первые волны переселенцев с Южного Кавказа оказались на Европейском континенте.

Наиболее полную гипотезу об этом переселении (по моему мнению – расселении) на Запад, в Европу, высказал польский археолог из Кракова Ян Махник в работе 1972 года. Он проанализировал археологический материал, найденный в Центральной Европе и относящийся к эпохе ранней бронзы Европы, и, сравнив его с археологическим материалом ранних этапов Куро-Аракской культуры, нашел большое сходство между ними. И не только в керамике, но и в изделиях из других материалов. Автор предположил, что перенос культурных явлений осуществлялся населением, перемещавшимся на Запад в течение сравнительно небольшого периода времени, примерно в 500 лет, начиная с начала III тысячелетия (речь идет о длительности исхода, а не о длительности перехода, которая была намного больше). Правда, трудно представить себе, что на путь с Южного Кавказа в Центральную Европу (где найдены наиболее ранние памятники эпохи бронзы Европы) было затрачено более чем тысяча лет. И что памятники культуры, например, посуда, лепилась и украшалась в Европе таким же образом, как и в долине Куры тысячу лет назад. Такое длительное “путешествие” потомков создателей Куро-

Аракской культуры трудно себе представить, но надо вспомнить, что на “путешествие” на более близкое расстояние, от Южного Кавказа до Северной Месопотамии, хурритам понадобилось не менее 700 лет.

По мнению Яна Махника, дальнейшее передвижение этих, в основном, скотоводческих племен было направлено в сторону Карпатских гор. Затем – вдоль хребта к западным предгорьям. Это как раз территория современных Чехии, Юго-Западной Польши и Саксонии (в ФРГ). Именно здесь, недалеко от Праги, в Унетице, были найдены наиболее ранние, хронологически, памятники ранней бронзы Центральной Европы.

Аргументом в пользу правильности приведенной выше этнолингвистической картины могло бы стать обнаружение лексики иберо-кавказских языков в германских языках. Однако такого рода работы велись в двадцатых годах последователями Н.Я.Марра. И в настоящее время они пока не возобновлены, поскольку, как я уже говорил, большинство европейских ученых поглощены происхождением их народов.

Индоевропейско-картвельские схождения в лексике обнаружены. Однако они объясняются в работах индоевропейцев, как переход индоевропейской лексики в картвельскую, после того, как картвельские племена пришли на территорию Грузии, после того, как в Куро-Аракском двуречьи праиндоевропейские племена создали Куро-Аракскую раннебронзовую цивилизацию. Сторонникам такой точки зрения надо было бы объяснить и факт присутствия в индоевропейских языках восточнокавказской лексики. Ни одна из теорий происхождения индоевропейских языков не объясняет этот факт. Этот факт нигде даже не упоминается.

Однако для нас интересен следующий вопрос:

происходило ли дальнейшее расселение вышеназванных племен по европейскому континенту? Я предполагаю, что такое расселение действительно имело место. Оно было направлено на Апеннины, Пиренеи и, возможно, на Британские острова.

Моя этнолингвистическая модель появления кавказских племен в Европе, разумеется, противоречит официальным историческим данным. Однако отсутствие теории происхождения этрусков (а также и басков) возможно заставит обратить внимание на изложенные тут факты.

Необходимо обратить внимание на то, какие племена прибыли среди первых на Апеннины, в Этрурию. Среди других восточнокавказских племен были и картвельские племена. Такая уверенность появилась благодаря тому, что наиболее древняя, с моей точки зрения, этрусская лексика содержит картвельские корни. (Приводимое далее небольшое количество примеров объясняется тем, что в настоящее время достоверно известно значение всего лишь 150 этрусских слов).

Немецкие этрускологи Б.Нибур и К.Мюллер пришли к выводу, что этруское слово *principes* – *principes* означает этрусскую родовую знать. Я считаю, что это слово содержит картвельский элемент *s'ip*, корень слова *s'ireba*, которое в словаре С.-С.Орбелиани определяется как “возможность”, т.е. видимо “власть”. От этого слова и *xelms'ire* – властитель, владыка, имеющий возможность. *Xel-i* по-грузински рука. Понять первую часть этрусского слова пока не удастся.

Интересно сопоставить этруское слово *zix, zic* – писать, расписывать. Так же называли книгу. Нельзя не заметить сходства с латинским *signum* – знак, отметка, клеймо, *signo* – обозначать, запечатлевать, чеканить и

т.д. Трудно согласиться с мнением о переходе этого термина из латыни в этрусский, если вспомнить о том, что этрусски научили римлян писать. По-грузински книга – *s'igni*, оно, по моему мнению, произошло от названия козленка – *sikani*, кожа которого использовалась для записи письма. По аналогии с итальянским названием пергамента – *cartapescora* – овечья бумага.

Хотя это слово пришло с переселенцами из Южного Кавказа, все же маловероятно, что там существовала письменность в Куро-Аракскую эпоху. Хотя и это не исключено.

Итальянский исследователь С.Маццарино предполагает, что выражение *Etrusca disciplina*, которое часто встречается в латинских текстах и которое обозначало сумму сакральных знаний и предписаний для этрусских предсказателей-гаруспиков, соответствует этрусским словам *tesns gasnes* из надписи на стеле из Перуджии. *Rasnes* – это самоназвание этрусков *gasna* или *gasena*, которое стоит в родительном падеже. *Tesns* тоже, видимо, стоит в родительном падеже. Основу слова *tes* хочу сопоставить с грузинским словом *s'esi* – порядок, правило, закон. Суффиксальное –*n*, я думаю, показатель множественного числа – в старогрузинском слово “порядки” записывалось так: *s'esni*. Поскольку в грузинском показатель родительного падежа –*s/-is*, что близко к показателю родительного падежа в этрусском – *s-si, -sa*, то слово *s'esi*, стоящее в родительном падеже множественного числа, будет иметь вид *s'esnis* (в современном грузинском – *cesebis*). К этому надо добавить, что в этрусском языке ударение приходилось преимущественно на первый слог, и поэтому вторая безударная гласная не записывалась.

Лидер итальянской этрускологии на протяжении

последних сорока лет Массимо Паллоттино пишет про этрусский суффикс *Quq*, который используется в этрусских именах: “Следует упомянуть элемент *?uq*, указывающий на принадлежность к семейному кругу или на вхождение в состав коллегии: *velqinaquraś* – “членов семейства *velthina*”, *raxaquras* – “членов братства Вакха” и т.п.”. Иначе говоря, элемент *quq* определял этрусские фамилии, т.е. принадлежность к определенному роду, религиозному братству или к профессиональному цеху.

Аналогичные суффиксы встречаются в фамилиях жителей горных районов Восточной Грузии: Бунтури, Хетури, Гинтури (*jinturi*), Хадури, Шадури и др. Некоторые из этих грузинских фамилий полностью или частично совпадают с этрусскими: этр. *velquq*, груз. Велтури (я, правда, не нашел в списках грузинских фамилий фамилии Велтури, однако в Душетском районе есть село Велгаурткари. Я думаю, что суффикс *tug*, (*quq* – это этрусское написание на латинской основе, в которой не было звука *q* или *t*, грузинское *თ*) произошел от числительного *Qu* – “один” по-этрусски); этр. *seqq* (я думаю, гласная *u* между *q* и *g* выпала), груз. Сетури; этр. *tuquq*, груз. Матурели.

Среди имен, которые встречаются в этрусских эпитафиях, есть такие, которые близки к традиционным картвельским: *Cicu*, *Cicunia*, груз. Кико, Кику, Кикуня /-ния, видимо, этрусский уменьшительно-ласкательный суффикс женских имен, который совпадает с грузинским (картвельским); *Cesu*, *Cesunia*, груз. Кесо, Кесония; *Cel*, в Грузии этому имени соответствует распространенное имя Гела; *Qamri*, груз. Тамри (это имя в Грузии является уменьшительным от Тamar, Тамари); этр. *suqi*, груз. Шота (*šoti* по-грузински длинный); *Cac*, груз. Како, этр. *Cále*, груз. Кале и др. (Следует знать, что вместо звуков

о и u записывалась буква u, вместо d и t' – t', вместо g и k – c, вместо b и p – p).

Более многочисленная группа имен, записанных на этрусских эпитафиях, имеет соответствия в грузинских фамильных именах (в скобках имена в том виде, в котором они записаны в эпитафиях): (t = თ ; t' = ტ)

1. anta, anti (antaia, antiaia)	anta-ze, anti-ze
2. arat (arat, aratenas)	arat-ana-švili
3. atei (at'einei)	adei-švili
4. hala (halasašnaš)	xala-ze
5. kavi (kaviiesi)	k'avi-la-ze
6. mat've (matvesi)	matve-la-švili
7. me'u (metu)	met'o-ni-ze
8. papana (papanaia)	p'ap'ana-švili
9. pe'vi (petvial)	pe'via-švili
10. šupel (supelnaš, šuplu)	šubeli-ani, šubla-ze
11. t'arsa (tarsalus)	t'arsai-ze
12. t'e'ia (tetiaial)	tetia-švili

В эпитафиях встречаются и нахские имена, но немного реже: этр. velx – нах. Велх; этр. saicna – нах. Каикин; имя верховной богини этрусов Уни встречается и у вайнахов.

Таким образом, описанные выше факты сходства лексики, фамильных имен и других языковых и неязыковых примеров я объясняю первой волной переселения в Этрурию иберо-кавказских племен с территории Центральной Европы, которые двигались в Италию с севера. (Возможно поэтому в середине восемнадцатого века ученые обратили внимание на свидетельство Тита Ливия о сохранении этрусского языка у альпийского племени ретов. И благодаря этому свидетельству существовала,

хотя и очень недолго, “северная” версия происхождения этрусков. По расчетам, если наиболее раннюю бронзу Центральной Европы отнести к 21 веку, то первое поселение на Апеннингах надо отнести к 19-18 векам).

По всей вероятности, в Этрурию было несколько волн переселений на протяжении всего II тысячелетия. И, по моему мнению, переселение собственно этрусков, носителей этрусского языка, о котором мы можем судить по надписям, оставленным в Этрурии, произошло так, как это описал Геродот, т.е. с западного берега Малой Азии. Это произошло в 12-11 веках, т.е. после Троянской войны. Кого же я причисляю к собственно этрускам? Это были потомки тех, кто расселяясь с Южного Кавказа, поселились в западной части Малой Азии, на землях будущей Лидии, и не приняли участия в дальнейшем расселении по Европе. Язык этих племен, если судить по этрусской лексике, был близок и к хуррито-урартским, и к нахским языкам (т.е. к восточнокавказским языкам).

Рассмотрим несколько примеров сходства лексики этрусского языка с лексикой восточнокавказских языков (некоторые из этих примеров предложены до меня):

Этр. al – давать, нах. al – давать, хур.-урар. ag – давать;
этр. lein – умирать, нах. len – смертельный, смертный;
этр. alsase – избирать, нах. xarža – избирать, карт. – arševa – избирать;

этр. cesu – лежать, покоиться (о покойнике), нах. kaš – могила, склеп;

этр. hara – поражать, убивать, урарт. хаг-хаг-š – разрушать;

этр. nupa – жертвовать, совершать (определенные приношения), урарт. nup – приходиться (несомненно, это слово

определяло ритуальный приход к алтарю, и не с пустыми руками, что близко к этр. глаголу).

Немногочисленность схождений с этрусской лексикой объясняется тем, что, как говорилось выше, в настоящее время мы знаем значения всего лишь 150 слов, причем большинство этих слов относится к погребальной и ритуальной терминологии. В то же время хурритская лексика – это дипломатическая терминология, а урартская – лексика победных стел урартских царей.

Идея интерпретации этрусских текстов с помощью лексики восточнокавказских и картвельских языков позволила мне сделать перевод двух небольших отрывков. Один из них – это начало надписи на стеле из Перуджии. В ней говорится о том, что какой-то земле-владелец передает земли во владение семье Велтины. Прочтение этой надписи стало возможным только после работы итальянского этрусколога Ф.Ронкалли, который прочитал первое слово надписи не *eulat*, а *eurat*, что очень существенно, т.к. корень этого слова *eug* совпадает с урарт. словом *eug-i* – господин, владыка, и хурр. *ewg-i* – хозяин. Начало надписи с такого слова очень вероятно, если вспомним начало урартских победных надписей. Кстати, слово *eug-i* в виде *ivgi* звучит в припевах грузинских песен. Г.А.Меликишвили переводил припевы: *ivgi agale! agi agale!* – так: Владыка, Арале! Дай, Арале!

Второй отрывок, который я перевел – это отрывок из так называемой надписи на черепице из Капуи. В этом отрывке речь идет о ритуале омовения “ритуально чистой” водой роженицы у камня (я думаю, у стелы или статуи), посвященном верховному богу этрусков – Тину.

Если мои интерпретации в действительности

соответствуют тому, о чем этруски написали в рассматриваемых надписях, то ритуал, описанный во втором отрывке, напоминает хуррито-хеттский обряд, описанный в хеттской надписи, но содержащий хурритские элементы, что говорит о том, что они были по происхождению хурритскими. Т.е. они были принесены хурритами из Южного Кавказа. Обряд заключался в том, что в первые дни нового года (т.е. в начале весны) царь и царица совершают омовение ритуально чистой, проточной водой перед стелой, посвященной богу Грозы.

Моя работа имеет перспективное продолжение. Когда я вел поиски лексики, способной прояснить ситуацию с этрусским языком, разумеется, сталкивался и с лексикой современных европейских стран. С этим явлением сталкивался не только я. Наверное, многие замечали сходство лексики грузинского и английского языков. Таких слов мало, но они есть. Возможно, кто-то объяснял это явление заимствованием из английского, как более “культурного языка”, в грузинский. Такая уверенность появилась, наверное, после того, как был прочитан труд Т.Гамкрелидзе и В.Иванова, в котором говорится о том, что заимствование индоевропейской лексики в картвельские языки вполне естественное явление, поскольку индоевропейцы создали культуру, которую унаследовали грузины (я встречал интеллигентных людей, которые с удовлетворением говорили о том, что, наконец, после этой книги грузин можно считать индоевропейцами).

Должен разочаровать этих “индоевропейцев”: культура, во всяком случае, культура металла “пришла” в Центральную и Западную Европу с Востока и не раньше

начала II тысячелетия до н.э., а это очень “поздно”.

Идею появления “яфетических” народов с культурной миссией в Европе безуспешно “пробивал” в начале века Н.Марр. (Но мало кому известно, чем это закончилось. Может быть, 21 век будет более гуманным и кто-то объяснит общественности причину исчезновения из анналов истории (науки) имени Н.Марра. Ведь только его идея может способствовать решению таких проблем как этрусская, бакская и пиктская (древнейшие племена Британских островов). А в то же время индоевропейские теории принципиально не могут объяснить появление носителей этих языков в Западной Европе).

Настоящая статья, разумеется, не является научной. Главная ее цель – вызвать интерес к тем проблемам, которые она затронула. Об их влиянии и важности говорит тот факт, что апологет индоевропеистики, соавтор упомянутого труда об индоевропейцах, в котором иберо-кавказцам предоставляются второстепенные роли на их родине, вдруг захотел заняться этрусским языком, и, согласно его последней, по моим сведениям, работе, он считает этрусский язык одним из диалектов хурритского языка. И это в то время, как индоевропейская наука не может (скорее всего, не хочет) объяснить появление всех этих языков в Европе.

Сейчас складывается такая ситуация, когда национальные науки все больше становятся узконациональными. А всеохватывающих теоретических трудов по историческим дисциплинам все меньше и меньше. И в таких исследованиях приходится надеяться только на свои силы.

Изучение всех этих проблем возможно позволит

приблизиться к проблеме происхождения и языковой принадлежности северо-восточно-балканских культур (в том числе южно-украинской, так называемой раннеземледельческой археологической культуры Триполья-Кукутени) – наиболее древних и значительных культур Европы, являющихся, по-видимому, наследницами раннеземледельческих культур Малой Азии, которая пока не имеет решения.

Перевод с украинского автора.

Отар ЧИЛАДЗЕ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АНГЛИЙСКОМУ УЧЕНОМУ г-ну ДЖОРДЖУ ХЬЮИТУ

С самого начала хотелось бы отметить, ничего личного в нашей невольной “полемике” нет, и если Вы разделяете мою мысль, то, может быть, не откажетесь ознакомить с моим письмом английского читателя. Это будет свидетельствовать, в первую очередь, о Вашей научной объективности, а также о демократичности, которой, по Вашим словам, в Грузии не оказалось. У меня же появится прекрасная возможность лично предостеречь уважаемый мной английский народ, что все мы стоим перед глобальной катастрофой, и нам не избежать ее, если мы всерьез не заинтересуемся жизнью друг друга, не примем близко к сердцу беды и проблемы, тревожащие нас.

Во все времена человек изучал иностранные языки, разумеется, привилегированные с точки зрения политической, экономической или культурной, поскольку необходимость их изучения обуславливалась в основном практическими соображениями. Впрочем, немало, к счастью, примеров, когда личные интересы, личные симпатии доминировали над практическими, причем в отношении языков, на первый взгляд, совершенно бесполезных в практическом смысле.

Прекрасный пример тому – Ваша же соотечественница г-жа Марджори Уордроп, чье имя, возможно, не известно рядовому англичанину, но для всех грузин оно – свято, приравнено к именам грузинских святых, и не

из-за той бескорыстной любви, которой она прониклась к чужой, несправедливо униженной стране, но и из-за того чувства общечеловеческой несправедливости, которое овладело ею именно в Грузии, именно на тихом балкончике небольшого дома Ильи Чавчавадзе, откуда она любовалась сверкающими на солнце водами Арагви и застывшими за рекой горами. Грузия никогда не была Британской колонией, но, образно выражаясь, всю жестокость, уродство, бесчеловечность и несправедливость империализма вообще г-жа Марджори Уордроп осознала конкретно на примере Грузии. Она происходила из семьи политических деятелей и, безусловно, еще до приезда в Грузию не раз наблюдала картины искалеченной колониальной системой жизни. И все же именно под небом Грузии дрогнуло ее сердце перед несправедливостью, безжалостностью, равнодушием человечества. Изучение грузинского языка для нее не имело ничего общего с интеллектуальными экскурсами в лабиринты грамматики, но было продиктовано благороднейшим желанием понять угнетенного, восстановить разрушенное, очистить оскверненное и, что главное, от имени гордых, свободных, образованных народов принести извинения всем несправедливо притесняемым народам.

К счастью, Марджори Уордроп – не исключение из правила, очень многие идут по ее пути, но не всем, к сожалению, достает таланта и способности поднимать с таинственного дна чужого языка (в данном случае, грузинского) не обыкновенный ил, а рожденную в раковине грузинского духа жемчужину. Очень жаль, что Вы относитесь к числу “ловцов жемчуга”, которым трудно держать дыхание под водой, – такие выносят со дна первое, что попадает им под руки. С моей стороны

большая дерзость говорить такое, потому что, кроме родного, я не владею в совершенстве ни одним другим языком, по крайней мере, в той степени, чтобы полностью ощутить его тайну, его приятно подавляющее, расширяющее горизонты влияние. Но как писатель считаю одинаково нужными и интересными все языки мира – как живые, так и мертвые, и категорически не согласен с учеными, превратившими изучение языков, их сравнение, скрещивание в самоцель – они падки до сенсационных, но начисто лишенных научного обоснования выводов; рассматривая язык, изолированный от судьбы ее создателя, они не ведают, что он, язык – та же судьба народа. Каждый язык – независимый мир со своей особенной солнечной системой, географическими координатами, отражающий психологический строй и духовные сдвиги конкретного человека, вернее, только он и отражающий, причем в полной мере, без изъяна. Благодаря переводчикам Шекспир и на грузинском – великий писатель, но английский язык – единственное лоно, в котором мог зародиться шекспировский гений, т.е. только посредством английского языка мы можем постичь то волшебство, которое рождает именно Шекспира и именно в Англии.

Поэтому изучение чужого языка, в первую очередь, это постижение души народа, говорящего на этом языке, его истинного лица, истинной природы. Изучению любого, на мой взгляд, языка непременно должна предшествовать заинтересованность литературой, созданной на этом языке, историей, культурой, обычаями и традициями. А заинтересованность, в свою очередь, рождает желание еще более глубокого знакомства, сближения, и эта благороднейшая потребность души факелом освещает нам путь в мир чужого языка. Что мы

обнаружим в этом мире, зависит уже от нашего таланта и умения, и действительно прискорбно, когда мы ограничиваемся изучением лишь грамматических законов, и уже у врат чужого языка теряем чутье и страстность искателей истины, в результате, правда, рождается еще один рядовой языковед, который при необходимости сможет прочесть доклад на данном языке, но не вправе читать нравоучения говорящему на нем народу по той простой причине, что не понимает этот народ; он может разбираться в правилах сочетания слов (даже понять их этимологию), но ему не дано постичь навечно заложенный в эти слова смысл, объяснить который лишь средствами грамматики абсолютно невозможно. Более того – совершенно невероятно, когда для исследователя нет разницы, мертв ли избранный им для изучения язык, как латинский, или жив, допустим, как английский. Прочитав Вашу статью, я поразился, как вы вообще изучили грузинский, поскольку остались таким равнодушным, таким безучастным к судьбам говорящего на этом языке народа. Меня поразило и то, как Вы позволили себе обвинить весь народ и в то же время требовать от него покаяния в несовершенном преступлении. Да, это удивительная дерзость с Вашей стороны публично выступить в роли судьи или обвинителя целого народа! Не знаю, что побудило Вас с самого начала взяться за изучение грузинского языка, но то, что вы пока используете это знание для ненаучных целей, несомненно. Весьма прискорбно, ибо Англия и англичанин в сознании каждого грузина всегда ассоциировались с достоинством и поэзией. Поэтому подобная политическая близорукость и человеческая низость со стороны потомка Шекспира и Марджори Уордроп совершенно необъя-

снимы. Будь Вы рядовым журналистом, можно было бы и не обратить внимания на Ваши писания, но именно потому что Вы являетесь английским ученым-знатоком грузинского, каждое ваше слово для людей несведущих имеет особое значение, претендует на объективное звучание. А между тем все Ваши соображения, обвинения или советы настолько искажают действительность, в таком неверном свете представляют цели и устремления грузинского народа в глазах остального мира, что молчание в данном случае было бы равносильно преступлению, и не только перед собственным народом, но и перед всем миром. Правда – это не частная собственность какого-либо народа, какого-либо государства или какой-либо личности, это достояние всего человеческого сообщества, и ее отрицание, игнорирование или искажение может привести ко всеобщей катастрофе или ко всеобщей близорукости, которая не сегодня-завтра непременно подведет к катастрофе. По моему глубокому убеждению, Ваше открытое письмо – еще одно проявление этой всеобщей недалёковидности. Мне кажется, для Вас, как для английского ученого, более естественным было бы растолковать Вашим близким*, как необоснованна их ненависть к Грузии; научно разъяснить им, что их (абхазов) на протяжении десятилетий притесняли не ради грузин, а для того, чтобы нанести вред грузинам; и наконец, убедить их, что только традиционная дружба с грузинами поможет абхазам сохранить самобытность и родной язык. К сожалению, Вы этого не сделали и не сделали потому, что в основе Вашего увлечения грузинским и Грузией вообще нет ни личного интереса, ни личной симпатии. Исходя из Вашей статьи, можно

---

* Супруга г-на Д.Хьюита по национальности апсуа.

подумать, что Грузия как Англия – такая же свободная, прочно стоящая на ногах страна, которая по своему желанию направляет свою политику – внешнюю или внутреннюю – захочет, запретит русскому говорить по-русски, захочет – высечет абхаза. Смешно, если бы Ваша наивность не была столь грустной и прискорбной. Похоже, Вы понятия не имеете ни об истории Грузии вообще, ни об истории Абхазии в частности, да она Вас и не интересует, а не интересует потому, что Вы абсолютно равнодушны к ней и не сознаете, что любая трагедия, разыгравшаяся на этом клочке Земли, явление мирового масштаба. Вы никак не поймете, что ничто в мире не существует само по себе, независимо друг от друга, великое обуславливается малым, малое – великим. Истребление комаров уничтожает леса, в результате уничтожения лесов высыхают моря и так далее, и так далее до полного вырождения, исчезновения, изничтожения... То, что творится сегодня в Грузии, завтра может произойти в любой точке планеты. Особенного как будто ничего не происходит. Проливается “невинная кровь”, кто знает, в который раз. Кровью, как видно, сегодня мир не удивить, но жуткая, невообразимая несправедливость заключается в том, что за убийц заступаются, а убитым без суда и следствия шьют ярлык угнетателей и деспотов. Народная мудрость гласит: в чужой войне всякий – мудрец. Однако обстоятельства ныне так изменились, что чужой войны уже нет, и это факт, над которым следует поразмыслить и принять во внимание.

Когда лет десять назад в той же самой Абхазии громили грузинские школы и сжигали грузинские книги, прогрессивная, передовая Европа почти на всех языках объявила миру, как “деспоты грузины” притесняют “маленький, но гордый народ”. Разве после этого можно

говорить всерьез о всеобщей свободе, демократии, гуманизме, лучшем будущем?! Безусловно, нет. Зато ничего удивительного, если завтра народы всего мира набросятся друг на друга и перегрызут друг другу горло. Несправедливость, бесчестность пробуждают в человеке, в первую очередь, животные инстинкты. И вот ведь подошли же мы к роковой черте – о возможности мировой катастрофы уже говорят так, будто она может быть одним из выходов из нашего общего мрака и невежества. Вот к чему приводят некомпетентность и поспешные выводы. Только знание является залогом нашей сегодняшней человечности и гарантией нашего завтрашнего существования. Так что и в Грузии не происходило ничего экстраординарного. Но, мягко говоря, было бы наивностью воспринимать разыгравшуюся здесь трагедию, как столкновение двух народов на национальной почве. Если называть все своими именами, это было нападение заблаговременно подготовленной, хорошо обученной и соответствующим образом вооруженной банды на мирное население; это был разгром филиала Тбилисского университета подстрекаемыми на это хулиганами; это был, наконец, заурядный террористический акт, направленный против Грузии и грузин вообще. Так что ничего необычного и неожиданного здесь не происходило, просто еще продолжается кровопролитие, начатое 9 апреля, и, кто знает, когда оно закончится и закончится ли вообще, поскольку эти эпизодические акции – проявление древнейшего, далеко нацеленного, ужасного по своему коварству замысла, они рассчитаны в основном на благоволение тех “мудрых” советников и заступников, которые, справедливо считая защиту униженных и оскорбленных благородным делом, на благородные дела

не способны хотя бы потому, что не могут отличить черное от белого. А Ваша статья, попросту говоря, оправдывает пролитие “невинной крови” и ничего больше. Оставим в стороне обвинения, которые Вы бросаете грузинскому народу, судя по Вашей статье, Вы либо ясновидящий, либо заранее, за несколько месяцев вперед были информированы о предстоящем пролитии “невинной крови” в Грузии, что, откровенно говоря, вызывает недоумение, легко, впрочем, разъяснимое. Мы никогда не были баловнями судьбы, так что несправедливость нас не удивляет. Странно и удивительно было бы, произойди все наоборот, похвалили нас “Свободная Европа” Вашими устами за наше терпение. Подобное еще не случалось и не случится в будущем – человечество пока еще серьезно больно беспочвенной ненавистью. Беспочвенная ненависть – источник всяческого зла. Ее разжигает в наших сердцах недальновидность и скотская жадность. Будь у евреев возможность оставаться в родной среде, антисемитизма не существовало бы. Точно так же и с расизмом, не польстись американские плантаторы на дешевую рабочую силу. Человек сам создает свои проблемы, жертвой которых и становится. Мы, грузины – обычные люди, и все вышесказанное относится и к нам. Разве не мы зародили в наших врагах идею нашего же уничтожения?! Мы же неисправимые расточители всего, что у нас есть, – будь то время, талант, земля, здоровье или сама жизнь. И пока мы растрачиваем свою жизнь, враг, затаив дыхание, наблюдает за нами и думает: они не доживут до завтрашнего дня и тогда, может быть, их дома достанутся мне. Возможно, он думает правильно, но такие мысли и для врага унижительны, и для него бесчестны. Впрочем, это не наше дело, нас это не касается: пусть каждый покажет

себя таким, какой он есть, покажет не маску, а истинное лицо, поскольку именно оно отражает неповторимую, отличную от других индивидуальную духовную жизнь, а на маске, что пожелаешь, то и нарисуеть.

Вот враг и пытается сменить наше лицо маской, своей рукой нарисованной, и натянуть ее нам на лицо. И это удалось ему, потому что после двадцативековой борьбы за выживание, за свободу мы сами оказались агрессорами, угнетателями, захватчиками чужой земли, чужих могил и молелен в собственной стране. Трудно себе представить больший цинизм, но и это не удивляет. Для врага хороши все средства, любое оружие, которым он сможет одолеть тебя. Сегодняшнее человечество вскормлено подобным моральным кодексом. Поэтому так трудно установить истину. Истина – божественный свет, внезапно проявляющий любое зло, любой коварный замысел. Поэтому враг делает все, чтобы мы испустили дух в поисках этой истины. Но назло всем врагам заявляю, мы, грузины, не собираемся умирать, нам нужна истина не в качестве надгробного камня, а для того, чтобы пролить свет на наше неясное, темное будущее. Поэтому те, кто нас призывает к смерти, либо напуганные дураки, либо смелые провокаторы. Наша Родина дана нам не на один день. Это понятие – вечное, и знать об этом должны не только грузины. Не Родина преходяща, а мы, живущие в ней; не она дается нам на день, а нам Провидение дарует “один счастливый день”, который мы должны прожить в служении опять-таки Родине. Главное, как мы проживем этот “счастливый день”, тогда станет ясно, что мы вообще собой представляем, каков наш человеческий идеал, гражданская позиция, морально-нравственный потенциал. Этот “один счастливый день” – личная собственность каждого из нас, и мы

используем ее так, как захотим. Можно и не использовать вовсе. Но это само по себе столь великое право, дарованное Провидением (наверное, опять-таки, чтобы испытать нас), что невозможно хотя бы раз не задуматься, хотя бы раз не оказаться перед дилеммой, хотя бы раз не принять твердое окончательное решение по поводу того, как использовать, как распорядиться нашей единственной собственностью – нашей жизнью – экономно расходовать ее или профукать в один момент. Но никто из нас не вправе обобщать свое личное решение, делать его обязательным для всех. Попросту говоря, принятое нами решение только тогда можно считать общим для всех, когда оно обуславливает незыблемость Родины и, стало быть, всего мира, а не благополучие кого-либо из нас на протяжении одной человеческой жизни.

Перестройка нашей действительности, как явление, имела глобальный характер, она коснулась всего мира и вольно или невольно, сознательно или неосознанно преследовала целью прежде всего наше спасение. Но, думается, спасение это не имело бы никакого смысла, коснись перестройка национальной самобытности, национальных приоритетов. Какой смысл, действительно, имеет жизнь, скажем, грузина, если в доме его не погуляет гость, не найдет приюта беженец, не утолит голода страждущий, не получит лекарства больной, и защиты обиженный. Протянуть руку помощи ближнему для грузина – отрада для души, но никак не подглядывание за его бедами. Так что и в будущем, наверное, мы будем давать приют на нашей земле многим обездоленным, но для дела, вероятно, будет лучше, чтобы все знали, пока мы живы, мы никогда не поступимся своей Родиной, какими бы щедрыми и добрыми не были по отношению к инородцам. Для этого мы должны твердо

стоять на ногах и, что главное, показать остальному миру свое истинное лицо. Очень важно, как мы поведем себя: позволим ли нашим бедам сбить нас с ног или справимся с ними, как справлялись неоднократно. Как бы ни было больно, мы должны сами вскрыть свои раны и сами залечить их. Должны поставить себе диагноз и сами решить, насколько необходимо для остального мира наше существование. Ни у кого другого нет никакого права посягать на нашу жизнь: ни у врага, ни у друга. Мир сегодня находится в фазе окончательного пробуждения, и мы все одинаково должны это осознать, чтобы пробуждение это не оказалось эфемерным плодом наших собственных представлений, наших тайных надежд и мечтаний. Пробуждение – и основа, и гарантия всех других человеческих достоинств. И еще: мы сможем считать себя пробудившимися только тогда, когда нигде на земле не будет попираться национальное или человеческое достоинство каждого из нас. Трудно пока сказать, куда мы держим путь – в гору или под гору, продолжаем идти или топчемся на месте, пробуждаемся или нам снится пробуждение, встретимся ли мы и завтра на этой прекрасной земле или все вместе окажемся в вечном мраке... Но как бы то ни было, жизнь предпочтительнее смерти, поскольку наша окончательная цель – возвыситься над нашими слабостями, а не, скажем, сводить счеты друг с другом, как бы мы не были обижены, притеснены или биты судьбой, обрушивающимися на наши головы несчастьями, нам не к лицу любыми средствами и способами мстить своему малодушному, коварному и беспощадному врагу. Мы должны надеяться, что мировое сообщество не сегодня-завтра снова прозреет, все станет на свои места, все назовется своим именем. Сегодня от нас требуется

выдержка и терпение, всеобщая выдержка и всеобщее терпение. Безо всяких титулов, званий, клейм и ярлыков мы должны нести свой груз – свое человеческое достоинство – каждый столько, сколько сможет осилить. И ни в коем случае не завидовать, если кому-то под силу нести больше, чем нам. Надо не завидовать, а радоваться, поскольку кто поднимает больше, поднимает и за нас. Среди нас нет “других”. Мы все жители одной планеты, мы едины и одиноки в этом бесконечном, непостижимом для нас поныне мире. Наша общая душа поделена между нами. Любой из нас живет для всех остальных и для всех остальных умирает.

Июль 1989 г.

Заза АБЗИАНИДЗЕ

НОМО BELLATOR

“Свобода – это право быть честным”.

Хосе Марти

Что знал средний европеец о Кавказе лет десять-пятнадцать тому назад, помимо мифов о прикованном Прометее и похищенном аргонавтами золотом руне? Большинство Кавказ воспринимался экзотической окраиной России, историческим реликтом в современном мире. Лишь меньшинство знало, что помимо зажигательных танцев и песенного многоголосья народы Кавказа сохранили и развили тысячелетние культурные традиции во всех сферах духовной и материальной жизни. Миру еще предстоит более близкое знакомство не только с древней литературой, живописью, архитектурой, музыкой, дивным рукотворчеством кавказских народов, но и с созданными уже на наших глазах шедеврами (не побоюсь этого слова) в этих жанрах, помимо этого – еще в театре и кинематографе.

Да, предстоит, если мы же сами – кавказцы, в пылу междоусобиц не разнесем в пух и прах тысячелетиями созданный хрупкий и прекрасный мир и сами же не истребим древнейшую и, как писали иностранные путешественники, красивейшую расу.

Вот уже более десяти лет Кавказ находится в центре мирового общественного мнения, увы, не как расположенный на рубеже Востока и Запада уникальный географический и историко-культурный феномен, а как очаг политического напряжения и арена кровавых, трагических событий. Сегодня безобидная шутка Вольтера о

басках, которые живут, вернее, танцуют на отрогах Пиринеев, применительно к кавказской действительности приобретает драматический оттенок – создается ощущение, что все последние годы мы не живем, а воюем на отрогах Кавказа.

Среди факторов, способствующих возникновению этого очага, одни политологи указывают на геополитические: столкновение российских интересов (включая проблему нефтепровода) с западными; другие – противоборство исламского и христианского миров; третьи – хитроумную, действующую на всем постсоветском пространстве деструктивную систему, цель которой – воссоздание новой империи на развалинах обессиленных и обескровленных новоосвободившихся стран.

Если к этим концептуальным соображениям прибавить сотни взаимоисключающих исторических и современных документов, свидетельств, “Белых книг”, статей и интервью, единственное, что остается писателю (не политику и не политологу!), если он только хочет выбраться из этой дремучей чащи на свет Божий, прислушаться к своему внутреннему голосу, к тому чувству справедливости, без которого наше ремесло теряет всякий смысл и пафос.

Одно из моих любимых занятий – просматривать энциклопедии: старые, новые, любые. Читаешь без определенной цели, но что-то интересное всегда найдется. Вот и на этот раз – “Советский Энциклопедический Словарь” (1981 год): “Абхазская АССР (Абхазия), в Груз.ССР, в сев.-зап. части Закавказья. 8, 6 т.км². Нас. 503 т.ч. (1977), гор. 48%; абхазы (77 т.ч., 1970), грузины (200 т.ч.), русские (93 т.ч.), армяне (75 т.ч.)... И, главное: “...Награждена орденом Дружбы народов (1972)”. В том же 1972 году орденом Дружбы народов награждены Юго-

Осетинская и Нагорно-Карабахская автономные области. Да, дорого обошлись нам и эти ордена, и торжественные встречи на мостах с патетическими лозунгами – “Брат братом силен!”. Вроде бы, каждый в отдельности знал или чувствовал, что за этим бутафорским фасадом зрели гроздя гнева, недовольства, отчуждения, ненависти, но сообща, вместе мы оказались совершенно не готовы к вспышке этой ненависти со стороны вчерашних “братьев”. Эта неспособность нашего, атрофированного за семьдесят лет советской власти общественного мнения рационально (а не только эмоционально) реагировать на все происходящее, каким бы обидным и оскорбительным оно ни было, в свою очередь, усложнило нашу ситуацию. (Первый приходящий на ум пример – бездумный поход многотысячного отряда грузинских “неформалов” в ноябре 1989 года на Цхинвали для проведения там митинга!).

Одним из первых, кто по грозным признакам осознал масштаб будущей драмы, был философ Мераб Мамардашвили. В сентябре 1989 года по горячим следам учиненного в Сухуми разгрома филиала Тбилисского университета он писал: “...Еще одна несправедливая рана появилась на окровавленном теле Грузии. Рана, нанесенная ослепленной ненавистью... И где же? В университете. Там, где грузинский народ осуществляет свою историческую миссию – развивать свою культуру совместно с другими народами, делиться своими знаниями, помогать им...”

По-моему, дело в общем принципе нашего бытия. Только правдивое, справедливое и свободное слово может очистить атмосферу нашей жизни, в которой кровь, наподобие дождевым каплям, пропитала воздух”.

История не любит сослагательного наклонения. Но

хочется думать, если б тогда, одиннадцать лет тому назад, общественное мнение формировалось не под влиянием мегафонных выкриков, ожесточенных взаимных обвинений и оскорблений в прессе, на радио и телевидении, а “правдивым, справедливым и свободным словом”, то “носящиеся в воздухе капли” не пролились бы кровавым дождем на склоны Кавказских гор.

Впрочем, возможно, это иллюзия, присущая литератору вера в магию слова, и все мудрецы мира не смогли бы остановить тогда нарастающую лавину народного негодования.

Давайте хотя бы мы, писатели, последуем призыву покойного ныне грузинского философа. Здесь и сейчас. В этом сборнике, изначальная и благородная задача которого – совместный поиск путей разрешения конфликтов на Кавказе. Поиск, которому нет альтернативы, если мы не хотим превратить в ад дарованную нам Богом прекрасную, благодатную, действительно райскую землю.

Лет тринадцать назад (конверт где-то затерялся) я получил из Сухуми весьма любопытное письмо:

“Глубокоуважаемый Заза Георгиевич!

Не откажите в любезности, если сочтете возможным, откликнуться на мою просьбу. Она заключается в следующих вопросах:

1. Есть ли у Вас в Ваших произведениях упоминание Абхазии и абхазского народа? Может быть, есть отдельное произведение (повесть, рассказ, стихотворение, поэма, статья, очерк и т.д.), посвященное Абхазии и абхазскому народу?

2. Бывали ли Вы в Абхазии, что о ней знаете? Каково Ваше впечатление о ней?

3. Читали ли кого-либо из абхазских писателей, кого

из них Вы знаете по сочинениям или лично? Что из себя представляют Абхазия и абхазский народ, его история, культура в Вашем представлении и восприятии?”

Далее следовало короткое пояснение, что подобные анкеты рассылаются всем членам Союза писателей, что наши ответы будут изданы отдельной книгой, а оригиналы, как “золотой фонд, будут храниться в архиве...” и т.д.

Подписывал письмо сотрудник Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа Сергей Зухба.

Внешне вроде бы ничего – письмо как письмо. Но интуитивно чувствовался в этом предложении какой-то подвох, какая-то “сверхзадача”, не совсем (или же вовсе не) соотносившаяся с обозначенной в письме целью.

Любой другой адресат запросто перепроверил бы, действительно ли получили подобные письма десять тысяч членов Союза писателей СССР, собираются ли писать ответы его друзья и коллеги. Как бы не так. Любой другой, только не грузин. Не в нашем характере акцентировать внимание на чем-то неприятном, если только можно избежать этого. Уверен, мои коллеги точно так же, как и я, запрятали это письмо в дальний угол письменного стола, подальше от глаз, а если и вспомнили о нем, то только летом 1989 года, во время упоминаемых Мерабом Мамардашвили событий.

А ведь какая затаенная обида скрывалась за этими внешне безобидными вопросами, какая уверенность, что ничего, помимо курортных интересов, не связывает грузинских писателей с Абхазией!

Вот и я вспомнил об этом письме, и, как ни удивительно, именно сейчас просится на бумагу тот текст, который следовало бы написать тогда, тринадцать лет

тому назад:

Глубокоуважаемый Сергей Ладович!

Итак, по порядку отвечаю на Ваши вопросы:

1. Не будь я критиком и литературоведом, причем исследователем именно грузинской литературы, то Ваш вопрос об абхазской тематике в моих произведениях несомненно воспринял бы как затаенный (и, кстати, справедливый) упрек. То, что в нашем языковом обиходе существует выражение – “Учтив, как абхаз”, а любимейшие герои нашей классической поэзии и прозы – абхазы, ко многому обязывает. По-моему, и грузинские, и абхазские современные писатели идут по пути наименьшего сопротивления, рисуя портреты только своих соплеменников: здесь все выверено, ясно, лучше самих себя мы никого не знаем. Но вот что касается соседей, близких или дальних родственников (не будем спорить о терминах!), тут сам черт ногу сломит – трудно перевоплотиться в живую частицу другого этноса, проникнуться его духом, его болью, его справедливыми или несправедливыми обидами, его надеждами и иллюзиями... К чести наших предков, – грузинских классиков, – они это могли. Сегодняшняя наша литература передоверила эту миссию исключительно публицистике, увы, не самого высокого уровня...

Прежде чем ответить на второй вопрос, позволю себе небольшое отступление – воспоминание сорокалетней давности: нуднейшая лекция по одной из обязательных тогда общественных дисциплин на филологическом факультете Тбилисского университета. Лектор (справедливости ради, надо сказать, без вдохновения) бубнит что-то свое, студенты тоже заняты своими делами. Я строчу конспект для семинара по современной грузинской литературе, сидящий рядом мой однокурсник – Гия

Гугушвили также готовит конспект, но по абхазской грамматике. По сей день любой человек, посвятивший свою жизнь изучению языка, обычаев и культуры малочисленного народа, вызывает у меня чувство зависти, восторга и уважения (усугубляемое моей “лингвистической глухотой”).

Чем малочисленнее народ, тем уязвимее его национальное самолюбие. Вряд ли в переводе можно уловить малейшие движения народной души, тот “центральный звук, вокруг которого собираются все остальные звуки гармонии”.

Так что же я знаю об Абхазии? Мне кажется, что много чего, а Вам, наверное, покажется, что – мало. Как человек книжный, я не могу не знать истории Абхазии, хотя бы потому, что она неотъемлемая часть грузинской истории, с искренним интересом читаю произведения абхазских прозаиков моего поколения, с особенным удовольствием – Алекси Гогуа и Джуму Ахуба. Кстати, когда Комиссия по абхазской литературе при Союзе писателей Грузии, руководимая покойным Гурамом Асатиани (тогдашним редактором “Литературной Грузии”), устроила обсуждение грузинских переводов прозы Алекси Гогуа, я был рад поделиться своими впечатлениями и с самим автором и с собравшимися в Союзе писателей коллегами.

Вы спрашиваете и о моем восприятии абхазского народа. В последние десятилетия тема этногенеза абхазов стала камнем преткновения в грузино-абхазских отношениях и явно переросла из научного в политический спор. Я намеренно не хочу касаться здесь сакраментальной темы “коренных и пришлых абхазов”. Но я, в свою очередь, тоже делю абхазов на “настоящих” и “ненастоящих”, что, думается, подошло бы ко всем

народам Кавказа, которых так или иначе затронул курортный бизнес.

В приморских городах и горных курортах Кавказа сформировался универсальный тип “курортного джигита”, как правило, коверкающего родной язык и говорящего на некоем “пиджин-рашен”. Внешне он выглядит (если позаимствовать сравнение Флобера) – как “помесь парикмахера с тореадором”, внутренне – это коктейль из советских и кавказских пороков – редкое сочетание угодливости и хамства. Будь такой тип представлен лишь абхазами, это было бы только вашей национальной проблемой. Увы, среди них есть и грузины, и кавказские наши соседи – “курортная мораль” разрушила вековые традиционные “табу” в отношениях младших со старшими, мужчины и женщины, гостя и хозяина.

Традиция, которая лепит и сохраняет национальный характер, конечно же, меняется с течением веков. У этой традиции были свои жрецы – священнослужители, учителя, конечно же, и писатели. Но что может сделать прослойка духовных наставников, когда на народ обрушивается лавина пошлости, традиционные ценности заменяются суррогатами и лжекумирами, и в погоне за “сладкой жизнью” люди один за другим разворачиваются лицом к морю и спиной к горам, своей деревне, своему очагу, своему прошлому.

Неудивительно, что мое расположение к абхазам, не утратившим ни внешне, ни внутренне своих традиционных достоинств, никак не распространяется на тех “психологических мутантов” – “манкуртов” (если вспомнить выражение Чингиза Айтматова), опасность которых так убедительно описал киргизский писатель.

Такое вот получилось “неотправленное письмо”.

Сегодня я бы добавил к нему еще несколько “пунктов”. Сперва об учителях – писателях, в данном случае. То есть – о наших коллегах.

Ну, скажите, кто из нас не повторял с неподдельным пафосом слова Достоевского о том, что все счастье человечества не стоит и одной слезинки ребенка. Увы, как только жизнь поставила жестокий эксперимент, многие из нас подпали под влияние того общественного мнения, которое сформировали демагоги с мегафонами, а не писатели-гуманисты.

В моей папке с газетными вырезками одна, восьмилетней давности, оказалась особенно актуальной. Хорватская журналистка и писательница Славенка Дракулич писала в статье “Патриоты как враги нации”: “...На Хорватию напали, и треть ее территории оккупирована. Сербское правительство проводит этническую чистку в захваченной зоне.

Проблема в том, что никому не позволено сомневаться в методах, которыми пользуется хорватское правительство для достижения некоторых целей, и в том, что мерой патриотизма стало игнорирование неприятных вопросов”.

И еще одно важное замечание: “Разумеется, меня не призывали буквально пожертвовать своей жизнью за Хорватию. Писателям и интеллектуалам нужно сделать это лишь символически. Они должны пожертвовать своей индивидуальностью и интеллектуальной честностью и безоговорочно оправдывать любой шаг правительства”.

Положа руку на сердце, можно сказать, что пресса всех вовлеченных в междоусобные конфликты кавказских стран и регионов служит наглядной иллюстрацией слов хорватской писательницы.

Свидетелями подобного “жертвоприношения” мы стали еще в 1984 году. И, как ни странно, ритуал этот совершил человек, прозванный “совестью поколения” – Фазиль Искандер. Даже сегодня, за десятилетия вдоволь насмотревшись на жестокость противоборствующих сторон как в Абхазии, так и в самой Грузии, содрогаешься, перечитывая искандеровский рассказ, в котором главный герой-абхаз, “мирный и молчаливый” пастух Махаз с упоением пьет кровь растоптавшего его честь “грузина – Шалико”.

Помните “Девичий источник” Бергмана? Теперь перенесите этот эмоциональный заряд на язык прозы и взгляните, как вместо шведских лужаек обгаются кровью склоны Кавказских гор. По-моему, это тот редкий случай, когда произведение чем талантливей, тем опасней. И по цитируемым ниже высказываниям Фазиля Искандера вы убедитесь, что он сам же осознал эту опасность.

Это всего лишь предположение, но, думаю, слова Фазиля Искандера, вынесенные в эпиграф книги Светланы Червонной “Абхазская Вандея”, продиктованы тревогой, что уже не литературные герои, а одержимые национальным гонором люди возьмутся за ножи и начнут истреблять окрещенных “врагами нации” сограждан: “Что касается абхазских проблем, то я думаю, что это, в общем-то, те же проблемы, которые стоят перед всей страной. Везде есть какой-то местный изгиб, местный колорит, но проблемы эти всегда глубоко социальные... Я не вижу здесь какого-то очень уж большого национального своеобразия. Повсюду у нас царствовали беззаконие, глупость, продажность (...), когда человека лишают социального достоинства.., то раздувается, как раковая опухоль, преувеличенное национальное

достоинство... Человеку начинает казаться, что если его будет судить судья его национальности, он будет судить более справедливо”.

Увы, роскошь произносить горькие слова прозрения, “правдивые и честные слова”, видимо, могут позволить себе лишь яркие личности. Ангажированное большинство литераторов, ученых, журналистов оставляет удручающее впечатление.

Нельзя пускаться во все тяжкие только лишь из желания принизить и очернить противника. С чувством неловкости читаешь подобные “открытия”: “Древнегрузинский алфавит создан не для современного грузинского языка, а для какого-то другого гортанного (абхазского) языка” (С.М.Ашхацава); оказывается, шедевр грузинского ренессанса поэма “Витязь в тигровой шкуре” не принадлежит перу Шота Руставели, как мы думали, и рукопись поэмы “агенты Берия выкрали из Матенадарана (хранилище рукописей в Ереване – З.А.) в 1937 году!” (Сурен Айвазян). Г-на Айвазяна, конечно же, не смутит, когда он узнает, что первое издание поэмы Руставели осуществлено царем Вахтангом VI в 1712 году после кропотливой работы над несколькими древнейшими свитками поэмы. Видимо, весь этот бред не смущает и сотрудника Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа Игоря Марыхуба, в книге которого собраны все эти “перлы”... (И.Марыхуба. “Кавказ не был первоначальной родиной грузинского народа”. Сухуми, 1999 г.)

Разве не служит идеологическим обоснованием проводимой сухумскими властями этнической чистки утверждение, что: “Грузинская диаспора в Абхазской республике использовалась в Абхазии, как “пятая колонна” единого антиабхазского фронта “Малой

империи” Грузии против Абхазии”?! “

В этой же книге жалоба в ЦК КПСС и Министерство культуры СССР, что в поставленной в Большом театре в 1977 году опере Отара Тактакишвили “Похищение луны” заимствованы абхазские народные мелодии (?!), далее – “торможение подготовки абхазских национальных кадров”... Видимо, надо опубликовать список сотен абхазских студентов наших вузов – особенно гуманитарного и творческого профиля, аспирантов, ученых, готовивших и защищавших свои диссертации под руководством грузинских коллег. Когда в книге под академическим грифом человек, называющий себя ученым (и, таким образом, относящийся социально к интеллигенции), пишет фразу “фашиствующий грузинский народ”, то так и хочется согласиться с его утверждением об “окончательной ликвидации абхазской интеллигенции в 1937 году”.

Я уверен, что настоящему абхазскому интеллигенту будет так же неловко читать подобные строки, как и мне.

Не знаю, существует ли такое выражение – “этика вражды”, но какие-то рыцарские правила поединка существовали во все времена и у всех народов. Как может Институт гуманитарных исследований выпускать книгу, в которой утверждается, что грузинской культуры фактически не существует – она слеплена из сворованных у соседей произведений, песен и танцев! “Как это было бы смешно, если бы не было столь грустно!”

Но самое грустное здесь то, что у всего этого есть прозрачная политическая подоплека – из Абхазии выдворяется не народ – исторический носитель культуры, а лишенная духовных и нравственных достоинств “пятая колонна”! Уважаемые абхазские коллеги! Может быть, устроим совместные обсуждения

подобных книг?!

Вот теперь мы вплотную подошли к вопросу о геноциде и этнической чистке грузинского населения в Абхазии.

“Этническая чистка” – отнюдь не абхазское изобретение: “Дискриминация и предрассудки являются той нитью, которая связывает воедино длинную историю религиозных и этнических чисток”, – пишет в своем исследовании “Краткая история этнических чисток” американский социолог Эндрю Белл-Фиалкоф. И далее: “В самой общей форме “этническая чистка” может быть определена как изгнание “нежелательного” населения с данной территории по политическим, стратегическим или идеологическим соображениям или по комбинации этих причин... Национализм, как своего рода современная религия, также содержит в себе квазидуховные аспекты, которые в наиболее экстремистской форме проявляются как желание “очистить” нацию от чуждых ей групп. Важное отличие современных этнических чисток от средних веков заключается в том, что население, подвергавшееся религиозной чистке, часто имело возможность выбрать обращение в господствующую веру. В случае же этнических чисток такого выбора нет, население должно уйти или погибнуть”.

Кто-то очень образно сказал – “У каждого века есть свое Средневековье”. Создается впечатление, что Средневековье на Кавказе совпало с концом второго тысячелетия. К счастью, мировое сообщество не осталось равнодушным к средневековой практике этнических чисток на Балканах, и, в какой-то мере, на Кавказе.

В рабочих документах Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, Будапештской встречи 1994 года выражается глубокая

озабоченность по поводу “этнической чистки грузин в Абхазии и нарушения территориальной целостности Грузии”. О том же говорится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (от 17 декабря 1992 г.) и Совета Безопасности ООН (резолюция 1037, статья 7), в которой сказано, что Совет Безопасности осуждает как “этнические убийства и продолжающиеся нарушения прав человека в Абхазии”, так и “любые попытки изменить демографический состав Абхазии”.

Все эти решения и резолюции остались благими пожеланиями. В цитируемом выше катехизисе абхазского сепаратизма Игоря Марыхуба цинично сказано, что грузинские беженцы вернулись туда, откуда они пришли, – в свои дома. Нет, г-н Марыхуба, свои дома они оставили в Сухуми, Очамчире, Гагра, Гудаута, куда иногда, отчаявшись, звонят и беспомощно вешают трубку, когда им отвечает чужой голос. Потом возвращаются в свои временные прибежища – пустующие больничные палаты, убогие учрежденские комнаты и обшарпанные гостиницы...

В медицине есть такое понятие – “фантомные боли”. Это когда у человека болит ампутированная рука или нога. Такой “фантомной болью” пронизаны сегодня грузины. И, несмотря на нашу природную жизнерадостность и отходчивость, наивно надеяться, что Абхазия и Южная Осетия (в последние годы в Грузии вернулись к историческим названиям этой области – Самачабло – т.е. вотчина князей Мачабели или же Шида Картли – т.е. Центральная Грузия), которые в грузинском сознании такая же неотъемлемая часть страны, как, скажем, Корсика для француза, будут восприниматься грузином иностранными государствами. Таким образом, если вообразить, что теоретически грузинское правительство,

нынешнее или будущее, способно на любой компромисс, в действительности, диапазон этого компромисса не бесконечен и, кстати говоря, грузинские власти, судя по реакции общества, подошли к крайней точке в своей уступчивости. Видимо, настала пора сделать ответные шаги и абхазской и осетинской сторонам, если только они не хотят передоверить нашим детям драму “Кавказского кровавого круга”.

Думаю, если бы в Грузии за семьдесят лет не свыклись с не свойственной нашей истории моделью унитарного устройства, то сегодня не звучали бы запоздавшим напутствием слова идеолога социал-федералистов публициста Арчила Джорджадзе: “Мы сторонники национальной автономии, союза автономных народов и провинций, одним словом, мы провозглашаем федерацию автономных народов”. Написаны эти слова в 1911 году!

В силу многих причин я не отношусь к категории людей, во всех бедах усматривающих “руку Москвы”, но любой непредвзятый исследователь грузино-абхазских и грузино-осетинских отношений увидит отчетливый след, оставленный или непосредственно этой рукой или большевизмом как идеологией.

Исторических примеров предостаточно: “...8 июня в Южной Осетии провозглашена Советская власть, – телеграфируют в Москву Ленину и Чичерину южноосетинские большевики, – у коммунистических отрядов Южной Осетии истощились все патроны. Большой недостаток в пулеметах, нет ни одного орудия. Между тем, если бы у повстанцев было бы достаточно названных материалов, похабное правительство Грузии было бы быстро и решительно ликвидировано”. Еще цитата из другой телеграммы от 8 июля того же, 1920

года – “Восставшая Южная Осетия – это часть Советской России...”! (Как все это походит на события 1989-1993 годов!!!)

Такое ощущение, что лидеры абхазского и осетинского сепаратного движения в своем стремлении отсоединиться от Грузии и в начале двадцатого века, и в конце его не боялись уготовить своим соплеменникам участь убыхов и еще десятков народов и народностей, бесследно исчезнувших в огромном, интернациональном котле русскоязычной среды.

В цитируемой выше статье Мераб Мамардашвили писал об обрусении абхазов, но его горькие слова можно отнести и к осетинам: “Разве их обрусение не является несчастьем, которое не может не переживать грузинский интеллигент? Является, так как это растление и уничтожение традиционно сформировавшейся Кавказской расы...”

Я говорил об обрусении – к сожалению, подобное обрусение не значит, что абхаз приобщается к великой русской культуре. Вовсе нет, от этой великой культуры отчужден сейчас собственно русский народ. Поэтому приобщаются к той “культуре”, которую еще Салтыков-Щедрин окрестил именем – “Господа ташкентцы”. Это общероссийская накипь, которая не соотносится ни с одной исторической русской клеткой и властвует над пространством со своим языком. Это даже не русский язык – это язык “управдомов”, которым в произведении Булгакова заговорил искусственно выведенный человек Шариков. Вот что воспринимают абхазы и осетины”.

Кровью обливается сердце, когда маленький, очаровательный кавказский мальчик на вопрос – “Кем ты хочешь стать?” – бесхитростно отвечает: “Русским!”. Я намеренно не уточняю этнос этого мальчика. И потому,

что не хочу причинить излишнюю боль его соплеменникам, и потому, что эта боль и эта драма не ограничивается каким-либо одним этносом на Кавказе.

Я, естественно, пишу о Кавказе, его проблемах, но, честно говоря, убежден, что эти проблемы, в той или иной степени, актуальны для всего постсоветского пространства.

В те годы, когда религия притеснялась советской властью, мы тешились иллюзией, что возрожденная церковь изменит общество. Настали новые времена – церковь возродилась. И что же? Все стали верующими, но общество осталось безбожным.

Описание подобного “безбожного общества” уже существует, и было бы грешно не вспомнить здесь эту картину: “Когда люди становятся безбожными.., правительства становятся беспомощными, ложь безграничной, долги бесчисленными, переговоры безрезультатными, объяснения бессмысленными, политики бесхарактерными, христиане безбожными, церкви бессильными, народы непримиримыми, нравы распущенными, мода бесстыдной, преступления безмерными, конференции бесконечными, перспективы безутешными”.

Антуан де Сент-Экзюпери, перу которого принадлежит этот блестящий пассаж, конечно же, не имел в виду ни Грузию, ни другие страны Кавказа. Поучительное для нас (а возможно, и обнадеживающее, несмотря на “безутешные перспективы”) то, что у всех стран были времена “безбожных обществ” – у одних раньше, у других – позже, и мы можем проследить пройденный ими исторический путь от “безбожного общества” – к гражданскому, демократическому. Самокритичные, рационально или трезво мыслящие народы проходили

этот путь за годы или десятилетия, консервативным этносам понадобились столетия!

Если оставить в стороне исторические примеры и беспристрастно взглянуть на действительность, то, думается, в наших странах все еще не сформировалась независимая от этнической принадлежности гражданская общность. А это значит, что, соответственно, нет действенного гражданского сознания – самого надежного гаранта и государственных, и личностных интересов. Это продемонстрировали и Сумгаит, и Степанакерт, и Цхинвали, и Сухуми, и Владикавказ, и Черкесск, и Грозный.

До того, как заново сесть за стол переговоров, всем нам, думаю, следует поговорить самим с собой. Определить собственную долю вины во всем случившемся, и лишь потом говорить о коварстве врагов и влиянии внешних обстоятельств. Жажда мести тут плохой советчик.

Мои слова звучали бы идеалистическим призывом, если бы в Грузии не было политиков, писателей, журналистов молодого поколения с таким видением нашей общекавказской драмы.

Один из них – молодой сухумский писатель Гурам Одишария, автобиографическая проза которого – пример начавшегося после абхазской трагедии катарсиса. Он одним из первых заметил, что “...Война началась в Тбилиси, на проспекте Руставели, и закончилась в Абхазии” ; что успех оппозиции, силой оружия изгнавшей пусть ненавистного ей радикального, непредсказуемого, но законно избранного президента Гамсахурдиа, породил в обществе, и без того не отличавшимся особым законопочитанием, культ “человека с ружьем”, культ силы и вседозволенности, иллюзию всемогущества и

безнаказанности – “Победителей не судят!”. (В дальнейшем оказалось, что, вопреки этой пословице, не судят и побежденных!)

Вот отрывок из недавнего интервью Гурама Одишария: “Я получаю письма от нескольких абхазских коллег, читающих мои книги. Они также посылают мне свои. У меня родилась идея собрать все, что написано абхазами о наших добрых отношениях, присоединить к этому написанное мною и издать, так как у литературы свой язык, так как культура стоит над политикой... Люди, в отличие от политиков, всегда находили общий язык. У сорока процентов абхазов или мать грузинка, или жена, или бабушка...”

Когда мне приходится беседовать с политиками или же на официальных встречах, я часто повторяю: помирятся бойцы, даже криминалы находят общий язык, вот только политикам трудно разговаривать друг с другом...”

Для меня небезразлично, что русский перевод прекрасного, основанного на достоверном случае рассказа Гурама Одишария “Племянник” издан отдельной книгой с моим послесловием. (Так же, как и его предыдущая книга – “Возвращение в Сухуми”.)

Если бы многие грузинские, абхазские, осетинские коллеги по перу Гурама Одишария обладали его интеллектуальной честностью (не говоря здесь о писательских достоинствах), то межэтническая, осознанная писательская и журналистская солидарность была бы действенным заслоном любому проявлению национального экстремизма. Увы, как правило, газетные публикации подливают масла в огонь, и мне, к примеру, в который раз приходится краснеть, читая цитируемые “боевые призывы” ныне покойного, совершенно мирного и малоприметного в быту критика, опубли-

кованные в 1988 году в нашей писательской газете. Не случайно отмечаю здесь год. В обществе, не имевшем традиции свободной печати (в том числе, и грузинском), свободе слова не всегда сопутствовала ответственность за “публичную речь”. Долгожданная возможность высказаться (а иногда и немного покрасоваться “вольнодумием” или же “смелостью суждений”) всколыхнула массу людей – от отставных партработников до вмиг “охристианившихся” преподавателей атеизма. Все они “более роялисты, чем сам король”, и если, скажем, речь идет об абхазской трагедии, то, конечно же, – более сведущи, более уязвлены, более категоричны, чем тот же Гурам Одишария!

В конце этого сентября грузинская пресса, отмечая печальную, седьмую годовщину поражения в Абхазии, была полна леденящими душу подробностями времен грузино-абхазского конфликта. В своей статье, как вы убедились, я намеренно обошел эту тему. Не потому, что не хочу шокировать изнеженного европейского читателя ужасающими сценами, а потому, что этот текст, конечно же, будет опубликован и на грузинском языке. Какой импульс даст читателю еще одно напоминание о том, как абхазские боевики заставляли мирных грузин есть собственные отрезанные уши?! (Это из вчерашней газеты. Завтрашняя вспомнит еще более ужасающие сцены, описанные убитым позднее в Москве журналистом Дмитрием Холодовым.) Так, повторяю, что это даст?! Породит уже грузинского пастуха Махаза и заставит его взять в руки отточенный нож? Это тропа войн! Тропа, по которой однажды мы уже бесславно прошли. Если наши абхазские и осетинские коллеги вновь и вновь возвращаются к своим “Белым книгам” – о злодеяниях грузинского ополчения, то в основе всего этого, без сомнения, боязнь, что время лечит раны, что

“образ врага” может поблекнуть и концепция невозможности совместного проживания с “агрессивными грузинами” потеряет под собой почву.

Видит Бог, меня и как писателя, и как человека возмущает любое злодеяние, независимо от этнической принадлежности преступника и жертвы. Если же говорю об отравленных приманках, с готовностью заглатываемых в свое время и грузинами, и абхазами, и осетинами, и армянами, и азербайджанцами (не буду перечислять остальные народы Кавказа), то только лишь потому, чтобы эти горькие уроки не прошли даром.

А впрочем, иногда думаешь, что прав был великий русский историк В.Ключевский, писавший: “История никогда не учит, она только наказывает за незнание своих уроков”.

Но вернемся к затронутой теме. Кто может быть более осведомленным в неафишируемых делах КГБ, как не его бывший председатель? Так вот, по свидетельству Вадима Бакатина, создание “интернациональных фронтов” в “строптивных” союзных республиках ставило своей целью: “раскол общества в этих республиках на два непримиримых лагеря – действовала схема: не хотите подчиниться – получите интерфронт, который приведет к забастовкам, поставит вопрос о границах республики и законности избранных там органов власти”.

В сборнике “Этнополитические конфликты” (Международно-правовые аспекты и конституционные основы их разрешения на примере Абхазии), выпущенном в Тбилиси Международным центром по конфликтологии и стратегии переговоров, сформулирована разделяемая сегодня многими в Грузии оценка событий 1992-1993 годов:

“Государственный Совет Республики Грузии, постановивший 10 августа 1992 г. для охраны автомо-

бильных и железнодорожных магистралей вести определенный контингент войск в Абхазию, несет свою долю ответственности за последующее развитие событий. Им была проигнорирована взрывоопасная обстановка, требования более взвешенного и осторожного подхода. Но поддавшись давлению “ястребов”, занимавших тогда ключевые позиции в Совете, он дал спровоцировать и втянуть себя в конфликт”.

Сам президент Шеварднадзе был более резок и самокритичен: “Допущена вопиющая безответственность со стороны тогдашнего министерства обороны. Но, естественно, и Шеварднадзе не может снять с себя всю ответственность”.

Газеты заполнены интервью с бывшими членами Госсовета, которые обвиняют друг друга (в том числе и президента) во всех смертных грехах.

Я не хочу и не могу быть судьей в этом споре. Тем более, что мог бы не колеблясь подписаться под статьей, в которой сказано: “Для грузинского общества характерен один недостаток: оно сперва само создает определенные “доминанты”, а потом заставляет политиков и правительство действовать в соответствии с этими доминантами. Всякое “отклонение” объявляет национальной изменой, но затем не желает само нести ответственность за логические последствия этого процесса и стремится взвалить всю вину на какого-либо политика”.

Жизнь никогда не стоит на месте – с каждым ушедшим днем разрешение абхазской и осетинской проблемы на йоту отодвигается или приближается к нам. Самым непосредственным образом решение этих проблем связано с нами самими, со становлением, лицом нашего государства. Если мы не станем государством, в котором “властвуют законы, а не люди”, государством,

от которого не сбегают в поисках лучшей доли, а у которого, наоборот, просят приюта и защиты; если мы не создадим действительно гражданское общество со всеми вытекающими отсюда благами и гарантиями, то мы вряд ли достигнем какой-либо значимой цели – в том числе и восстановления территориальной целостности Грузии.

Несмотря на весь печальный опыт прошедшего десятилетия, хорошо зная историю своей страны и потенциал грузинского характера, я верю, что эта цель достижима.

Невеселые, в общем, размышления всегда хочется завершить оптимистической нотой. Скажем, строкой из Булата Окуджавы: “Возьмемся за руки, друзья!”. Сегодня такой оптимизм звучал бы фальшиво и неискренне. Возможно, когда-либо в будущем мы скажем и это. Но до того, как просто протянуть друг другу руки, без патетических клятв и заверений в вечной дружбе, как минимум надо отложить в сторону автомат.

По утверждению антропологов, Кавказ – среда обитания древнейшего человека – Человека Разумного.

Все эти последние годы Homo Bellator – Человек Воюющий вытесняет из кавказского ареала действительно разумного человека.

У каждого из нас свое, возможно, во многом схожее понимание писательского долга, нашей роли в кавказской драме. В одном я точно не сомневаюсь: Homo Bellator не будет символом XXI столетия лишь для того общества, которое сможет “сочетать верность собственным символам со свободой ревизии этих символов”, которое пройдет нелегкий путь катарсиса и прозрения – от декларированной властями свободы к той истинной, нравственной свободе человека и народа, о которой писал Хосе Марти.

Марина МЕДЗМАРИАШВИЛИ

СНЫ И ЯВЬ ВОЛШЕБНИЦЫ ГАЯНЭ

В Москве в галерее “Нащёкинский дом” прошла выставка произведений тбилисской художницы Гаянэ Хачатрян. Полотна Г.Хачатрян украшают частные собрания и музеи в Грузии, Армении, России, Франции, Италии, Швейцарии... О картинах Г.Хачатрян трудно рассказывать общепринятыми словами, настолько они эмоциональны и фантазмагоричны. Художница дает им поэтические и удивительные названия: “Встреча ангела с плавающей ночью”, “Шествие под шорох черной сливы”... Необычность картин Г.Хачатрян определила форму отклика на впечатление от ее творчества.

Есть удивительный город на свете. Когда-то давно в нем жили веселые люди: красивые юные женщины вплетали светлячков в длинные косы дочерей, радостными голосами окликали играющих во дворах сыновей и развешивали на кружевных балконах пестрые ковры; гордые мужчины пили искристое вино, дружили со львами и жирафами и рисовали их портреты на стенах.

По ночам окна города вспыхивали миллиардами огоньков, а в садах переливались пурпурные плоды граната, солнечная хурма, перламутровые сливы и вишни... Под звуки шарманки и зурны до рассвета кружились белые карусели – пугливые лани, грациозные пантеры и львы бесшумно скользили по хрустальным мостовым... Привлеченные звуками музыки и сверканьем плодов и огней, глубокой ночью порой слетались в

город феи. Они заглядывали в колыбельки новорожденных и оставляли им волшебные подарки: звонкие голоса, чуткие сердечки, радостные улыбки, а кому-то и шкатулочки с разноцветными красками или маленькие певчие свирели и скрипочки.

Одной из таких майских ночей в городе родилась девочка, и счастливая мама назвала ее ласковым и нежным именем – Гаянэ. Волшебница-фея осторожно вложила в ручки девочки большую сверкающую луну. Ах, какой это был чудесный дар! Где бы ни была маленькая, а потом уже и взрослая Гаянэ, он везде и всегда освещал таинственным светом ее путь, нашептывал ей прекрасные истории и самым волшебным способом показывал ей то, чего не мог увидеть никто другой: королев на белых лошадях, ангелов и красавиц в нарядах из пламенеющей готики, животных с говорящими глазами и таинственные процессии, шествующие под шорох одинокой черной сливы...

Время крутит свое веретено, звенит серебряная нить. Куда ушли, уплыли, в какой клубок свились те чудесные годы, те улочки, дворы, те песни и улыбки?

Беспечных жителей города околдовал то ли злой дэв из сказки, то ли стоглавый дракон-невидимка. Он отнял у них прозрачные родники, радугу на небе, огоньки в домах... Феи с небес уже не могли разглядеть погруженный во тьму безголосый город и пролетали мимо, мимо, мимо... Прекрасные красавицы превратились в тоскливых старух, а певчие птицы и большие бархатные бабочки подхватили маленьких детей и унеслись с ними прочь, на чужбину.

Ах, каким холодным и серым стал город!

Больше не метут на рассвете его улицы шумные женщины в пестрых одеждах, студеный ветер носит

обрывки старых афиш и сморщенные листья, злобно пищат в подворотнях серые крысы.

Но не бойтесь! В каждой сказке, даже самой печальной, есть счастливый конец. Не бойтесь! Если вы пройдете по опустевшим улицам и подворотням, то вам обязательно повезет, и вы найдете в городе дом-башню. Еще немного – разбитые ступени, темные коридоры (захватите с собой в путь свечу), тонкая дверь в стене – толкните ее... И вот оно – чудо! В бедной каморке под низким потолком висит и светит луна, подаренная феей маленькой Гаянэ. Она освещает все вокруг и вновь на больших холстах под кистью Гаянэ оживают и поют прекрасные женщины, королевы продолжают свою бесконечную прогулку, а львы и пантеры смотрят человеческими глазами. Здесь, здесь вновь развилась серебряная нить из клубка времен, и никто, никакой дракон не сможет прервать ее движенья. Из рук волшебницы-Гаянэ вьется нить все дальше и дальше и дарит радость, свет и чудесные сказки тем, кто умеет видеть.

Гуранда РОБАКИДЗЕ

ИЛЛЮСТРАТОР ГРУЗИНСКИХ СКАЗОК

В искусстве известного художника Беллы Бердзенишвили важное место занимает художественное оформление книги, в котором проявилась особая ее приверженность фольклорному искусству. Она глубоко осмыслила мир грузинской народной сказки.

Иллюстрации, исполненные Беллой Бердзенишвили, характеризуются подчеркнутой декоративностью. Приемами изобразительного искусства художник пытается передать дух, атмосферу и характер, который так или иначе был бы адекватен тексту.

Из серий, оформленных художником сказок, самой ранней является “Завистливый брат” (издательство “Накадули”, 1971 г.).

Сказка оформлена от начала до конца; обложка книги, шмуцтитул, заставки, концовки и семь иллюстраций исполнены на белой бумаге пастелью и гуашью. На каждой странице повторяется название сказки, из фрагмента окошка выглядывает очень суровый, хмурый мужчина – главный персонаж, в частности, злой, завистливый брат...

В первой иллюстрации представлена характеристика бедного брата. Это – своеобразное изобразительное “вступление” в текст сказки. Композиция очень лаконична. Иллюстрация контрастна по отношению к иллюстрациям, изображающим семью богатого брата, где сразу заметно “изобилие”, материальное благополучие, и соответственно радостное довольство.

Автор иллюстраций целиком загрузил лист фигура-

ми скорее условно-схематического типа: птицами, бытовыми предметами... Композиция своим мажорным цветовым решением создает также радостное настроение. Иллюстрация уравновешена и хорошо упорядочена. Здесь условные мотивы в большинстве случаев являются плодами фантазии самой художницы.

Остальные иллюстрации представляют собой как бы продолжение действия сюжетной линии сказки. Третья иллюстрация расположена на странице широко и свободно.

Четвертая же построена на контрастах ярких эмоциональных настроев. Однако сделано это как бы с наивной простотой. Ёлка и висящие на ней игрушки придают рисунку “сказочный” вид. Видна необычная фантазия художника – все напоминает “сновидение”. Иллюстрация занимает весь лист безо всякой рамки “во всей широте” и “распространенности”.

Завершающая иллюстрация сказки в какой-то мере “драматична”: передается беда, выпавшая на долю злобного брата: ведь весь его дом сгорел в огне. Это ощущение “трагичности” усиливается сильным красным цветом “орнаментизированного” пламени.

Художнице прекрасно удается работа над форматом. В композиции белизна бумаги исполняет свою роль и несет на себе художественную нагрузку.

Автор рисует рядом две разные сцены, а белый незагруженный листок приобретает значительность. Динамика достигнута простым построением, хотя “внутри” общего абриса присутствует момент перегруженности фигур и орнаментов, но координация, однако, в целом осуществлена убедительно.

Автор иллюстраций глубоко осмысливает дух народного творчества, в частности сказки, опираясь на наци-

ональные традиционные корни.

Превосходно оформленной книгой представляется и грузинская народная сказка “Кто дело сделал, тот да ест” (Издательство “Накадули”, 1973). Обложка книги оформлена с выразительной простотой.

Первая иллюстрация описывает тот момент сюжета, когда бедная мать с сыном и единственным быком работают, не покладая рук. Текст и здесь занимает малое место, и иллюстрации дан “простор”.

В следующих иллюстрациях цветовая гамма светла и как бы выявляет сюжетную линию сказки. Они привлекают наше внимание мажорным цветовым строем, лаконичностью “ирреальной” сказочной среды. Тут нет выделяющей рамки. Композиция свободно “раскрывается” на бумаге; иногда правда движение статично, сковано, обобщено, а среда в какой-то мере “идеальна”. “Небывалые” в реальности растения, дерево или птицы создают “нездешний” мир.

Этот мир близок Белле Бердзенишвили и, естественно, она легко “воссоздает” сказочную обстановку. Это – ненавязывающая себя художественная версия, рассчитанная на зрителя, так как в конечном счете все обосновано миром фольклора, в том числе и предметным.

Художница оформила также книгу “Около ручейка белые камни” – издательство “Ганатлеба”, 1974 г. (автор Марго Томадзе), оформлено пять легенд, книга же содержит – тридцать шесть.

Лиричностью, тонким цветовым решением отличается иллюстрация “Увезли Тamar”. Прекрасная Тamar стоит у ручья. Она погружена в грезы, и пышная природа вокруг создает ее фигуре динамичный фон.

С этой иллюстрацией контрастно сопоставляется

иллюстрация “Зов из пропасти”, которая исполнена своеобразного драматизма. В легенде рассказывается об Иоанне, авторе Кинцвисского ангела, чью любовь отвергли, и он бросился в пропасть (“Кинцвисский ручей”).

Сюжет легенды художница передает очень лаконично; фигура Иоанна и ангела контрастно противопоставляются друг другу. Темно-зеленый, коричневый, черный, голубой цвета дают полноту напряжения, а светло-зеленый и бирюзовый тона, наоборот, создают спокойное настроение. Своей лаконичностью поражает иллюстрация легенды “Бахмаро”. Она занимает малое место на “огромном” белом листе. Глубоко схвачен трагизм события: темно-зеленый, черный тона и “пламенный” красный цветок подчеркивают настроение. Легенда рассказывает о грузинской княжне Маро, славившейся своей красотой, турки убили ее и ее кровью написали на ручейке “Смотрите – это ваша Маро”, по-ихнему – “Бахмаро”.

Художник Белла Бердзенишвили – оформитель грузинских сказок, изданных и на немецком языке (издательство “Ганатлеба”, 1977 г.). Она часто использует орнаменты, стилизованные рисунки зверей, цветов. Фигуры человека, зверей – тигра, лисы, петуха переданы очень просто и воспринимаются свободно. Художник как бы исходит из чисто “детской” фантазии.

Есть у художницы и ранее оформленная книга (1965 г.). Это грузинские народные стихи: “Мзео, амоди, амоди” (“Солнце, взойди, взойди”). Всего ею оформлено девятнадцать стихотворений.

В этих иллюстрациях доминирует единая цветовая гамма, которая состоит из темных, но интенсивных цветов.

Сборник начинается стихотворением “Ачу-ачу цхено” (“Но-но, лошадка”) Простое, однострофное стихотворение художница оформила так, что иллюстрация получила “повествовательный” характер. Лица и фигуры воспринимаются целостными цветовыми силуэтами.

Точно такое же радостное настроение передано в стихотворении “Киклико мамало” (“Петушок”), которое отличает изящное композиционное решение и яркий цвет. Этим делает его привлекательным и запоминающимся.

Рафинированный характер линии демонстрирует иллюстрация “Февраль”. Линия лаконична, эластична, ясно переданы тонкость и лиричность.

“Народностью” и поэтичностью отличается иллюстрация стихотворения “Мак и юноша”. Колорит интерьера народного “дарбази” (“главной комнаты”) и его привлекательность переданы в иллюстрации “Приглашение к знанию”. “Дедабодзи”, старинная мутака, пандури и многие бытовые предметы создают спокойствие, интим, уют.

Иллюстрации, исполненные Беллой Бердзенишвили, представляются как “красивые живописные рисунки”. Их внутренняя структура познается при углубленном созерцании.

Рисую персонажи, художница порой прибегает к юмору, а порой и к гротеску, но при этом не теряет чувства меры, так что никогда не выпадает из контекста. С одной стороны, в иллюстрациях имеется весьма условное “указание” на окружающий мир, а с другой стороны, учитывается очень четкая, конкретная направленность текста, содержания произведения. Все это придает иллюстрации как эстетически привлекательный

вид, так и четко функциональную роль и определяет тот “бытовой” вид, который стал почти “музейным” явлением.

В иллюстрациях очень хорошо заметна цветовая интенсивность, но соотношение текста и иллюстрации сбалансировано. Видно, что художник очень хорошо разбирается в специфике иллюстрации и выбирает такое цветовое решение, которое своей “ровной яркостью” соответствует той или иной сказке. Это и есть как бы “фольклор” изобразительный, а не словесный. В действительности же, конечно, рисунки лишь исполнены на фольклорную тему: приверженность Беллы Бердзенишвили к народному искусству совершенно очевидна.

Хотя художественное оформление книги и было государственным заказом, но в каждом из оформленных художницей произведений видна не только просто ответственность, а нечто несравнимо более важное, сущностное. Ведь эти работы выполнены на высоком художественном уровне; в них чувствуется творческий подход к жанру и безошибочный профессионализм. Поэтому данные иллюстрации представляют собой важный этап в творчестве художника. Они воспринимаются как “миниатюрные шедевры”.

Лиана ТАТИШВИЛИ

“ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ!”

Вдохновители

Под эгидой ОБСЕ вышла в свет книга “Защита будущего. Кавказ в поисках мира”. Спонсоры издания – правительства Швейцарии, Германии, Австрии, Норвегии, Лихтенштейна. Редакторы – Фраймут Дуве, представитель ОБСЕ по свободе печати, и Хайди Тальявини, личный представитель по Кавказу австрийского председателя ОБСЕ. Для Фраймута Дуве это уже второй опыт участия в подобном издании. Он редактировал книгу “В защиту будущего: на минном поле”, которую составили эссе писателей и интеллектуалов из стран бывшей Югославии.

В книгу “Кавказ в поисках мира” вошли очерки и статьи азербайджанских, армянских, грузинских, осетинских, абхазских, карачаево-черкесских, адыгейских, дагестанских ученых и литераторов, которые рассказывают о своем субъективном восприятии жизненных реалий. Среди авторов книги также ученые и литераторы из Женевы, Петербурга и Москвы, те, кто не остался равнодушен к острейшим проблемам, раздирающим Кавказ.

Следует отметить, что координатором проекта и его составителем является литературный критик из Москвы Наталья Иванова.

Издание поделено на главы, названия которых сами

по себе символичны: НАДЕЖДЫ, СОМНЕНИЯ, ДИАГНОЗ, ПРОГНОЗ, РАКУРС. Статьи предваряет вступительное слово Фраймута Дуве “Кавказ: усилия по укреплению мира” и Хайди Тальявини “Трудно быть посредником”.

Фраймут Дуве в своем предисловии предупреждает: “... ожидающий получить четкую и однозначную картину будет разочарован – даже все статьи в совокупности не раскрывают перед нами какой-то конечной истины о Кавказе”. И тем не менее подобное издание, несомненно, шаг в направлении сотрудничества и будущей стабильности. Говоря о трудности роли объективного, беспристрастного посредника, Хайди Тальявини отмечает, что участники конфликта видят происходящее через призму собственной трагедии и, хотя чуткость и сочувствие всегда понимаются, они, к сожалению, “слишком редко ведут к конкретным результатам... И все же я пришла к убеждению, что только личная ангажированность, убежденность в правильности нашей миссии, ясное направление во всем, что ты делаешь, готовность к жертве, готовность пойти на профессиональный риск во имя гораздо более важного дела – блага других людей – приносят в конце концов успех”.

Участники

НАДЕЖДЫ. В этой главе своими мыслями с читателями делятся армянский писатель Грант Матевосян, с которым беседует переводчица художественной литературы Анаит Баяндур, азербайджанский писатель Анар, директор грозненской школы Рамзан Айдамиров, журналист из Южной Осетии Коста Дзугаев и писатель Фазиль Искандер.

Грант Матевосян считает, что интеграция – путь ра-

зума. Бывшие закавказские республики, на его взгляд, – это единый организм с общим кровообращением. Как и его собеседница, он видит Кавказ свободным от войн, придерживающимся нейтралитета. Но когда сбудутся эти надежды? “Мы сейчас в роли учеников”, – считает армянский писатель.

Большую надежду на решение болезненных вопросов Анар возлагает на культуру, литературу и искусство, духовную деятельность в целом. Он вспоминает небольшую пьесу классика азербайджанской литературы Джалиля Мамедкулизаде “Кяманча”, в основу которой легли события начала XX века, когда тоже имели место азербайджано-армянские столкновения. Вооруженный отряд азербайджанцев останавливает в горах одинокого старика-армянина, которого все знают как замечательного исполнителя на кяманче. Перед смертью ему предлагают сыграть что-нибудь. И печальные звуки кяманчи пробуждают в опаленных горем и тоской душах воинов самые благородные чувства, и они отпускают старика на все четыре стороны. “ У каждого народа есть такой инструмент, способный затронуть самые сокровенные струны очерствевших сердец...” – уверен Анар.

“Дети в Грозном: надежда на будущее” – отрывки из дневника директора одной из школ в Грозном Рамзана Айдамирова. Читаешь эти строки, и сердце сжимается от тоски и ужаса – “война проявляет худшие качества человека: жестокость, кровожадность, алчность, цинизм.” Читаешь эти строки и восхищаешься мужеством простого учителя, на фоне дымящихся руин мечтающего о компьютерном классе. И несмотря на зачистки (страшное слово!), голод, холод, отсутствие элементарных условий для жизни и учебы, веришь – будут в Грозном компьютерные классы, когда есть там такие

мудрые учителя.

Первоочередной задачей южных осетин Коста Дзугаев считает урегулирование грузино-осетинского конфликта и осетино-осетинскую интеграцию. Уважать ту или иную точку зрения не значит разделять ее. То есть первая часть этой задачи мне близка и вполне понятна, но что касается второй ее половины — как, хотелось бы знать, представляют ее себе автор? В своей статье он не дает на этот вопрос ответа, хотя отмечает, что отдельно — это нерешаемая задача.

Художественное слово талантливого писателя всегда весомо, емко и впечатляюще. Зарисовка Фазиля Искандера “Люди и гусеницы” не оставила меня равнодушной. Грузино-абхазская война — это наша общая боль, и, уж поверьте, она была неожиданной не только для “абхазской стороны”, если, конечно, под “стороной” подразумевать простых нормальных людей, а не грязных политиков.

СОМНЕНИЯ. В этой главе объединены статьи грузинского критика, главного редактора журнала “Литературная Грузия” Зазы Абзианидзе, поэта, главного редактора литературного журнала “Алан” Билала Лайпанова, писателя из Южной Осетии Нафи Джусойты, ректора Армяно-русского славянского университета Левона Мкртчяна, абхазского прозаика Алексея Гогуа.

“Номо Bellator” Зазы Абзианидзе, на мой взгляд, несомненно, украшение сборника. Умная добрая интеллигентная статья проникнута оптимизмом. Автор верит, “Номо Bellator”, т.е. человек воюющий не будет символом нового века, если общество окажется в состоянии сочетать верность собственным символам со свободой ревизии этих символов.

Билал Лайпанов убежден, что будущее России будут

определять два фактора: экономика и национальный вопрос. “Каждый народ имеет право на свою Родину, на свой язык, на свою самобытность, на свободу и независимость, то есть на достойную жизнь,” – считает автор.

Нафи Джусойты в своем “Послании друзьям в страну безмолвия” поднимает проблему будущности национальных языков малочисленных народов Кавказа. “И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть”, – вспоминает он строки Расула Гамзатова. Но и этой проблемы не решить без солидарности народов Кавказа. А солидарность, считает Нафи Джусойты, может стать внушительной силой лишь в случае мира, доверия и взаимоуважения между народами.

Левон Мкртчян считает, что спасение Кавказа (да и не только Кавказа) в дружбе. Никогда не решить своих проблем тому, кто в своих бедах винит другого. Была в Грозном площадь Дружбы народов. И стоял на той площади памятник чеченцу, ингушу и русскому. Ныне эту площадь называют площадью трех дураков. “Льется кровь, – пишет Левон Мкртчян, – а “умники” шутят. Я же (можете и меня считать дураком) надеюсь на этих самых “трех дураков”: они (и только они), если смогут стоять вместе до конца, принесут мир и согласие утопающей в крови Чечне, мир и согласие всему Кавказу”.

Алексей Гогуа убежден, что пришло время собирать камни. Но понимает он это весьма своеобразно. Говоря о “едином кавказском духе”, “общей кавказской расе”, он отказывает в праве называться кавказцами грузинам, армянам, азербайджанцам. “Говоря о Кавказе, – ничтоже сумняшеся утверждает он, – я ограничиваюсь исключительно так называемыми горскими народами или

собственно кавказскими народами, занимающими почти весь Большой Кавказ, и маленькой, еще не признанной республикой Абхазией, близкородственной с ними генетически, по культуре, языку, духу, судьбе. Втискивать (!) в эти рамки народы бывших закавказских союзных республик, ныне суверенных государств, хотя они и входят в число “лиц кавказской национальности”(?!), видимо, неправомерно. Даже не потому, что они в разное время принимали участие в укрощении и подавлении горских народов Кавказа, а потому что каждый из этих народов самостоятельно выходит на общечеловеческое духовное и правовое пространство, у каждого из них свои сугубо самостоятельные задачи и намерения, а если у них есть трудности и проблемы – а они, конечно, есть, – то они прямого отношения к сугубо кавказским проблемам и задачам не имеют”. После подобного рода сентенций, которыми, кстати, изобилует статья Алексея Гогуа, рассуждения о том, что “человечество должно быть великим содружеством народов”, что “когда человечество научится относиться к каждому народу, как к своему любимому неповторимому дитя, оно приобретет свободу” и пр. воспринимаются как неискренние голословные утверждения.

ДИАГНОЗ. Сюда вошли статьи грузинского социопсихолога Георгия Нижарадзе “Мы – грузины”, кандидата экономических наук Леопольда Качалаева-Панича из Дагестана “Область беспокойного внимания”, писательницы и журналистки из Абхазии Надежды Венедиктовой “Моделировать историю: кавказский вариант”, прозаика из Северной Осетии Алана Черкесова “Какого цвета черное?” и абхазского историка и литератора Станислава Лакобы “Сны Кавказа”.

Статья Георгия Нижарадзе – это полемические, как

он сам определяет, заметки по поводу некоторых социально-психологических аспектов грузинской культуры. Определяя пространство ответственности грузинского характера, автор рассматривает метаморфозу, которую претерпел он в советское время, и перспективы его существования в новых условиях...

“Взгляд из Дагестана” – таков подзаголовок статьи Леопольда Качалаева-Панича. Рассмотрев кавказский узел противоречий, автор делает попытку диагноза: “нет центральной доминирующей идеи, опирающейся на универсальные правовые стереотипы”. Поэтому современное состояние духовно-нравственной сферы кавказского региона автор оценивает следующим образом: “хаотический плюрализм с понижением роли универсальных абстрактных символов и регламентаций”. Помимо ближайшей цели – нормализации жизни в регионе – автор считает возможным определение перспективной сверхзадачи: “Осуществить здесь уникальный опыт совместного дружественного проживания разных народов, сочетания различных религий, сопряжения традиций Востока и стандартов Запада, органического соединения благородных обычаев прошлого и норм современной цивилизации”. Но для ее осуществления, убежден автор, потребуется “совокупное духовное усилие многих и многих...”

Надежда Венедиктова предлагает принципиально новую стратегию совместного выживания на Кавказе – “Кавказ должен отрефлексировать свое будущее, чтобы сделать его рационально убедительным и эмоционально комфортным для сознания, брошенного в хаос резкого перехода из одной социально-общественной системы в другую”. Надежда Венедиктова показывает, как это, на ее взгляд, должно выглядеть на практике, и заключает:

“Этот вариант исторического развития требует от кавказских народов умения мыслить здраво, концептуальной смелости и политической воли”.

Статья Алана Черкесова также имеет подзаголовок: “Данные заметки – не столько размышления о войне в Чечне, сколько заметки о том, что этой войне сопутствует, о том, что “воюет” за пределами этой республики, говоря и рассуждая об этой войне. Это заметки о том, что такое война там, где даже не рвутся снаряды...” Рассуждая о терроре, страхе перед ним, о двойных стандартах в политике и цинизме СМИ, не только российских, но и западных, автор называет “главную беду, которая сегодня мучает Россию непрерывной злобной тоской по несостоявшейся справедливости. Я говорю о Недобром Сознании. Том самом, что подспудно ищет повсюду врага и готово принять за него даже тех, кто врагом быть не хочет. Такое сознание – благодатная почва для всякой смертельной заразы...”

Статья Станислава Лакобы пронизана ностальгией по давно ушедшим временам, когда Абхазию называли “Кавказской Швейцарией, ущелья делали ее частью Кавказа, а море связывало с мировыми цивилизациями”. Автор задается извечными вопросами – почему? Зачем? Кому это нужно? В чем провинился наш народ? И заключает – “мы сами во многом виноваты”. Как хочется верить ему, потому что в своих бедах винить прежде всего следует самих себя, будь то абхазы, грузины, армяне, азербайджанцы, чеченцы или русские. Только в этом случае остается надежда на выздоровление нации, надежда на победу Добра в душах людей и в мире. Но вот читаешь о красивом будущем Абхазии, которое представляется Станиславу Лакобе, и у меня, человека далеко не стороннего, неверие в его искренность

тоскливо сжимает сердце. Он, интеллектуал, представляет Сухуми (или Сухум) культурным интеллектуальным центром, своеобразной кавказской столицей для творческой молодежи, но не видит в нем и в целом в Абхазии места для тысяч мирных грузин, согнанных с родных, насиженных мест, на которых веками проживали их предки, и влачащих жалкое существование в статусе беженцев в остальной Грузии или России. Во всяком случае, Станислав Лакоба молчит на этот счет, как будто и нет этой проблемы...

ПРОГНОЗ. Сюда вошли следующие статьи: “Заметки на полях кризиса” Александра Криштона, историка из Дагестана, “Когда сливаются ручьи” Асфара Куека, главного редактора республиканской газеты “Голос адыга”, “Как быть Кавказу” Мамеда Исмаила, азербайджанского поэта, “Под единой крышей человечества” Агаси Айвазяна, армянского писателя и кинорежиссера.

Александр Криштон считает, что весьма вероятен третий цикл военного процесса в Чечне и возможны последующие. Этот прогноз ему позволяют делать сегодняшние очень незначительные успехи в области поиска “общего языка”. А поскольку “сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения”, “мы, — считает автор, — находимся пока в самом начале пути”.

Асфар Куек задается вопросом, является ли Россия его Родиной? Ведь Россия до сих пор не признала факта геноцида черкесского народа. А должна сделать это, если хочет быть цивилизованным государством.

Черкесская диаспора, проживающая вне России уже более 150 лет, в ожидании зова родной земли все никак не пустит свои корни глубоко в чужие земли. Появись такая возможность, и в Адыгею вернулись бы до двести

тысяч ее представителей, и мог бы начаться процесс восстановления этноса. Но, считает автор, Чечня перехватила инициативу. “Сегодня уже и деньги, и те молодые люди, которые могли бы стать закваской будущей нации, аккумулированы в Чечне, причем, для совершенно иных целей, – пишет автор. – На другой вариант развития – экспансивный, бандитский и т. д. Вступившему на этот путь человеку трудно дается дорога обратно. В этом смысле то, что происходит сейчас в Чечне, – это развязка северокавказской ситуации”.

А в отношении России прогноз Асфара Куека таков: “Как и любая империя, Россия космополитична, и если она не будет заботиться о народах, которые живут внутри нее, – она рухнет”.

Главный корень зла Мамед Исмаил видит в инерции имперского мышления, которая “въелась в сознание вершителей судеб... Когда я сегодня вижу в телекадрах, – пишет автор, – разрушенные чеченские села, взорванный переход на Пушкинской площади и цинковые гробы, слезы матерей и чеченских, и русских, бэтээры, которые утюжат асфальт, я скорблю и невольно вспоминаю январский Баку девяностого года, вспоминаю Алматы 1996 года, после Вильнюса, Тбилиси, когда с безоружным народом решили говорить танками, пулями и саперными лопатами”. И в заключение: “нужен диалог между народами – на уровне Духа, Добра, Чести и Благородства”.

Логика истории, считает Агаси Айвазян, predeterminedena свыше. Империи – организм умирающий. Он уверен, что рано или поздно Чечня и весь Северный Кавказ будут независимыми. России следует проявить “огромную историческую смелость, необходимо трезво видеть действительность и определить свое новое место в мире...”

РАКУРС. В этой главе нам предлагают “Азербайджанские мотивы” Чингиза Гусейнова, азербайджанского писателя, профессора МГУ, “Запад и Кавказские ворота” Жоржа Нива, историка русской литературы из Франции, “Самое начало было неправильное...” ленинградского ученого Якова Гордина, “Кавказский акцент в русской литературе” московского критика Натальи Ивановой и “Кавказская линия” русского писателя Анатолия Приставкина.

Свой замечательный этюд о щедрой душе Кавказа Чингиз Гусейнов завершает вопросом, который однажды задали ему: если бы на гигантской площади собрали бы ваш народ и дали бы вам слово, что бы вы сказали? — Я бы им сказал, — отвечает Чингиз Гусейнов, — как великодушен, добр и прекрасен каждый из них в отдельности, но почему, собранные вместе, они утрачивают эти замечательные качества? И что главное, на мой взгляд, автор уточняет: “это будет уже не проповедь, обращенная вовне, а исповедь, обнажающая нутро и плохо слышимая множеством...” Далее он перечисляет те дурные качества, которые в равной степени характеризуют многих и многих из нас: себялюбие или ультраэгоизм, неумемное самомнение, не терпящее возражений, хвастовство, трескучее критиканство — винить других, не видя собственных недостатков, необыкновенная щедрость по отношению к себе и патологическая скупость на подлинную благотворительность, неумение вести цивилизованный диалог, самоуспокоенность и лень...

Жорж Нива пишет, что “Кавказ, как гора, откуда текут все языки человека, давно завораживает лингвистов, этнографов и даже философов. Хоть в истории европейского романтизма Кавказ уступает Корсике, Балканам, Албании, Алжиру, как более близким и знакомым

странам, но, начиная с польского графа Яна Потоцкого, западный читатель уже воспринимает Кавказ как колыбель цивилизаций, источник мифов и языков... “Мы все побывали на этом праиндоевропейском мифическом острове, – пишет Жорж Нива, – стояли перед этими воротами, как Пушкин перед Дарьяльскими воротами... Остается только мечтать, чтобы и сегодня открылись эти мифические ворота, и мы увидели и приветствовали живых людей оттуда, из мифов и эпосов...”

Яков Гордин считает, что история – это “хранилище духовного опыта, исходя из которого мы только и можем выстраивать стратегию и тактику при решении роковых проблем.”

Вину за методы присоединения Кавказа и других территорий к империи русская духовная элита осознала лишь в XX веке. “Мы любим Кавказ, но смотрим на его покорение сквозь романтические поэмы Пушкина и Лермонтова”, – писал в конце 30-х годов замечательный русский мыслитель Георгий Федотов. “Мы заучили с детства о мирном присоединении Грузии, – вторит ему Яков Гордин, – но мало кто знает, каким вероломством и каким унижением для Грузии Россия отплатила за ее добровольное присоединение. Мало кто знает и то, что после сдачи Шамиля до полумиллиона черкесов эмигрировало в Турцию. Это все дела недавних дней...”

Речь идет не о принципе, а о методах. Сама по себе идея присоединения Кавказа считалась правильной и необходимой. История взаимоотношений России и Кавказа весьма богата опытом, надо только уметь извлекать из него уроки.

Говоря о духовном родстве выдающихся русских писателей с Кавказом, Наталья Иванова задается вопросом: “Выдержала ли современная русская литература испытание трагическими событиями? Смогла ли она

адекватно прореагировать и на события в Нагорном Карабахе, Сумгаите и Баку, Тбилиси, на грузино-абхазскую войну и, наконец, на войну в Чечне?” И сама же отвечает: “Русская интеллигенция – и русские писатели, как ее костяк – мало и не очень вразумительно писали и думали обо всем этом”. Но Наталья Иванова справедливо считает, что интеллигенция любой страны несет ответственность за попустительство и развязывание националистического духа. Противостоять национализму и шовинизму в своем обществе, в своем государстве, у себя дома – вот первоочередная задача интеллигенции. “Чувство ответственности за своего и вины перед другим, – считает московский критик, – только это поможет нам обрести общее будущее, потому что отдельного не бывает”.

Сегодня, считает Анатолий Приставкин, решается судьба не только маленькой Чечни, но и всей России.

Анатолий Приставкин вспоминает историю русско-кавказских взаимосвязей, говорит о так называемой Кавказской линии, которая творилась почти столетие, начиная с появления на Кавказе Петра I, Суворова, Потемкина, Ермолова и т.д., “пока оборонительной полосой не выстроилась она довольно прочно от Каспия до Азова”. И припоминает не столь давние события. В первую чеченскую кампанию писателю довелось побывать в Грозном, где он познакомился с ополченцем Албасовым Виеради. В прошлом преподаватель географии, он был брошен российскими солдатами в яму как боевик, бежал и пошел в ополченцы. Он особо подчеркивал это, ибо был мирным человеком и пошел на войну, чтобы защитить свой аул. Во время одного из боев в центре Грозного, когда чеченцы окружили сотни русских ребят, Виеради вывел из-под огня шестнадцать парней,

отправил их в свой аул, а там передал с рук на руки их родителям. На вопрос, почему он это сделал, Виеради ответил, что воспитывался на примерах истории и русской литературы. “Думая о будущем Кавказа, – пишет Анатолий Приставкин, – верю, что судьбу решат такие вот его сыны, как Виеради, другие, подобные ему. Они не дадут прерваться Линии, возведенной столь многими усилиями и горцев, и россиян”.

Заключение

Вот и перевернута последняя страница этого интереснейшего сборника. Двадцать шесть статей, двадцать шесть точек зрения, но почти всех их роднит одно: несмотря на боли и страдания, которые каждый из авторов, несомненно, несет в своем сердце, нет у них озлобленности и обиды (почти!), нет нетерпимости, каждый в отдельности стремится к поиску общего языка, компромиссу, миру и добру. Осталось только объединить свои усилия, внять призыву поэта: “Возьмемся за руки, друзья!”

В своем предисловии Хайди Тальявини пишет: “Важной для нас была и надежда, что эта книга поможет завязать связи всем думающим и пишущим на Кавказе, откроет возможность межрегионального диалога. Из опыта многих конфликтов известно, что диалог поверх барьеров может быть началом долгосрочного мира. Лучшей цели у этой книги быть не может”.

ДРУЗЬЯ УХОДЯТ

Ушла от нас Натела Карашвили. Наш бессменный ответственный секретарь на протяжении многих лет. Ушел человек, страстно влюбленный в жизнь, никогда не унывающий, не терявший надежды. Ушла женщина, сильная духом, но при этом незащищенная, женственная, кокетливая – накануне серьезнейшей операции она сбежала из больницы, чтобы привести себя в порядок, и легла на операционный стол с уложенными волосами, маникюром, педикюром...

Одаренному человеку все дается легко. И Натела, казалось, шутя справлялась со своими служебными обязанностями. Но она не только делала макеты и “улучшала” наши материалы на 27-30 строк, но и переводила на русский язык произведения грузинских писателей. И не только переводила, но и писала сама. Два ее рассказа были опубликованы на страницах “Литературной Грузии”.

Времена меняются... Изменился и наш журнал, опустели коридоры, умолкли телефоны... Гонимые обстоятельствами, многие сотрудники разъехались кто в дальнее, кто в ближнее зарубежье. Уехала и Натела. Мы попрощались с ней, прощанье было грустным, но не безысходным. Мы знали, что она жива, правда, нездорова, но жива. Возможно, ко всем ее болячкам прибавилась и тоска по родной земле, друзьям и близким, и это ускорило ее конец. Грустно сознавать, что в последний час с нею не было никого из них. Прости, Натела. Пусть Святая земля, ставшая твоим последним пристанищем, будет тебе пухом.

Нет с нами больше Ильи Дадашидзе, поэта и романтика, нашего автора и дорогого друга. Это печальное известие пришло недавно из Москвы.

Было время (славное время!), когда сердце Ильи разрывалось между тремя городами – родным Баку, любимым Тбилиси и желанной Москвой. Мы шутя говорили ему: переезжай в Тбилиси, Илья, тебе здесь все всегда так рады. На что он мудро отвечал: каждый мой приезд в Тбилиси – праздник, а если я перееду сюда, праздника не будет.

В конце концов, когда мир вокруг нас, казалось, перевернулся, Илья очутился в Москве, где стал работать корреспондентом радио “Свобода”.

Илья сотрудничал с “Литературной Грузией” долгие годы. Не владея грузинским (так уж сложилось), он переводил грузинскую поэзию по подстрочникам и переводил отлично, наверное потому, что стихия этого языка была в какой-то мере близка ему – корнями он уходил в нее. Но главное, наверное, потому, что Илья был замечательным русским поэтом. Его прозрачный стих, интеллигентная манера письма сродни классическому русскому стиху.

В последний свой приезд в Тбилиси (это было года два назад) Илья был грустен и немногословен. Он ходил по улицам любимого города, словно не узнавая его. Хмурые лица, нищие на переходах, гостиницы – дома беженцев, иномарки, казино, бутики, маркеты. Город живет (слава Богу!), но это уже не тот город, и может быть потому, что из него ушел так лелеемый им когда-то Праздник. Прощай, Илюша.

Главный редактор ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ

Редакционный совет:

Ирина ЗУРАБАШВИЛИ

Манана КВАЧАНТИРАДЗЕ

Майя МЕРАБИШВИЛИ

Елена СОПРОМАДЗЕ

Лиана ТАТИШВИЛИ (отв. секретарь)

Георгий ЧАРКВИАНИ

Художник ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ

Техредактор: КАРИНА КОТОМИНА

Редакция “Литературной Грузии” выражает искреннюю благодарность Грузинской Международной Нефтяной Корпорации, спонсирующей издание нашего журнала.

„ლიტერატურნაია გრუზია“

საქართველოს მწერალთა ჟურნალი
რუსულ ენაზე

Напечатано в типографии издательства “Интелекти”
Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе 17⁶, тел.: 25-05-22.

Подписано к печати 1.11.2001.

Формат бумаги 84x108 1/32.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Тираж 300

Цена договорная

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на “Литературную Грузию” обязательна.
Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул.Костава, 5.

Телефоны: 93 65 15, 99 06 59.

© “Литературная Грузия”, 2001